

*Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 53

**МАТЕРИАЛЫ
XIV Февральских научно-музейных чтений
памяти С.С. Гейченко
«Музей в истории. К столетию
первого музея в сельце Михайловском»
(17-19 февраля 2011 года)**

Сельцо Михайловское
Пушкинский Заповедник
2012

Серия основана в 1996 году.

Материалы XIV Февральских научно-музейных чтений памяти С.С. Гейченко «Музей в истории. К столетию первого музея в сельце Михайловском» : [сб. ст.] / Пушкинский Заповедник. – Сельцо Михайловское : Пушкинский Заповедник, 2012. – 208 с. – (Серия «Михайловская пушкиниана»; Вып. 53).

ISBN 978-5-94595-059-7

В очередной выпуск «Михайловской пушкинианы» включены доклады и сообщения, сделанные участниками традиционных Февральских научно-музейных чтений в Пушкинском Заповеднике 17–19 февраля 2011 года. Темой конференции, которая проходила в юбилейный для Михайловского год, стала история музея, его роль в истории своей страны и её культуры. В отдельный раздел книги помещена публикация, подготовленная по итогам научных изысканий сотрудников Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское».

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-94595-059-7
(Пушкинский Заповедник)

Для Михайловского 2011 год – юбилейный. Но юбилей этот особый, «домашний». Век назад, 26 мая 1911 года, был освящён Главный дом усадьбы, восстановленный после пожара для Колонии престарелых литераторов имени А.С. Пушкина. В этом доме для свободного посещения впервые открыли кабинет-музей А.С. Пушкина. Но, поскольку главным учреждением в память поэта была сама колония, учредительные документы существовали только для неё и официальным днём рождения Пушкинского Заповедника считается 17 марта 1922 года, когда Постановлением Совета Народных Комиссаров пушкинские места Псковской земли были объявлены заповедными.

Поэтому столетие со дня открытия первого музея в Михайловском и прошло без официальных торжеств и шумихи. Но тем важнее оказалась эта дата для внутренних музейных событий. Ей были посвящены главные выставки года, наиболее крупные массовые мероприятия. И, конечно же, тема Февральских чтений памяти С.С. Гейченко была прямо связана с юбилеем: «Музей в истории. К столетию первого музея в сельце Михайловском». Мы пригласили коллег к разговору о неповторимых моментах истории каждого музея, о том, какое место и почему занимает музей в истории своей страны, в истории отечественной и мировой культуры. К обсуждению на чтениях были предложены следующие темы:

- Личность в истории музея.
- Из истории комплектования музейных фондов.
- Михайловское в архивных документах, частных и музейных коллекциях.
- Комплектование в связи с юбилейными датами.
- Перспективы расширения тематики комплектования в связи с экспозиционными задачами.
- Проблемы осуществления совместных юбилейных выставочных проектов.
- Совместные издательские проекты, объединяющие сходные коллекции разных, но «тематически близких» музеев.
- Пути объединения усилий разных музеев в изучении и описании тех музейных предметов, судьба которых связана с двумя и более музеями.

Главным «героем» чтений стало, как и предполагалось, Михайловское. Прозвучали также доклады и сообщения, посвящённые другим музеям и частным собраниям, их формированию и описанию.

Фактически продолжает тему чтений, лишь по объёму выходя за рамки обычного доклада, обстоятельное исследование Т.С. Гейченко и Е.В. Шпинёвой о судьбе Михайловского после смерти А.С. Пушкина.

*Елена Ступина, заместитель директора
Пушкинского Заповедника по научно-музейной части*

I. Материалы
XIV Февральских научно-музейных
чтений памяти С.С. Гейченко
«МУЗЕЙ В ИСТОРИИ. К СТОЛЕТИЮ
ПЕРВОГО МУЗЕЯ
В СЕЛЬЦЕ МИХАЙЛОВСКОМ»

Константин Бурченко

ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК В КАНУН
СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
(1911–1917)

В основу этой публикации положены материалы дневника В.В. Тимофеевой-Починковской, жившей в Колонии литераторов в сельце Михайловском с 11 июля 1911 года (практически с момента открытия колонии) по декабрь 1917 года и ставшей свидетельницей уничтожения Михайловского в феврале 1918 года.

В научный оборот рукописные материалы «Шесть лет в Михайловском (из записных тетрадей 1911–1917 гг.)», хранящиеся в рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинском Доме), ввёл Анатолий Иванович Давыдов, научный сотрудник Пушкинского Заповедника с 1966 по 1995 год. В 1996 году в первом выпуске «Михайловской пушкинианы» была опубликована статья А.И. Давыдова «Воспоминания В.В. Тимофеевой (Починковской) «Шесть лет в Михайловском», в которой автор достаточно полно представил эти материалы. А.И. Давыдов привёл наиболее интересные моменты, касающиеся тогда ещё сохранившихся «следов» пушкинского времени в Михайловском и его окрестностях, описания посещений Петровского, Дериглазова, Лысой Горы, Святогорского монастыря, Воскресенской церкви в Ворониче. Подробно представлены фрагменты рукописи, где ведётся рассказ о визитах в Михайловское замечательных людей того времени – литераторов, журналистов, артистов МХАТа, философа Н.О. Лосского, великой княгини Марии Павловны

(младшей). Отдельно следует выделить приведённые в публикации материалы, касающиеся уничтожения Михайловского, Тригорского, Петровского, Дериглазова.

После перехода А.И. Давыдова в музей-усадьбу «Хмелита» работу с рукописными материалами В.В. Починковской продолжила Р.В. Бурченкова, хранитель музея-усадьбы «Тригорское» с 2000 по 2009 год.

В этой публикации хотелось бы особо остановиться на тех фрагментах «Воспоминаний», которые дают представление о деятельности колонии как музейного и просветительского учреждения, о взаимодействии её с окружающим миром, об отношении дворянства и местных крестьян к ней. Представляются интересными свидетельства человека, оказавшегося очевидцем крушения Российского государства – как это происходило в Пушкиногорье.

Но прежде всего хочется отметить, что некоторые фрагменты «Воспоминаний» имеют практическую музееведческую ценность. Так, описание комнаты и вида из окна в усадьбе фон Фоков в 1912 году даёт ценные сведения об устройстве усадьбы Лысая Гора: «11 июля. – Жаркий безоблачный день. Ездил на Лысую Гору отдавать визит m-me Фок. Хозяйки не было дома. Уютная комнатка её внизу, застланная половиками, с пьльцами и пианино, с книгами, нотами и полевыми цветами на этажерках, с низеньким канапе и будуарным креслом у окна, откуда чудесный вид на ярко-зеленеющий луг и на реку Великую с посадом, за оградой из старых лип и берёз на берегу...»¹. Наряду с материалами краеведческой экспедиции, которую летом 2010 года предприняли доброты из археологического клуба «Поисковый молодёжный центр «Лигово», эти сведения могут быть использованы при создании музейных экспозиций, проведении экскурсий по дворянским усадьбам и в дальнейшем при музеефикации усадьбы.

Описание крестного хода из Святогорского монастыря в Воронич может быть использовано в случае возрождения этой традиции в наше время.

Сведения о том, что флигеля колонии построены на месте конюшни и амбара, дают представление об устройстве усадьбы Михайловское

¹ Воспоминания В.В. Тимофеевой-Починковской здесь и далее в сборнике цит. по: *Тимофеева-Починковская В.В. Шесть лет в Михайловском // Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом), 14487/LXXXIV 07. Некоторые характерные орфографические, синтаксические и пунктуационные особенности рукописи сохранены.*

до образования там колонии: «Флигелей для «призреваемых» два. Один для литераторов, с никелированными кроватями, но с запахом конюшни, из которой он и перестроен. <...> Учительницы тоже советуют мне поместиться в другом, хоть и без никелированных кроватей, и с запахом карболки, и йодоформа в столовой, что прежде был амбар...».

Интересны сведения о пушкинской дороге из Тригорского в Михайловское: «Вот это Тригорское! – указал он (ямщик. – *К.Б.*) кнутом налево, когда мы спустились в ложбинку между двух скатов. – А тут вот, направо – городище Воронич... А вот сейчас и Михайловское вам будет». В записи от 11 апреля 1912 года находим рассказ о дороге из Святых Гор в Михайловское: «...Мы ехали лесистыми холмами, безлюдными полями на «Святых горах», с неугасимой лампадкой в старинной часовне. Внизу, в расщелине, где паслось ещё стадо, когда мы ехали туда, теперь горел костёр пастуха, темнели дали и блестели росой свежевспаханые поля. А за нами, как будто провожая нас, переливался вверх и вниз всё тот же дробный, в полутонах, нежный перезвон колоколов... Вон там, за тёмной чащей леса – его Зуёво, его михайловские рощи. Вон – влево – речка с мельницей...»

«Вот мельница – она уж развалилась»...

Не на Днепре, а здесь, я чувствую, бродил пушкинский «князь», вспоминая покинутую им Наташу...»

Колония имени А.С. Пушкина, находившаяся в ведении псковского дворянства («Главного Комитета по заведованию с. Михайловским и колонией им. Пушкина»), была торжественно открыта 26 мая 1911 года. На момент приезда В.В. Починковской попечителем колонии был Георгий Георгиевич Корсаков, помещик из села Васильевского, а из «призреваемых» – душевно больная «ненормальная» Марья Фёдоровна (фамилии в записях обнаружить не удалось). В летнее время в колонии также жили учительницы («епархиалки», как их называет В.В. Починковская). Обслуживала колонию в Михайловском немногочисленная прислуга, в основном из местных жителей. В.В. Починковская стала первым экскурсоводом в первом пушкинском музее в Михайловском.

Пушкинское Михайловское того времени – это место, куда ехали к поэту паломники, с одной стороны, и место увеселительных дворянских собраний за счёт средств на содержание колонии, с другой. Поклониться пушкинскому Михайловскому приезжали люди разных сословий. Граф П.С. Шереметев собирал здесь материал для книги о Пушкине, художник В.В. Мешков писал этюды, солдаты и офицеры стоящих неподалёку

в годы Первой мировой войны воинских частей искали здесь «всё, что осталось от Пушкина».

Иное отношение – у местного дворянства: попечитель Корсаков выпиливает лес в Михайловских рощах.

«Среда страстная (1912 год. – *К.Б.*). Еду в монастырь к преждеосвященной обедне – кучером, сверх ожидания, придурковатый паренёк из семейной.

– А где же Александр или Василий? Спрашиваю.

«Они нойма пни возят в Васильевское. Полтора пней заказано Корсакову отвезти. Корсаков в Опочке училище строит».

А слух пущен, что рубят лес для школы и детского приюта в Михайловском! – И вот почему «джентльмену» хотелось, чтоб я побывала «хоть на несколько деньков в Петербурге»...

Не меняется ситуация и после назначения в январе 1914 года попечителем Павла Фёдоровича Карпова из усадьбы Вече:

«Редкий день обходится без посещений: то попечитель... то дочь его, то бонна... Колония играет роль почтовой станции для проезжающих из Веча или в Вече...» Новый попечитель с ещё большим цинизмом устраивает свои дела, не гнушаясь ничем:

«– Давайте сговоримся, что выписывать в этом году. Надо нам то выписывать, чего нет в Вечах», – предлагает мне «милейший» вечевский барин. Я невольно настораживаюсь. То есть, например? – «Да вот, например, выходит теперь роскошное художественное издание «В столицах и усадьбах». Стоит оно 20 рублей. Мне это не по карману. Выпишемте его для колонии!» – Но зачем это нам для колонии? Для нас это роскошь и не имеет никакого отношения к нашему быту. – «Отчего же? Здесь ведь тоже дворянская усадьба», – с кислой улыбкой настаивает он. Но я тоже упорствую: «Воля ваша, но от своего имени выписывать я отказываюсь. Для колонии лучше бы новый журнал и газету. У меня летом спрашивали, нет ли «Паломника», нет ли чтения для детей и народа...»

И мы остались и без новой газеты, и без «Паломника», и без книг для детей и народа. – «Сумма подписки превышает и без того назначенную Комитетом цифру», дипломатично объявили мне. – А я то мечтала заводить тут культурные центры просвещения и добра! «Променяли кукушку на ястреба», «посадили лису в курятник» и «пустили козла в огород...» Вновь он во второй раз управляет Михайловским – на памяти у всех этот «милейший человек» (в обращении) и «отец родной» для всех плутов и мошенников...»

Михайловское, тревожится Починковская, превращается в дачу для совсем случайных людей: «По рекомендации бывшего попечителя, Г.Г. Корсакова, явились «на дачу» в Михайловское содержатель постоянного двора и вокзальный буфетчик из Острова, сначала в одиночку, а потом и целой фамилией, с ребятами и провизией, с родными и «своиственными»... Странное общество и странные речи приходится видеть и слышать за общей трапезой в столовой колонии. Выходит – чуть ли не от них теперь и зависит существование колонии. Они «приглашены» в помощь, для доставления средств, необходимых на содержание «призреваемых»... Они расплачиваются за нас чего-то там, – не то у стойки вокзального буфета, не то на постоялом дворе, при кормёжке овсом или сеном лошадей гг. попечителей». В.В. Починковская обращается в «комитет по заведыванию селом Михайловским» с жалобой на злоупотребления, и в ноябре 1916 года попечителем назначается Николай Александрович Зварковский. Но дни колонии после февральской революции уже сочтены.

Часть дворянства теряет нравственные ориентиры, теряет чувство ответственности за судьбу России, жаждет наживы. И это становится одной из причин распада государства в 1917-м.

Показательно отношение и к памяти Пушкина, и к Михайловскому со стороны других представителей местного сообщества того времени – жителей Святых Гор, крестьян. Первое знакомство В.В. Починковской с местными жителями состоялось сразу по приезде в Михайловское в 1911 году:

«18 июля. Об А.С. Пушкине здесь никто ничего не помнит. Или рассказывают всё давно уже известное, или ссылаются на рассказы, которых никак и повторить нельзя. Учительница сводила меня в Воронич (версты три от Михайловского). Там живёт дочка недавно умершей просвири, с которой Пушкин любил разговаривать, и она хорошо его помнила. Но эта просвири не дождалась меня, умерла великим постом, а от дочки – тоже старухи – я добилась немногого.

– «Мамашка моя всё помнила, а я ничего не помню. Меня ещё и в живых тогда не было. Мамашка моя всегда говорила: «Хороший господин был Александр Сергеевич, – ах, хороший он был! Другого такого пожалуй и во всем свете не сыщешь. Обо всём у него своё понятие было. И что ни расскажут ему – он всё в книжку. – Можете вы так, к примеру: что вам расскажут – сейчас в книжку писать?»

Я не сразу поняла, что она хочет сказать, и хабро ответила:

– Отчего же, – могу!

– «Ну, не знаю! – недоверчиво протянула она, и прибавила, помолчав: – А мы думали, только наш Пушкин один во всём свете умел так в книжку писать».

Тем наша беседа и кончилась».

Отношение местных жителей к колонии в Михайловском в ещё благополучном 1911 году характеризуется следующим отрывком из «Воспоминаний»:

«Тогда же, в лавке у Крестиных, какой-то крестьянин, услышав, что я говорю о Михайловском, неожиданно обратился ко мне с упреками:

– «Чтой-то больно строго нойма стало у вас в Михайловском. Хоть бы ты, барыня, за нас заступилась. Житья нам не стало с управителем вашим. Кто он – немец али поляк? Лют он горазд. Бабы наши давно уже жалуются. В лес не пускает. Ни ягод, ни блиц собирать не даёт. Гонят из лесу, кнудом гонят. Никогда при старых помещиках того не бывало. Мы ещё при Пушкине рендовали в Зуёве. И блиц же бывало тогда – так и сидят. Боровикам обору не было. А теперь, как стали кнудом гонять, и нет ничего. – Ты бы сказала там старшему-то у вас, почему такое нам притеснение. Стыдно вам так народ притеснять, господа вы богатые...»

Я слушала в смущении, не зная, что отвечать ему, и обещала передать его жалобу попечителю. Но, говорят, по приказу попечителя всё и творится. И жалобы несутся со всех сторон. Только и слышится от всех: – «За работу платят гроши, да и тех надо ждать по целому году. Ну и пойдёшь рубить лес, чтобы хоть чем-нибудь взять своё. А тебя за это штрафами морят да в тюрьму сажают... Дождутся они – ужо погоди! – как все мы с топорами да рогатинами придём!»

Негативное отношение к колонии в Михайловском прослеживалось ещё задолго до революции:

«И мужики постоянно грозятся, что придут в село (Михайловское. – К.Б.) с топорами и вилами, что вся земля, и лес, и усадьба – всё ихнее.

«Лет через десять ничего здесь не останется», – говорил мне соседний, бугровский мужик, в ответ на мои пояснения, в чём «всероссийское» значение села Михайловского и почему надо хранить его в полной неприкосновенности.

«Слыхали мы, что все бумаги про нашу землю и волю – при ём, в гроб к нему господа положили» – это я лично слышала от крестьян бывших пушкинских».

Показателен отрывок воспоминаний, где говорится о посещениях Михайловского жителями Святых Гор: «...посетители из Св. Гор являются в Михайловское не для осмотра давно им известного «Дома-музея», но чтобы посидеть там на мягких диванах, нарвать цветов, поиграть на бильярде, – вообще для развлечения...» Эти «святогорские кавалеры с барышнями разбредутся по комнатам и сидят там до позднего вечера».

В записках Тимофеевой-Починковской отчётливо читается, как Россия неуклонно приближается к распаду. Вседозволенность, попрание святынь становится нормой поведения:

«8 апреля. – Вчера, только что вышла за ворота, заметила какую-то лиловую надпись на белом столбе у входа в липовую аллею. Подхожу и читаю... Над дивным стихом, выбранным мною для этого места («В разные годы под вашу сень, михайловские рощи, являлся я»), анилиновым карандашом написано нечто совсем не цензурное... То же, говорят, и в Св. Горах, на памятнике и балюстраде. Остроумие из поэзии Баркова и «Власти Тьмы» неизвестного сочинителя».

В.В. Починковская видит, что «...мир этот рушится и на смену ему идёт совсем новый – в этом сомневаться уже нельзя. Рушится и валится в бездну... А над бездной – вечно творящая, преобразующая и воскрешающая Сила»; писательнице кажется, что только вера может спасти Россию от катастрофы:

«Страстная пятница, 4 апреля (1914 года. – К.Б.). – Только вчера, за всеобщей в Св. Горах, понятно стало, до чего я здесь зачерствела и обездушилась. Куда девалось всё, чем жила я последние десять лет? Стояла столбом, рассеянная, пустая, ничтожная. Думала о купленных яйцах для подарка прислуге, о сварах с «ненормальной», о том, что говорят теперь там, в петербургской редакции, – о том, как худо, неправильно и бестолково читают Евангелия... А сама в себе ничего не переживала, хоть и следила глазами по тем же самым страницам, по которым столько лет читалось всё это с огнём в душе и со слезами...»

Только лица крестьян, мужиков в бурых кафтанах, давали ощущение набожности. Их вздохи, их свечи, их умиление. Только они исконно напоминали о церкви и Христе. Да, вот они ведь тут с Ним были, и Он знает их, и они Его знают, хоть и неграмотные...»

Но и в храм проникает лицемерие:

«Вернулась опять в свой угол, к мужикам в бурых кафтанах. Но рядом стоял теперь и другого вида. Не мужик и не барин. Вероятно из

торгашей с крупной выручкой. Вилял глазами и поставил свечу в целый аршин. Сам стоял со свечкой в полтинник. И тоже набожно вздыхал и крестился. А лицо неприятное, плутоватое. Лицо Иуды, «льстеца беззаконного» – и бегающие, воровские глаза». Как показало время, будущее было именно за такими персонажами, ибо отсутствие совести стало главным их «пропуском» во власть.

Со страниц «Шести лет в Михайловском» мы узнаём, как приходит в Михайловское весть об отречении государя и как принимают её простые люди:

«На железнодорожной станции (в Мехове) сообщают из агентских телеграмм: «Государь во Пскове. Подписан манифест об отречении – за себя и за сына. Михаил Александрович не принимает престола до избрания всенародного. Дворец Зимний разгромлен. Царица ранена. Наследник отравлен. Фредерикса «царапнули»...»

В кухне у нас Даша обсуждает «дела»: – «Что же, може так то и лучше будет. Царю, видно, надо быть сердитым, чтоб слушались. А наш-то видно на Павла Фёдорыча похож: вроде киселя».

В лесу встретила со стариком-полесовным. Спрашиваю: не слышал ли чего?

– «Слых был, сударыня, государя ловят. Не то во Пскове он, не то где... Государя тоже винить нельзя. Что он один может и сделать, коли не слушают? Государя жалко...»

Показательно отношение к отречению и самой писательницы:

«Я республиканка по духу от младых моих дней, но я с отвращением или болью переживаю этот внезапный переворот. Есть в нём что-то угрожающее своей лёгкостью. Сознательные, глубоко необходимые жизненные процессы совершаются не так-то легко...»

Сейчас наклеивала 10-копеечную марку с портретом Николая II, и сейчас же вспомнилось всё. Снимают его портреты отовсюду, забывают о нём – а вот эти марки, и деньги, и чувства, и мысли – не скоро исчезнут они у тех, кто привык и мыслить и чувствовать. Кого не разбил паралич».

Власть переходит к Временному правительству, которое не контролирует ситуацию в стране. Судьба дворянских гнёзд решается теперь на народных собраниях, возглавляемых нечистыми на руку, подчас уголовными элементами, подстрекающими толпу к грабежам и насилию. В.В. Починковская присутствует на первом таком собрании в марте 1917 года:

«Объявлено первое народное собрание в Св. Горах. Еду на почту с намерением побывать и там. <...>

На горке подле волостного – павильон в снегу. Там – комиссары Врем. Прав-ства, «сознательный» (по виду) солдатик с ружьём, милиционеры из выборных, с белой повязкой на рукаве. Перед павильоном толпа мужиков, баб и подростков – в ожидании. Обращаюсь к одному – высокому, степенному мужику, аккуратнее других одетому и с деловым выражением в лице:

– Я вот, – говорю, – приехала послушать, что народ говорит, чего желает и о чём думает. – Ответил тоже степенно: – «Народ желает, чтобы порядок был. Чтобы всё по правилу, а не так, чтобы самим себе в карман только».

«Оратором» выступал мой знакомый, бугровский мельник, Николай Николаевич Ольхин, ходивший ко мне за книжками и советом насчёт своих «литературных» произведений, – «поклонник» Шиллера и Гёте – «хоть и мало читал их», – из хорошо распропагандированных в 1905 году, но теперь довольно нелепо путавший «платформу» эсдеков с немецкими провокациями насчёт войны, земли и воли:

– «Придумали эту после войны капиталисты и правительство, чтобы народу поубавилось... Войну начало правительство, чтобы легче потом скрутить было... Начальники наши карманы да пуза себе набивают, а нас посылают кровь за них проливать... Разве это не обидно, товарищи?»

– «Верно! Правда! Как есть всё так!.. Кровопийцы! Насильники!» – с жаром доносится с вышки.

– «Долго мы терпели всякое зло... Стражник, писарь, урядник, исправник, земский начальник – ото всех мы обиды и притеснения терпели... Верно, товарищи?..»

– «Верно! верно! Дюже горазд хорошо!»

– «Нет земли, говорят... Земля зуёвская рядом, но мы не смей её трогать, потому земля эта, говорят, дворянская собственность, принадлежит псковскому дворянству. Лесу нет у народа – рядом Михайловский лес, но рубить его запрещают, потому что лес тоже дворянская собственность... Народ доведён до нищеты, народ кровь свою на войне проливает, а из дворянского лесу щепки взять не позволят... Так ли, товарищи?»

– «Правильно, Миколай Миколаич! Речист ты больно!» – Баба рядом со мной всхлипывает и крестится: – «Ровно Господь из Петрограда приехал! Как есть Бог: всю правду знает про нас!»

– «Ну, теперь всё это кончено! Теперь свобода для всех, товарищи! Земля эта – ваша теперь! Вот она тут перед вами. Берите её! Лес тоже ваш, товарищи! Рубите его!..»

Оратора дергают сзади – солдатик с винтовкой и комиссар. Оратор выдерживает паузу и многозначительно добавляет: – «Подождать надо немножко... Недолго... Неделю-другую. В Петрограде теперь хлопчут за нас. Выбирайте себе, товарищи, жокаков хороших, посылайте их в Петроград...»

Но выборы идут туго. «Жокаков хороших» совсем не оказывается.

– Почему же вы Ольхина не выбираете? Он ведь хорошо защищает вас, – говорю я стоявшим рядом со мной.

«Что, не гош и он, в ём тоже неправильность есть», – отвечают мне.

– «Они с отцом своим оба в острогах сидели... За худые дела привлекались к суду», поясняет кто-то в толпе. А баба всё крестится и умилённо вздыхает, глядя на высокую, сухощавую фигуру оратора в заплатанном пальтишке и меховом картузе, из-под которого сверкают беспокойным огнём горячие чёрные большие глаза на бледном и худом лице «полуинтеллигентного» пролетария. <...>

Приезжал потом, говорят и генерал Фок на это собрание с жалобой на самовольную порубку леса в его усадьбе (Лысая Гора): «Не хорошо, дескать, братцы»... Но «братцы» встретили его смехом и бранью: «Ладно! Знаем мы, как вы, генералы, в Японии воевали, карманы набивали, наши души убивали!» – Сел генерал поскорей в сани, да и давай Бог ноги!»

Мельника Ольхина избирают начальником милиции и продолжают призывы к разорению дворянских усадеб:

«28–30 апреля (1917 года. – К.Б.). – Приезжали из Опочки два члена совета рабочих и крестьянских депутатов, присланные для умиротворения: прапорщик Павлов и рядовой с Георгием – Алёхин...»

«Вы должны помнить, товарищи, – взывал прап. Павлов, что село Михайловское – место святое. Оно должно принадлежать всему государству. Там жил и работал для вашей свободы великий человек – Александр Сергеевич Пушкин»... Сейчас уже за ним выступает снова и Ольхин, эффектным жестом сдвигает шляпу на затылок и, приняв картинную позу, во всеулышание провозглашает: – «Михайловское, согласен я, место святое. Да, там жил Пушкин, писатель-стихотворец. Литература и что может быть выше – поэзии – всё это так. Но ведь в чём дело, товарищи: Михайловское – место святое, но живут в нём гады».

Обстановку в стране в целом можно оценить и по высказываниям есаула Старикова-Донского, который прибыл паломником в Михайловское в апреле 1917 года («Как! Быть подле Пушкина и не захватить!») и обсудил с В.В. Починковской будущее России:

«Шайка разнузданных насильников вместо солдат... Армии, полчища тупоголовых невежд и совершенно потонувшее в тине своего корыстия, безверия и безучастия торгашество... А к нему-то и рвётся всё это столь наивное, столь простодушное, беспомощное во тьме, исконное наше крестьянство... «Господ не надо!» «Купцов толстобрюхих не надо!» «Телегентов не надо!» – У нас будут свои торги, – свои суды, свои законы... и вот началось это их «своё» – грабежи, захваты, насилия, озорство... И гг. временные правители на всё это мечтательно взирают и только говорят, говорят, говорят о «правах» и «свободе» всеобщего равенства и братства...»

В Михайловское ещё приходят паломники – «...«рабочие дружины» – курсисток бестужевок и политехничек». Починковская проводит экскурсии для солдат-латышей, артиллеристов Финляндского 22-го корпуса, пешком со станции пришедших посмотреть «достопримечательности». Но в Михайловских рощах уже стучат топоры новых «хозяев жизни» – всё имущество переходит в заведование земельного комитета, из прислуги организуют рабочую артель.

До Михайловского доходят противоречивые вести об октябрьском перевороте:

«1 ноября (1917 года. – К.Б.) – Только что уселась было за письмо, подошёл Николай Александрович (Зварковский. – К.Б.): – «Телеграмма получена из Опочки: Керенский вместе с Корниловым взяли Петроград. «Петропавловка» только ещё не сдалась. Гарнизон и советы перешли на сторону правительства. Адресованные министры освобождены. Ленин тю-тю!»

Я крещусь с благодарной молитвой».

Но чуда не происходит, крестьяне начинают захват дворянских усадеб:

«16 ноября, утром. ...В усадьбах начался «учёт» скота и насильственная передача управления поместьями от помещика – крестьянам. Дериглазово захвачено из первых».

«17 ноября, 10 утра. <...> В Дериглазово, у Шелгуновых, крестьяне соседней с ними деревни Носово самолично и властно вводили новые порядки. – «Всё наше! И скот, и хомуты, и хлеб, всё хозяйство!» <...> И

никакие разубеждения не помогали. Напротив, – ещё более распяляли завистливую жажду господских комнат, одеяния и еды...»

«Суббота, 18 ноября, 8 ч. вечера. – Совершишася!» Михайловское было захвачено новой властью, и «новые порядки» начались с первого дня. Столовая колонии для престарелых литераторов «...превращена была в «штаб-квартиру» и ночлежный приют дезертиров всех родов и профессий, представителей и осуществителей новых порядков и новой власти. Контролёром приставлен был тот же «Санька», солдат в серой папаше, надвинутой на ухо, с лицом цыгана и контуженной правой кистью. Всех особенно привлекал только-что перенесённый перед тем из конторы в столовую телефон. С утра до позднего вечера, иногда же и ночью, раздавались звонки и слышались бесконечные переговоры с «товарищами», то деловые, то самые вздорные, – что только приходило им в голову... С раннего утра на столе у них кипел большой самовар, а вокруг за столом сидели все эти «Саньки», «Петьки» и «Васьки», товарищи, земляки, сослуживцы по новой профессии «учёта» и «контроля»... «народного достояния».

Из уважения к В.В. Починковской, за время пребывания в колонии много хорошего сделавшей для местных крестьян, ей разрешают остаться, но 12 декабря 1917 года она покидает Михайловское. Писательница живёт на городище Воронич в доме старой дьяконицы и становится свидетелем того, как уничтожают Михайловское и соседние дворянские усадьбы.

«17 февраля (1918 года. – К.Б.). – Утром донесли откуда-то слухи: летел аэроплан и сбросил «приказ» – в три дня чтобы сжечь всё село. – Ночью выходили смотреть зарево. Вторую ночь видели зарево влево от Тригорского. Вчера и третьего дня сожгли три усадьбы: Васильевское, Батово, Вече. Сегодня жгут вероятно Лысую Гору...

18 февраля. – Грабят Дериглазово. <...> В Тригорском... зажигают костры и внутри, и снаружи.

19 февраля. – «Грабят Петровское и Михайловское!» – возвещают мне утром. А я лежу как в параличе, без движения, от всех этих дум. И только про себя запоминаю заглавия для таких эпизодов из «Истории российских революций». Власть злобы и тьмы... Власть завистливой злобы и бессмысленной тьмы... Под вечер вижу в окно новое зарево. И вон там, вправо над лесом – большое и яркое. – «Зажгли Зуёво!» – снова возвещают мне. – «Чтобы не ездили туда и не вспоминали»... Вот оно что! – «Чтобы не ездили и не вспоминали!»..

Ещё одна примета распада – поведение «духовной» семьи, приютившей писательницу и обворовавшей её в суматохе усадебных пожаров:

«...Старая дьяконица тоже мечтает о золотом веке – когда сживут со свету всех «буржуев» и всех «образованных»... Месяц назад, вернувшись с пустыми мешками из сборной экскурсии, она ехидно шипела: «У-у, подлецы-мужики! Душегубы, грабители! Ишь, чего захотели: и земля, и леса – всё чтобы им! А господ всех душить... Неужто Бог не смилуется над нами? Мы от господ только и жили всегда. Господа нас жалели и всем наделяли...» А теперь та же самая дьяконица, стоя с ухватом у печки, печёт «кокорки» для гостей-«мужичков» и так же ехидно шепчет: «У-у, подлецы-образованные! Всё забрали себе, нам ничего не оставили! Передушить бы их всех, чтобы не гуляли тут, когда мы работаем! – А что книжки все эти, романы там разные, так кому это нужно? Баловство одно да распутство. «Подлю всё это!» – говорил покойный мой дьякон, царство ему небесное!» А то и ещё лучше, – «...мечтают они всем уже домом: – набузить мужичков, составить за них приговор и спустить под гору и попа, и образованную буржуйку!»

Возвращаясь из сожжённого Михайловского в Воронич, у места, где стояли пушкинские три сосны, писательница вспоминает строки «Памятника»:

«...Горькой иронией звучали теперь в моей памяти и неоправданные жизнью другие мечты:

«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал»...

Впрочем – кто знает? – не явится ли именно вот эта самая мечта суровым приговором для тех русских людей – «нелюбопытных и ленивых по самой природе», которые с тупым бессильем допустили произвести этот позорный разгром – «бессмысленный и беспощадный», как всё, что совершается во тьме...».

Эпилог записок В.В. Тимофеевой-Починковской наполнен верой в Россию, её будущее. 26 мая 1918 года, придя поклониться поэту в день его рождения, она видит, как монахи служат панихиду у могилы А.С. Пушкина:

«Торжественная полная отслуженная панихида – при полном отсутствии посторонних – производила глубокое, неизгладимое впечатление. Один только солдат, басом подпевавший хору, и две неизвестных мне женских фигуры составляли всю публику. Я была там одна из прежних, из его Михайловского, с душой, переполненной благодарной любовью за годы жизни в тех местах, где всё пропитано и дышит его вдохновением...»

С неумирающей памятью о родном своём гении не может умереть страна, породившая этого гения».

Один из главных выводов «Шести лет в Михайловском» актуален и в наше время: духовное и нравственное возрождение России неразрывно связано с именем Пушкина, с его духовным наследием.

Людмила Тихонова

ПИСАТЕЛЬНИЦА В.В. ТИМОФЕЕВА-ПОЧИНКОВСКАЯ — ПЕРВЫЙ ХРАНИТЕЛЬ СЕЛЬЦА МИХАЙЛОВСКОГО

В.В. Тимофеева-Починковская — незаслуженно забытая писательница второй половины XIX — начала XX века. Многие её произведения написаны в форме дневника, что вызывало критические замечания со стороны ведущих литераторов того времени. Так, В.Г. Короленко по поводу романа «История одного обращения» пишет в письме к А.Г. Горнфельду 11 апреля 1913 года: «А вот Тимофееву-Починковскую читаю с большим интересом. <...> В художественном смысле всё губит форма дневника, — с повторениями и полным отсутствием архитектуры. Но страницы есть прямо замечательные. <...> Психология чувства... изображена с замечательной правдивостью, на основании самонаблюдения и подлинных человеческих документов»¹.

В письме к самой В.В. Тимофеевой-Починковской от 6 мая 1913 года по поводу этого же романа В.Г. Короленко говорит: «Многоуважаемая Варвара Васильевна. С тяжёлым чувством берусь за перо, чтобы сказать Вам, что Ваша огромная работа не может появиться в печати по крайней мере в «Русском богатстве». <...> ...у Вас 30 печатных листов — дневника. <...> Страницы есть превосходные. Много начитанности, ума, даже поэзии в деталях. Нет только перспективы»².

В ответном письме к В.Г. Короленко В.В. Тимофеева-Починковская говорит о своём художественном методе, отстаивая именно форму дневника: «Но «resume» моё, как автора, всё же будет несколько другое. Для меня несомненно, что всю эту «историю» я могла бы рассказать неизмеримо короче, ярче и художественнее, с соблюдением надлежащей перспективы, с распределением тонов и выпиской второстепенных фигур, обстановки и проч. Дело только в том, что мне, для моих целей, совсем не надо было этого делать. Я не проповедаю и не сочиняю никакой цельной картины — но образ цельный я даю — в простом и правдивом повествовании об одном близко знакомом мне жизненном опыте. И на мой взгляд, всякий такой правдиво рассказанный опыт несравненно занимательнее и поучительнее всех самых ярких изображений художественной надуманности...»³.

¹ Короленко В.Г. Избранные письма : В 3 т. Т. 3. М., 1936. С. 219–220.

² Там же. С. 222–224.

³ Там же. С. 226.

Из всего многообразия литературного наследия В.В. Тимофеевой-Починковской нас, безусловно, прежде всего интересуют её записки, посвящённые истории пушкинского Михайловского периода 1911–1917 годов. Записки написаны на основе дневника, и именно это придаёт им особую ценность, делает документом эпохи, — тем более что других подобных правдивых свидетельств о Михайловском этого периода мы не имеем.

Воспоминания эти впервые были введены в научный оборот А.И. Давыдовым, сотрудником Пушкинского Заповедника, который в 1998 году опубликовал статью «Воспоминания В.В. Тимофеевой (Починковской) «Шесть лет в Михайловском»¹, где дал подробный комментарий и привёл большие отрывки из записок В.В. Тимофеевой-Починковской.

В.В. Тимофеева-Починковская и сама ощущала, что ценность её воспоминаний именно в правдивом отражении тех событий, свидетелем которых ей довелось быть в Михайловском. Начиная свои записки, Варвара Васильевна пишет: «Как летописец, спешу занести «последнее сказанье...»².

Символично, что эпиграфом к своим запискам В.В. Тимофеева-Починковская избирает стихи А.С. Пушкина «Всё мгновенно, всё пройдет, / Что пройдёт, то будет мило» и что начинаются её дневники с записи, датированной 26 мая 1911 года, — со дня открытия первого музея в Михайловском.

Сразу же по приезде в колонию Варвара Васильевна становится хозяйкой Михайловского, члены Пушкинского Комитета называют её «представительницей Пушкина или представительницей пушкинских владений». Одна из проживающих в колонии, писательница Н.В. Яковлева-Ланская, преподнесла Варваре Васильевне свою книгу с дарственной надписью «Душе и разуму Пушкинской колонии...».

Действительно, В.В. Тимофеева-Починковская — человек редкого благородства и доброты, человек образованный, пишущий, в полной мере понимающий святость пушкинского Михайловского, — выделялась среди своего окружения как яркая, одарённая личность.

¹ Давыдов А.И. Воспоминания В.В. Тимофеевой (Починковской) «Шесть лет в Михайловском» // Михайловская пушкиниана. Вып. 1. М., 1996. С. 5–34.

² Здесь и далее цитаты из записок В.В. Тимофеевой-Починковской даны по: Тимофеева-Починковская В.В. Шесть лет в Михайловском // Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом), 14487/LXXXIV 07.

Все годы, проведённые В.В. Тимофеевой-Починковской в Колонии литераторов, – это поистине духовный подвиг настоящего Хранителя Пушкинского уголка, самоотверженный труд ради сохранения памяти о великом поэте, сохранения всех меморий, которые можно было ещё увидеть в Михайловском той поры.

В.В. Тимофеева-Починковская сразу же определяет главное, что и по сей день очаровывает посетителей пушкинской «деревеньки на Парнасе», – гармонию природы и поэзии: «От подлинного Пушкинского пребывания здесь сохранились только виды на Сороть и озеро Маленец, леса и нивы, «луга, измятые» его «бродящей ленью», – и всё это прелесть как хорошо. И не особенно всё это живописно – мало ли мест в России красивее! – но здесь на всём точно носится дух первобытной народной поэзии... Тоскливой, жалостно-убогой, но милой сердцу, как всё нам близкое, знакомое, родное... И когда я присела потом одна на ступеньках «заднего» крыльца, поросшего лопухом и бурьяном, мне вспомнились мои детские годы в такой же запущенной, небогатой усадьбе, и сказки Пушкина, заученные там, и «Зимний вечер» – «Буря мглою небо кроет»...

Дом-музей, о котором пишет Варвара Васильевна, был восстановлен в 1911 году (после пожара 1908 года). Единственной мемориальной постройкой на усадьбе был домик няни, который произвёл на Варвару Васильевну сильное впечатление: «Зато вот домик няни, хоть и пустой совсем, дышит прежним духом. Истовый запах старинного жилья всё ещё держится в этих убогих, низеньких горенках со старинными окошками и печами, с покосившимися полами и изодранными обоями, напоминающими старинные ситцы».

В архиве Пушкинского Заповедника хранятся фотографии дома-музея А.С. Пушкина, который был построен в 1911 году по проекту архитектора-художника В.А. Щуко на месте сгоревшего в 1908 году дома Г.А. Пушкина. Здесь-то и была представлена первая музейная экспозиция в Михайловском, открытая сто лет назад.

Впрочем, эта экспозиция оставила у В.В. Тимофеевой-Починковской, как она говорит, «слабое и неясное впечатление». «Не таким представлялся мне «поэта дом опальный», – пишет Варвара Васильевна, – «совсем не таким... Что-то искусственное и даже фальшивое чувствуется в этой подделке к старине. И обстановка при А.С. Пушкине была, наверное, другая. А всего резче и грубее сказывается эта фальшивость реставрации в помещении кухни рядом с барскими покоями. Вещь не-

Варвара Васильевна на крыльце дома-музея

слышанная в былые времена... И что это за кухня? – крошечная светёлка с экономической плитой, как в наших флигелях¹».

В 1920 году, после того как в 1918 году дом А.С. Пушкина был сожжён, Варвара Васильевна делает план дома-музея по памяти.

На этом плане² назначение комнат обозначено в соответствии с тем, как они использовались в первом музее А.С. Пушкина в сельце Михайловском. Читаем: кухня – это та самая кухня, которая вызвала справедливое возмущение Варвары Васильевны, далее – комната «для гостей почище», «комната для почётных гостей», «передняя», перед передней – «подъезд», далее «бильярдная», «комната с камином» (камин отмечен в углу), коридор, два боковых крыльца, «кабинет А.С. Пушкина», «балкон», «терраса», «Зал». На втором листе – пояснительная запись В.В. Философова: «Дом в Михайловском, построенный Пушкинским Комитетом (1909–1917). Набросок по памяти В.В. Тимофеевой (схож с моим планом)»³. «К сожалению, – пишет Владимир Владимирович,

¹ Речь идёт о двух флигелях колонии, один из которых сохранился до наших дней. – Л.Т.

² РГАЛИ. Ф. 2558, оп. 2, ед. хр. 1868.

³ Определение и расшифровка М.А. Цявловского, в архиве которого хранится подлинник документа.

В.В. Тимофеева-Починковская у «Домика няни»

– в этом «доме-музее» совершенно нельзя определить, где была его (Пушкина. – *Л.Т.*) комната».

Перечитывая воспоминания И.И. Пуцины, Варвара Васильевна пытается «наложить» сделанное Пуциным описание дома поэта на современную ей планировку дома-музея: «Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, услышав колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, шкаф с книгами, и проч. и проч. Во всём поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожжённые кусочки перьев (он всегда с самого Лицея писал оглодками, которые едва можно было держать в пальцах). Вход к нему прямо из коридора; против его двери – дверь в комнату няни, где стояло множество пальцев. <...> Дверь во внутренние комнаты была заперта, дом не топлен»¹. «Если принять за достоверное это воспоминание, – пишет В.В. Тимофеева-Починковская, – на месте

¹ *Пуцин И.И.* Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников : В 2 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 92–93.

«комнаты Александра» устроена бильярдная, с заменой подлинного, хоть и обветшавшего бильярда – новым, с иголки, – и эта бильярдная, конечно, не может напоминать спальню с кроватью «о трёх ножках (четвёртую заменяло полено)», о которой приводится другое воспоминание (в известном издании В.П. Острогорского: «Пушкинский Уголок»). А маленькая комнатка за этой бильярдной, с новомодным камином и рыночным диваном, не носит ни малейшего подобия былого «камелька». И тесно там, и неудобно для бесед задумчивых и задушевных... Но вот так называемый «кабинет А.С. Пушкина» хорош был особенно в то ярко-морозное и солнечное утро, когда я привела туда моих дорогих гостей (речь идёт о приезде артистов МХАТа. – *Л.Т.*)».

К сожалению, В.В. Тимофеевой-Починковской не была известна пояснительная запись к литографии Александрова по рисунку Иванова, где было ясно указано местоположение кабинета А.С. Пушкина: «Пушкин выбрал для себя комнату с правой стороны последнюю, в три окна»¹. Как известно, эти пояснения были опубликованы отдельно, малым тиражом.

Таким образом, если сравнить расположение (планировку) комнат в музее в 1911 году и в современном нам доме-музее, то, несомненно, современный музей более приближен к мемориальному дому. Оба здания были поставлены на том же старом ганнибаловском фундаменте, оставшемся от дома, где Пушкин жил в годы Михайловской ссылки. Определяя назначения комнат в 1949 году, сотрудники музея во главе с С.С. Гейченко, так же как и Варвара Васильевна, пошли вслед за Пуциным, но у них уже была точка отсчёта: они знали, где был кабинет А.С. Пушкина. Если же сравнить обе планировки дома, без обозначения названий комнат, то в целом планировка дома на плане В.В. Тимофеевой-Починковской схожа с современной, за исключением, конечно, коридора. Можно привести много описаний усадебных домов в XVIII веке, где коридор был в планировке. Типологически коридор должен был быть и в ганнибаловском доме в Михайловском. Возможно, со временем найдутся какие-то другие важные документы, что даст возможность уточнить первоначальную планировку дома А.С. Пушкина.

Хочется, конечно, знать и то, как выглядел мемориальный пушкинский дом в Михайловском снаружи. Этот же вопрос был интересен и Варваре Васильевне. На обратной стороне листа с планом дома-музея Варвара Васильевна оставляет такой комментарий:

¹ Цит. по: *Гордин А.М.* Пушкин в Псковском крае. Л., 1970. С. 28.

«По отзывам старожилов и по наброскам прежних туристов дом имел извне совсем другую физиономию. – В Тригорском я видела ширмы, на которых изображено было (по моим догадкам) Михайловское зимней ночью в час отъезда Пущина (см. его воспоминания, а мои – «Шесть лет в Михайловском»)»¹.

Но мы не можем согласиться с утверждением Варвары Васильевны, что на ширмах был изображён старый ганнибаловский дом в Михайловском, так как рисунок на ширмах – это всё-таки иллюстрация к «Запискам» И.И. Пущина, которые появились гораздо позже, а не изображение дома с натуры. Этот план был приложен к «Проекту охраны Пушкинского уголка»².

В.В. Тимофеева-Починковская надеялась на восстановление Михайловского после революционной смуты и пыталась сохранить всё, что поможет воссоздать утраченное. Её воспоминания и документы дошли до нас и действительно являются бесценными свидетельствами истории Пушкинского Михайловского.

В поток воспоминаний В.В. Тимофеевой-Починковской, изобилующий философско-религиозными размышлениями, описаниями картин природы, описаниями (очень колоритными) нравов местных жителей, их говора, описаниями хозяйственно-бытовых сцен из жизни колонии, революционных событий, – во всё это многообразие картин вкраплены зарисовки, позволяющие оценить большую музейную работу, которую Варвара Васильевна вела в Михайловском.

Прежде всего, это просветительская работа среди крестьян, жителей окрестных деревень: Бугрово, Коты, Носово, Березино, Кириллово, Зимари, Дедовцы, – им Тимофеева-Починковская помогала писать письма на фронт, помогала деньгами из своих скромных гонораров и, главное, постоянно объясняла значение Михайловского: «...вся Россия съезжается сюда и, вспоминая великого Пушкина, любитесь этими местами, картины пишет, фотографии с этих мест снимает – а вы хотите всё тут рубить и губить...»

Варвара Васильевна строго следила за тем, чтобы крестьяне не рубили михайловские рощи, не пасли там скот, не жгли костров. Впрочем, крестьяне её любили и уважали за доброту и справедливость и отзывались о ней так: «Это зуёвская. Дюже хорошая. Мы её давно знаем».

¹ РГАЛИ. Ф. 2558, оп. 2, ед. хр. 1868.

² Оpubл. в: *Тихонова Л.П.* Из истории «Пушкинского уголка»: В.В. Тимофеева-Починковская // Михайловская пушкиниана. Вып. 19. М., 2001. С. 183–187.

Общаясь с местными жителями, Варвара Васильевна пытается записать рассказы о Пушкине. Вот что она пишет в записках:

«Об А.С. Пушкине здесь никто ничего не помнит. Или рассказывают всё давно уже известное, или ссылаются на рассказы, которых никак и повторить нельзя. Учительница сводила меня в Воронич (версты три от Михайловского). Там живёт дочка недавно умершей просвирни, с которой Пушкин любил разговаривать и она хорошо его помнила. Но эта просвирня не дождалась меня, умерла великим постом, а от дочки – тоже старухи – я добилась немногого.

«Мамашка моя всё помнила, а я ничего не помню. Меня ещё и в живых тогда не было. Мамашка моя всегда говорила: «Хороший господин был Александр Сергеевич, – ах, хороший он был! Другого такого пожалуй и во всём свете не сыщешь. Обо всём у него своё понятие было. И что ни расскажут ему – он всё в книжку. – Можете вы так, к примеру: что вам расскажут – сейчас в книжку писать?»

Я не сразу поняла, что она хочет сказать, и храбро ответила:

– Отчего же, – могу!

«Ну, не знаю!» – недоверчиво протянула она, и прибавила, помолчав: – «А мы думали, только наш Пушкин один во всём свете умел так в книжку писать».

Тем наша беседа и кончилась.

Тогда же показывали мне и дом Осиповой в Тригорском. И парк, и знаменитый дуб с дерновым валом вокруг, под которым слагались, быть может, дивные строфы о Лукоморье и коте учёном... И ель в виде шатра, где часто отдыхал поэт, и берёзу с дуплом, куда бросал он свои стихи и записки, и любимую дорожку его между прудами и полем... Показывали и старый рояль, на котором он, будто бы, играл, и столик, на котором, будто бы, писал...»

Совершая прогулки по окрестностям Михайловского, Варвара Васильевна пыталась закрепить природные мемории стихами, подчеркнуть связь природы и поэзии. Но и тут часто случаются горькие огорчения. Её возмущает вандализм посетителей: «Вчера, только что вышла за ворота, заметила какую-то лиловую надпись на белом столбе у входа в липовую аллею. Подхожу и читаю... Над дивным стихом, выбранным мною для этого места («В разны годы под вашу сень, михайловские рощи, являлся я») анилиновым карандашом написано нечто совсем не цензурное... То же, говорят, и в Св. Горах, на памятнике и балюстраде. Остроумие из поэзии Баркова и «Власти Тьмы» неизвестного сочинителя».

Чашепитие под вязом

У места «Трёх сосен» она собирается поставить столб с доской со стихами поэта «Вновь я посетил», увековечив эти стихи в будущем гравировкой на камне. Этот приём впоследствии применял С.С. Гейченко, и сейчас в Михайловском сохранились валунные камни, где на мраморных досках можно прочесть пушкинские строки.

Обсуждая тему музеефицирования Михайловского с представителями Пушкинского комитета, Варвара Васильевна делает в своих дневниках запись от 21 июля 1915 года: «Идёт война с немцами, грядёт революция, а в Михайловском мечтают о «реставрации красот» в Пушкинском уголке и о том, «во что обойдутся эти «красоты» в виде газонов, цветников, расчистки прудов и лужаек для игры в laun tennis и др. затей».

Вот как Варвара Васильевна описывает совещание представителей Пушкинского комитета, которое ведёт С.И. Зубчанинов: «Чтобы покрыть все расходы на ремонт и необходимые улучшения, – чтобы содержать этот дом (Сергей Иванович указал глазами на меня и вокруг), нам нужен капитал тысяч в пятьдесят. Только тогда мы могли бы хозяйничать здесь с успехом. <...> – А потомство? – заметил Зарин. – Что скажет потомство? Я боюсь суда потомства. И почему-то все оглянулись

на меня, – точно во мне и олицетворялся этот будущий «суд потомства». Заметив вероятно моё волнение, Зубчатников спросил: – А вы что скажете нам, Варвара Васильевна?

– Я боюсь за судьбу «Михайловских рощ»... «Оне знакомы вдохновенью»... Да и вся красота здесь, по-моему, в том, что напоминает былую усадьбу Александра Сергеевича. Всё остальное только ослабляет впечатление...»

Это заявление Тимофеевой-Починковской звучит очень актуально, оно созвучно современной музейной концепции по сохранению драгоценной природно-ландшафтной части Пушкинского Заповедника.

На страницах записок Варвары Васильевны, как на старых фотографиях, узнаётся сегодняшнее Михайловское, всё так же живо чувствуется связь времён: по-прежнему «шумят старые пушкинские ели»; «милые старые ели нашего Александра Сергеевича! Как они напоминают о старой России с её старыми песнями и молитвами, с её верою в Бога, домового, водяного и лешего, с её приметами и чудесами!..»; «цветут у крыльца наши милые алые розы и поют соловьи»; «чу, аист затрепал на старом гнезде на сосне» (до недавнего прошлого аисты жили на усадьбе); по-прежнему «только рощи Михайловские возвращают мир в душу». Узнаваемы картины природы: «солнце садилось за Савкину горку как тихое пламя»; «голубая Сороть в извилах», «мостик через прудок»; и «эта калитка в «Михайловские рощи». Тот же дерновый круг перед домом-музеем, вокруг которого так любила гулять Варвара Васильевна, так же, как и пить чай под старым вязом, который, по её словам, привезён из Петровского.

Записки перемежаются стихами, что усиливает «музейную тему», да и образ жизни хозяйки колонии в чём-то схож с пушкинским: занималась творчеством (за годы, проведённые в Михайловском, Варвара Васильевна написала два романа), совершала поэтические прогулки по живописным окрестностям, посещала дворянские усадьбы. «Петровское и Дериглазово были для меня всегда тем же, чем было Тригорское для А.С. Пушкина: радостным, светлым оазисом в безлюдной и дикой пустыне, – настоящим «дворянским гнездом» в стиле Аксакова и Тургенева. Мне было хорошо у них и с ними даже при общих наших муках за Россию. Именно оттого и хорошо, что с одинаковой болью переживалось всё...»

Часто Варвара Васильевна бывает в Святых Горах, в Святогорском монастыре – в день рождения поэта и день памяти А.С. Пушкина.

2 апреля 1917 года молебны служили и в самом Михайловском, в музее: «Светлую заутреню служили впервые у нас в Михайловском – в Пушкинском доме. Святогорский монах (о. Даниил) радовался и удивлялся «такому христианскому желанию помолиться по-христиански».

Особое место в воспоминаниях В.В. Тимофеевой-Починковской занимают описания посетителей музея. Не обходилось и без курьёзов, особенно когда в Михайловское в дом-музей приезжали местные жители.

«Я прошу указаний у вас, Павел Фёдорович, – пересказывает Варвара Васильевна свой разговор с П.Ф. Карповым, попечителем Михайловского, – как поступать нам в этих случаях, когда посетители из Св. Гор являются в Михайловское не для осмотра давно им известного «Дома-музея», но чтобы посидеть там на мягких диванах, нарвать цветов, поиграть на бильярде, – вообще для развлечения? И Саша, и Даша жалуются мне постоянно, что все эти «святогорские кавалеры с барышнями разбредутся по комнатам и сидят там до позднего вечера», а они должны стоять у дверей с ключами...

– «Что же они там делают? Неприличное что-нибудь? Цалуются что-ли?» – не без коварства, игривым тоном восклицает г. попечитель, бросая беглый взгляд в сторону С.И. Зубчанинова. Но тот углубился в рассматривание иллюстрированного «Приложения» к «Новому Времени» и не принимает участия в «состязании». Я отражаю, как могу, первый выпад: – Не знаю и не интересуюсь знать, что они делают, – говорю я, – я только спрашиваю вас о том, что делать нам в таких случаях: просить ли посетителей оставить дом, или держать при дверях прислугу даже в то время, когда ей нужно подавать ужин в колонии и ужинать самой...

– «Но мы не вправе никому запрещать посещение Михайловского с какою бы то ни было целью», едко подчёркивает он. – А я думаю, что мы вправе – не «запрещать», а приучать к порядку и соблюдению правил, как принято везде и повсюду! – снова отражаю я. – Вот, во Франкфурте я прямо с поезда пошла к дому Гёте, и мне объявили: «Приходите завтра – от 9 до 5. Теперь половина 6-го». И я безропотно покорилась, хотя теряла целые сутки. Соблюдение правил воспитывает и публику. И она научается ценить чужое время и чужой труд...»

Много сил Варвара Васильевна отдавала работе в библиотеке колонии, о чём вспоминает:

«...Эта «библиотека» в Михайловском является также сплошным недоразумением. Купленная «по случаю», в 1914 году председателем

пушкинского комитета, С.И. Зубчаниновым... она состоит из нескольких сотен томов периодических изданий 1879–1905 г.г., разрозненных и неполных сочинений русских и иностранных писателей (Пушкин – всего в 3-х томах), предназначалась исключительно для живущих в Колонии и доставлена была в таком загромождённом и хаотическом виде, что потребовалось не мало времени и труда, чтобы привести всю эту книжную кашу в порядок, составить опись, проштемпелевать». И далее: книги «...за неимением места на полках в кухне и в шкафу разместили в столовой Дома-Музея. Последнее обстоятельство и создало легенду о какой-то «библиотеке Пушкина». <...> Одни требовали, чтобы им показали «все книги Пушкина», другие приходили с запросом: «В какие часы открыта читальня», и т. п. – Заведование этой библиотекой возложено было на меня, и я не считала себя вправе раздавать книги по окрестностям», но, продолжает Тимофеева-Починковская, «другим известным мне лицам я выдавала не раз и собственные свои, и книги из библиотеки Колонии». И далее Варвара Васильевна пишет: «В один вечер явились учительницы из Зимарей, чтоб обменять прочитанные книги, послушать «Евгения Онегина» и «Пиковую Даму» на михайловском граммофоне...»

За годы, проведённые В.В. Тимофеевой-Починковской в Михайловском, там перебивало очень много посетителей: представители императорской фамилии, философы, артисты МХАТа, литераторы, художники, журналисты, фотографы, кинематографисты.

«Исчезали и появлялись разные люди, группы людей, экскурсанты толпами и в одиночку... Были интересные и приятные встречи...» – вспоминает Варвара Васильевна.

«Четыре артиллериста Финляндского 22-го корпуса – «с позиций из Галиции» – пешком со станции пришли посмотреть «достопримечательности» Михайловского. Я пошла им показывать наши «реликвии»: дом Пушкина, где хранилась его посмертная маска под стеклом, «домик няни», и карету Ганнибалов¹».

Как и сейчас, посетители хотели потрогать вещи Пушкина руками:

«А нет ли здесь чего-нибудь, что было под руками у Пушкина?» – спрашивал меня, – пишет Варвара Васильевна, – другой посетитель, чиновник из петербургского банка. – «Какой-нибудь книги его или вещи... Знаете, как иногда простая баба, – хотелось бы дотронуться своей рукой, до чего дотронулся он!»

¹ В доме-музее А.С. Пушкина в Михайловском среди меморий можно и сейчас увидеть ручку от этой кареты; сама же карета сгорела. – Л.Т.

Позже, после разорения Михайловского, Варвара Васильевна часто думала о былой своей музейной работе: «...мне невольно вспомнились бесконечные экскурсии «паломников», и взрослых и детей, которых я, бывало, водила по всем этим местам, воскрешая в их памяти былую жизнь русской действительности и русской поэзии. Особенно запомнилось посещение одной школы – Печорского начального училища, с молодым учителем во главе. – С какой любовью и благоговением осматривали они здесь каждый уголок, и веруя, и сознавая, что тут вот именно, под тенью этих лип и сосен, витал когда-то чудный гений, «учася в истине блаженство находить»...»

Небезынтересно, что Варвара Васильевна называет посетителей Михайловского «паломниками» (здесь можно проследить связь с С.С. Гейченко, который старался привить чувство паломничества современным экскурсантам и пробудить таким образом в них чувство уважения и почитания пушкинских мест).

Как водила экскурсии Варвара Васильевна? Мы знаем, что она использовала путеводитель В.М. Острогорского «Пушкинский уголок»; возможно, она читала М.И. Семевского – «Прогулка в Тригорское» была опубликована в 60-е годы в «Петербургских ведомостях»; была знакома с первоисточниками: с произведениями А.С. Пушкина, его письмами, воспоминаниями его современников. Она хорошо знала биографию поэта, чувствовала живую связь природы и поэзии и умела вдохновенно рассказывать. Это сближает её с сегодняшними экскурсоводами, которые помнят завет С.С. Гейченко: «Читайте Пушкина – и будете хорошим экскурсоводом». Возможно, текст экскурсии В.В. Тимофеевой-Починковской должен был стать основой путеводителя, который она собиралась издать вместе с Л.И. Софийским, автором книги «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем».

Варвара Васильевна вела книгу посетителей Михайловского: «Дня два тому назад заезжал сюда проездом есаул с Дона (Стариков-Донской, – расписался он в книге). Сплавляет лес по реке для лесопильни, увидал за рекой дом с колоннами, спрашивает парнишку-возца: «Это что за дом?» – Это? Пушкина! – «Как! быть подле Пушкина и не захватить!» Взял лодку, поднялся на берег и, обогнув домик няни, застал меня с газетой на крыльце».

В это же лето Варвара Васильевна принимала учащихся бестужевских курсов и политехнического института:

Паломники у дома Пушкина

«Из всех посетителей в это лето самые милые для меня были «рабочие дружины» – курсисток бестужевок и политехничек. Со смехом, весёлой гурьбой (их было девять), точно шумным пчелиным роем, налетели они к нам под вечер, босые, загорелые, в дожде и сразу затихли, размечтались, задумались на террасе Пушкинского дома. – «Даже не верится, что он тут тоже был!» – сказала одна из них, особенно экспансивная.

Со мной была книжка В.М. Острогорского: «Пушкинский Уголок», и я прочла им несколько страниц и стихов, а потом повела к нам в Колокольню. – «Безумно хороша ваша комната!» – воскликнула опять та же восторженная. – «Безумно здесь хорошо у вас!... Какой-то затих особенный... Похоже на церковь. Пахнет цветами и церковью... И эти полки совсем как алтарь...»

Описание собственного кабинета, своей комнаты в колонии, сделано Варварой Васильевной с удивительной точностью. На фотографии видно всё, что описано в воспоминаниях. Предвидя неизбежность отъезда, Тимофеева-Починковская пишет: «Войдёшь в комнату, оглянешься на весь этот храм моей внутренней жизни – и замрёшь в тоскли-

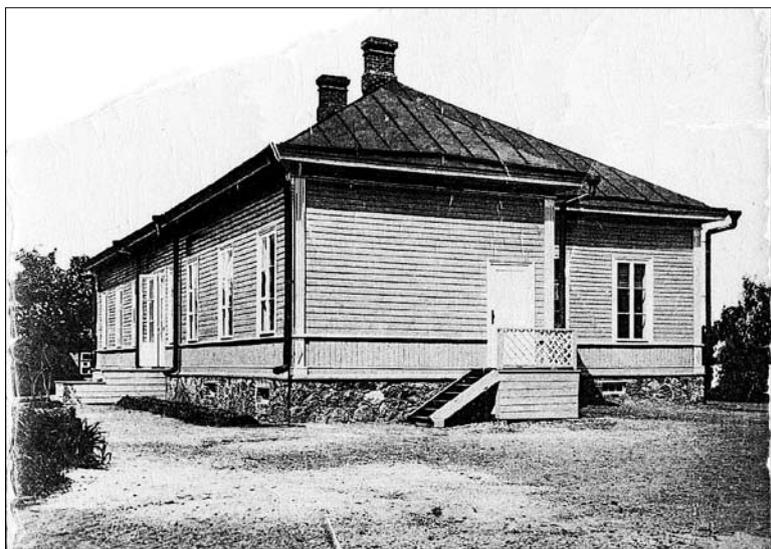
В.В. Тимофеева-Починковская в своём кабинете в Колонии литераторов

вом отчаянье. – Ну, как я перевезу все эти этажерки с сувенирами и альбомами, Пыпинский «иконостас» с книгами и портретами всех любимых подвижников «духа», с гипсовым бюстом Пушкина и гирляндами хмеля и вереска – воспоминанием чудесных прогулок по Михайловским рощам? – Как я перевезу это бюро с дневниками и письмами, – это единственное богатство моё? – Как перевезу я всё это, когда товарные поезда не ходят совсем, а на пассажирских берут только 5 пудов багажа, да и то с риском остаться и без багажа, и без места в вагоне? – А бросить здесь, на поток и разграбление, то, что было для меня неисчерпаемым источником моих вдохновений, живым напоминанием пережитой жизненной драмы, – нет...»

О судьбе своего кабинета Варвара Васильевна очень тревожилась. Страшно было жить в Михайловском в 1917 году, когда обосновались там революционные захватчики:

«Ни одного уголка тихого и спокойного уже не было для меня в Михайловском. Ни читать, ни писать, ни собраться с мыслями невозможно. Невыносимая жизнь началась и не виделось ей конца, и уйти от неё куда невозможно – хоть и растворены двери настужь...»

<...> Не знаю, будут ли ездить и вспоминать пушкинское Михайловское, но дня два спустя я ходила туда пешком, как на заветное кладбище, и я вспоминала... Шла по лесу, видела потухшие костры из сожжённых томов «Отечественных записок», «Русского богатства», «Вестника Европы» и других современных изданий – и вспоминала славную эпоху мечтаний о просветительном освобождении мысли и совести, о борьбе и гонениях за эти мечты... Подняла из тлеющего мха обгорелую страничку «Капитанской дочки», последнего издания 1838 года – и вспоминала восторги детских лет, когда мне впервые попала эта повесть... Издалека завидела, как двое мужиков и баба вывозят кирпич и железо с обуглившихся развалин «Дома-музея» – и вспоминала часы, проведённые в духовном созерцании поэтовой близости... Вот там, налево, в угловой комнате, где помещался, по преданию, его кабинет, стоял старинный, красного дерева, шкаф – я назвала его Pushkiniana – с собранием всех изданий, какие находились тогда в продаже. И эта комната – зимой «вся как янтарная» в часы заката, – весной вся ярко зеленела и радостно звучала хорами птиц, возвещавших жаркое солнце, цветы и тепло. <...> Вид заледенелой реки напоминал террасу, где любил он сидеть и тоже вспоминать «иные берега, иные волны...»

„Пушкинский Уголокъ“ домъ-Музей въ с. Михайловскомъ.

Терраса.

<...> Нашла в снегу осколки бюста, куски разбитой топорами мраморной доски от старого бильярда – и вспоминала, как он играл тут одним кием. <...>

Взяла на память страдальческий висок разбитой вдребезги его помертвой маски и обошла кругом полуразрушенный «домик няни», единственный предмет, сохранившийся в неизменном виде со дней его юности, но не уцелевший теперь. <...>

Я возвращалась в Воронич мимо «Трёх сосен»... Мимо потомства тех самых сосен, о которых так задумчиво и грустно мечтал поэт в родном своём «уголке».

И в заключение – ещё один отрывок из воспоминаний Варвары Васильевны, где она рассказывает о прощании с Михайловским накануне окончательного его разорения:

«Приезд «комитетских» (С.И. Зубчанинов, В.М. Дерюгин, Н.И. Акулов) носит уже какой-то особый ликвидационный характер. <...>

Прощаемся мы особенно трогательно. Я собираюсь тут умирать и прошу у него (С.И. Зубчанинова. – *Л.Т.*) согласия поставить его моим душеприказчиком. – Всё (книги и рукописи, и несколько сот рублей в сберегательной кассе) я отдаю в благодарность за оказанный мне приют в пользу Пушкинской Колонии, для одного или одной из таких же неимущих писательниц. – И благодарна за прошлое! <...> Сердечный, добрый человек Сергей Иванович тоже расчувствовался, просил прощения за всё неприятное в этом и «прошлом» и торжественно обещал мне при всех: «Мы создадим фонд вашего имени и сохраним вашу комнату в том самом виде, как была она и при вас».

Эти слова С.И. Зубчанинова оказались пророческими. В Михайловском в 2001 году была открыта «Колония для престарелых литераторов» – уже в виде музейной экспозиции, где действительно восстановлен кабинет В.В. Тимофеевой-Починковской, первого Хранителя Михайловского.

Вячеслав Козмин

ГЕРОЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ: МЕЛЬНИК ОЛЬХИН

История любого музея – это сумма одновременных точек зрения на исходное событие, послужившее причиной создания музея. Таким событием для Михайловского стало почти трёхлетнее пребывание здесь А.С. Пушкина. С тех пор, вплоть до наших дней, каждое новое поколение «посвящённых» успешно доказывает тезис, согласно которому у каждого времени – свой Пушкин и своё Михайловское. На этом пути бывали периоды относительной сбалансированности между авторской интерпретацией и «текущим моментом», например, время, когда в Пушкинском Заповеднике директором был С.С. Гейченко. Однако даже внутри этого, казалось бы, вполне стабильного отрезка времени возник феномен Довлатова, по сей день будоражащий «неокрепшие умы» некоторых посетителей музея.

Младенчество пушкинского музея в Михайловском совпало с эпохой культурного беспризорничества, Первой мировой войной и, ни много ни мало, «рождением нового мира». Как следствие – полярность интерпретаций роли Михайловского в русской культуре: от провозглашения его последней реликвией «золотого века» до полного отрицания и физического уничтожения материальных следов пребывания здесь Пушкина. К сожалению, «переломный» период существования Пушкинского уголка – с 1911 по 1922 год – всё ещё недостаточно освещён в научной и популярной литературе¹. Наиболее часто цитируется и упоминается хранящаяся в архиве Пушкинского Дома рукопись Варвары Васильевны Тимофеевой-Починковской «Шесть лет в Михайловском (из записных тетрадей 1911–1918 гг.)». Это яркое высокохудожественное произведение. Но, во-первых, записки не прокомментированы и не опубликованы в полном варианте. И, следовательно, отсутствует исторический контекст, на фоне которого создавалось это произведение. Во-вторых, жанр записок, избранный автором, предполагает субъективный взгляд на про-

¹ См.: *Гаррис М.* Уголок Пушкина. М.; Л., 1923; *Тихонова Л.П.* Из истории «Пушкинского уголка»: В.В. Тимофеева-Починковская // Михайловская пушкиниана. Вып. 19. М., 2001. С. 183–187; *Никифоров В.Г.* Земли родной минувшая судьба // Михайловская пушкиниана. Вып. 17. М., 2001.; *Рожнов В.Ф.* Имение потомков Вревских Косорымы близ Тригорского // Пушкинский музеум. СПб., 2002. С. 237–248.

исходящие события. Соответственно, «приговор», который автор выносит тому или иному персонажу – основанный зачастую на эмоциях, – не может считаться окончательным. Тем не менее авторитет писательницы – особенно в ситуации, когда сколько-нибудь полной базы сведений о событиях и людях, окружавших В.В. Тимофееву-Починковскую в годы революционных событий, не существует – оказывает определённое воздействие на исследователей данного периода истории Пушкинского Заповедника. Подобное воздействие в своё время испытал и автор данной публикации¹.

В 1986 году в Пушкинском Заповеднике появился новый музей – «Мельница в деревне Бугрово». Возникла необходимость создать «биографию» места. Среди событий и персонажей, так или иначе причастных к мельнице в Бугрово, оказался Николай Николаевич Ольхин. В 1990 году нам было важно не столько оценить героя, сколько обнародовать факт причастности столь интересной личности к складывающемуся музею. На основании достаточно беглого знакомства с рукописью в архиве Пушкинского Дома мельник Ольхин «укладывался» в расхожий стереотип: поэт, бунтарь, представитель нового мира, активно включившийся в революционные преобразования.

В 1994 году вышла в свет книга С.Д. Яковлева «Пред солнцем бессмертным ума...»², и в научный оборот был введён огромный массив ранее неизвестных фактов и документов, относящихся к периоду становления пушкинского музея. Но кажется, что именно это значительное пополнение фактической базы поставило ещё больше вопросов. Главное достоинство книги – убедительное доказательство того, что ни одно из свидетельств современников не может считаться истиной в последней инстанции. Но и сам автор, кажется, не избежал влияния записок Тимофеевой-Починковской. Более того, его оценка роли ряда личностей в истории носит ещё более жёсткий и однозначный характер. В первую очередь, это относится к Н.Н. Ольхину:

«Летом 1917 года в Опочецком уезде, к которому приблизился Северный фронт, так же, как почти везде в России, бушевали страсти, происходили бурные собрания. На политическую арену выходили люди, которых на Псковщине никто ранее не знал, но отличавшиеся активностью, напористостью, наглостью, сметавшие всё на своём пути к

¹ *Козмин Ю.* Мельник Ольхин // Пушкинский край. 1990. 21 июля.

² *Яковлев С.Д.* «Пред солнцем бессмертным ума...». Пушкинские Горы, 1994.

власти. Среди них были большевик Карусин, свергнувший силой на волостном земском собрании его председателя Михайловского, человека уважаемого; известный бугровский мельник эсер Н.Н. Ольхин, которого вспоминает в своих записях Тимофеева-Починковская и другие. Н.Н. Ольхин был весьма колоритной личностью. Он писал стихи, о которых сам говорил, что в них «слышен стон ослиный», постоянно попадал из-за своего строптивного характера в различные истории. С первых революционных событий мельник провозгласил себя начальником милиции и арестовал военного контролёра Померанцева. Затем он выставил свою кандидатуру по списку № 3 (эсеров). Вскоре вихрь бурных событий закрутил Ольхина, и он исчез в водовороте революции. В его доме поселился новый милиционер. Такие люди были типичными представителями своего времени. Сохранилась лишь память об этом человеке да остатки фундамента мельницы в Бугрово. Сегодня там современный неудачный макет мельницы-новодела»¹.

К сожалению, ни одной ссылки на свидетельства современников или же на документы автор в данном отрывке не даёт.

Спустя некоторое время нам повезло услышать и зафиксировать устные свидетельства местных жителей, помнивших бугровского мельника. В 2008 году вышла в свет книга Л.Г. Протасова «Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи»², в которой были обнародованы факты политической биографии бугровского мельника. В том же году произошло наше знакомство с потомками Ольхина: Владимиром Фёдоровичем Ольхиным и Еленой Владимировной Елецкой, живущими в Москве. В их домашнем архиве хранятся документы, рассказывающие о жизни и деятельности Н.Н. Ольхина, а также тетради с его стихами³. В результате сложения фактов оказалось, что многие изложенные в книге Яковлева «наблюдения» не более чем домыслы. Да и в целом портрет «колоритного» мельника обрёл более разнообразную

¹ Яковлев С.Д. «Пред солнцем бессмертным ума...». С. 50.

² Протасов Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.

³ Цитируемые далее в статье стихотворения Н.Н. Ольхина и Е.Н. Ольхиной, а также документы («Билет члена Всероссийского Союза поэтов», «Удостоверение № 11518 от 3 июня 1918 г.», «Свидетельство об окончании Высшего литературно-художественного имени Брюсова института») хранятся в личном архиве В.Ф. Ольхина. Публикуются с согласия владельца архива. В стихотворениях Н.Н. Ольхина и Е.Н. Ольхиной сохранены авторская орфография и пунктуация.

и более светлую цветовую гамму, нежели та, в которой «живописал» С.Д. Яковлев. Стереотипный портрет организатора «бунта бессмысленного и беспощадного» рассыпался в прах. Иначе как, например, соотнести образ «напористого», «наглого», «всё сметавшего на своём пути к власти» Ольхина с образом поэта Ольхина, в 1932 году написавшего глубоко лирическое стихотворение «Тоска», пронизанное любовью к родному пушкинскому краю?

Тоска

В застенках Бутырского рая
Где солнца почти не видать,
Одна есть отрада, страдая,
В напевах тоску выливать.

Тюрьма не балует за звуки,
К слезам безучастны замки,
Но есть наслажденье и в муках,
Забвеньё в разгуле тоски.

В минуты такого недуга,
Припав на решётку к окну,
Товарищи знойного юга
Поют про родную страну.

Мир гнёта не менее тесен
Им, жителям вольных станиц.
Люблю я раздолье их песен,
Как степь без конца и границ.

Бесплодны тут брань и угрозы,
Бессильны и карцер, и власть.
На душу нахлынули слёзы,
Душа нарыдается власть.

Как только луна позолотой
Вольётся в мой каменный грот
Их песнь зазвучит за решёткой
Свободной мольбою вперед.

Я долго стою одиноко,
Отпрянув в оконную сень,
А грезы завьются далёко
В пределы родных деревень.

Там нет величавого Дона,
Взор степи раздольной не зрит,
Над избами мрака и стона
Там вечная хмара висит.

Душа перекинулась в степи,
На волю рванулася ввысь.
Раздались и стены, и цепи,
Незримо замки расползлись.

Мрак злобы притих, уступает.
Тоска на свободе парит.
А Волга безумно рыдает,
А Днепр сердито шумит.

Их песни о прелести дикой
Загрохотали струны мои.
Туда, где сливается с Великой
Красавица Сороть струи,

Бывало, лишь только с востока
Заря совершает полёт,
А я уж брожу одиноко
По берегу Михайловских вод.

Нет, нет, то не слёзы поэта,
Не воля зовёт на простор,
Так только поёт до рассвета
Любимый Михайловский бор.

Он пел мне ещё с колыбели
Тоской придорожных берёз.

Я слышу знакомые трели
По веткам порхающих грёз.

Вон там, в золотистом тумане,
Где вспыхнул цветущий пожар,
Избушка виднеется няни,
Объятая крыльями чар.

Там сказочно синие своды
Однут свой звёздный наряд,
И глянут в бездонные воды,
И в них всю красу отразят.

Сирени, жасмины и розы
Весь воздух, всю высь опьянят.
Надзвёздные снизятся грёзы,
На место изгнания слетят.

Украсят избушку в узоры
Всех красок, цветов и теней
И выльются в грустные хоры,
В скорбь канувших в вечности дней.

О чём же вдруг Сороть забьётся?
Кто звёздную песню поймёт?
Быть может, призыв раздаётся –
Что ж Пушкин на берег не идёт?

Скорбь, небыль свершает полеты,
Мир грёз ли мгновенью открыт.
«Он здесь! – говорят все красоты, –
Свободный, он снова творит!»

Мечта ввысь плывёт и рыдает,
А песня звенит, как гонец.
Тюрьма уж совсем пропадает,
Я волен, вне стен, я – певец!

Лишь сердце, о чём-то жалея,
Попало в безвыходный круг
И шепчет: «Хоть юг мне милее,
Мне север роднее, чем юг».
(Бутырская тюрьма, 1932)

Возможно, это не шедевр, но далеко и не «стон ослиный». Точно так же и некоторые другие выводы в книге С.Д. Яковлева и записках В.В. Тимофеевой-Починковской требуют значительной корректировки.

Первый вопрос: где родился Н.Н. Ольхин? Вопрос принципиальный. По версии Яковлева, главными смутьянами, разрушившими идиллию пушкинских мест, стали «люди, которых на Псковщине никто ранее не знал», то есть выходцы из других мест. Доля правды в этом утверждении, конечно, есть. В 1917–1918 годах в стране активизировалась партия большевиков. «В провинцию отправлялись уполномоченные, с целью захвата власти на местах. Борьбе псковских большевиков за установление Советской власти в губернии повседневную помощь оказывал ЦК партии, направляя в уезды и волости из Петрограда большевиков – рабочих, солдат, балтийских моряков, присылая систематически инструктивные письма и телеграммы. По указанию ЦК партии Петроградский ВРК только в период с 25 октября по 25 ноября 1917 года отправил в Псковскую губернию 42 агитатора. В течение ноября из ЦК РСДРП(б) поступило в Псков несколько писем и телеграмм, в Холмский уезд – пропагандистская литература, бюллетени о текущих событиях, в Торопец – заказное письмо (в декабре). Для установления Советской власти и создания большевистской ячейки в Большезагорскую волость Псковского уезда прибыл матрос-большевик С.П. Розанов, в Великолукский уезд – В.М. Иванов, в Новоржевский уезд – большевик П.А. Петров. В январе 1918 года из отобранных ЦК партии для работы в деревне в разных губерниях 240 петроградских рабочих на Псковщину было направлено 5 человек. Один из них – коммунист И.И. Иванов, прибывший в Островский уезд, – вспоминает, что перед отъездом, когда он с двумя рабочими получал литературу в Смольном, с ними беседовал В.И. Ленин. Он расспросил их, куда едут, интересовался, как будут вести работу среди крестьян. Ленин просил их доносить живое слово партии до каждого крестьянина, чтобы всем было понятно, чего партия добивается.

В этом же месяце в Воронцовскую волость Опочецкого уезда приехали из Петрограда рабочие большевики Д.А. Алексеев (с Ижорского завода),

В.Е. Егоров (с завода «Старый Лесснер»). В марте они провели волостной съезд Советов, провозгласивший Советскую власть в волости»¹.

Однако к Ольхину определение «пришелец» не имеет никакого отношения. В его рукописях сохранилась неоконченная поэма под названием «Скобарь». «Скобарь» – это прозвище главного героя произведения Павла, в литературной «жизни» которого явно просматриваются факты биографии самого автора – Ольхина.

Не сама гармонь играет,
Наш Скобарь её тягает,
А кругом его народ
Так и «мрёт», разинув рот...

В тексте слово «Скобарь» написано с заглавной буквы, как имя собственное. По-видимому, по мысли автора, это кличка или даже фамилия героя, персонифицирующего в себе всех жителей Псковской губернии. Сам же Ольхин родился в центре Псковщины, в Новоржевском районе, в сельце Незнаниха. В настоящее время этого населённого пункта на карте Псковской области уже нет. Между тем в XIX–XX веках Незнаниха находилась на дороге Новоржев – Дубровы – Жадрицы. Место это хорошо знакомо пушкинистам, так как Жадрицы – имение Пуцциных. С 1825 по 1835 год в Жадрицах проживал декабрист П.С. Пуцин. Здесь он встречался с А.С. Пушкиным, которого ранее ввёл в масонскую ложу «Овидий»². Бытует и легенда о том, что Жадрино в пушкинской «Метели» «списано» с новоржевских Жадриц.

В особом почёте Незнаниха и у новоржевских краеведов, так как изначально сельцо возникло как родовое имение Бухвостовых. Самый известный незнанихский владелец – родившийся 2 мая 1857 года и похороненный на погосте Дубровы герой Цусимы Николай Михайлович Бухвостов: «капитан 1 ранга, командир эскадренного броненосца «Император Александр III», кавалер орденов и медалей: «Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Анны 2 и 3 ст., Св. Станислава 2 и 3 ст., серебряная медаль в память царствования Императора Александра III, прусский орден Красного Орла 4 ст., французский Орден Почётного Легиона Кавалерского Креста, Мекленбург-Шверинский орден Вендской

¹ Очерки истории Псковской организации КПСС. Л., 1971. С. 25.

² См.: Ожерелье Псковской земли. Дворянские усадьбы / Автор-составитель Н.Г. Розов. Сельцо Михайловское; Псков, 2008. С. 146–147.

Короны 4 ст., французский орден Офицерского креста, золотой перстень с драгоценными камнями, португальский орден Бенедикто-Овизского Командирского креста»¹.

Доживал свой век Бухвостов в родном сельце. Здесь с ним, с человеком, заслужившим и награды, и лавры, и почёт, встречался будущий герой другого времени, юный Ольхин. Но, кажется, военная карьера и защита Отечества не прельщали крестьянского паренька. По примеру своего однофамильца А.А. Ольхина, народовольца и автора знаменитой «Дубинушки», Николай с головой окунулся в стихии революционной борьбы и поэзии. Он уже в возрасте 15 лет обратил на себя пристальное внимание карательных органов. В материалах Учредительного собрания отмечается: «Ольхин Николай Николаевич... <...> Из крестьян. Окончил земскую школу. Мельник. Поднадзорный с 1903, эсер. 11 раз подвергался обыскам»². Рано повзрослеть и увлечься романтикой борьбы «за Землю, за Волю, за лучшую долю» – судьба, характерная для детей того времени.

В известных нам документах Учредительного собрания ничего не говорится об арестах Ольхина. Но, надеемся, работа в архивах раскроет смысл «байки», озвученной одним из участников собрания в Святых Горах. Об этом упоминает Тимофеева-Починковская в мемуарных записках «Шесть лет в Михайловском», рассказывая о происходивших здесь выборах в марте 1917 года:

«Но выборы идут туго. «Вожаков хороших» совсем не оказывается.

– Почему же вы Ольхина не выбираете? Он ведь хорошо защищает вас, – говорю я стоявшим рядом со мной. «Что, не гоже и он, в ём тоже неправильность есть», – отвечают мне.

«Они с отцом своим оба в острогах сидели... За худые дела привлекались к суду», поясняет кто-то в толпе. А баба всё крестится и умилённо вздыхает, глядя на высокую, сухощавую фигуру оратора в заплатанном пальтишке и меховом картузе, из-под которого сверкают беспокойным огнём горячие чёрные большие глаза на бледном и худом лице «полуинтеллигентного пролетария»³.

Впрочем, «острог» под названием «Бутырская тюрьма» был у

¹ Пахоменкова М.М. История деревень Новоржевского района Псковской области (рукопись).

² http://www.hrono.ru/biograf/bio_o/olhin_nn.php

³ Здесь и далее цитаты из записок В.В. Тимофеевой-Починковской даны по: Тимофеева-Починковская В.В. Шесть лет в Михайловском // Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом), 14487/LXXXIV 07.

Ольхина ещё впереди, в эпоху развитого сталинского социализма. Пока же он боролся за этот самый социализм со всем пафосом, романтикой и верой в светлое будущее. И, следует отметить, политическая карьера бывшего мельника в качестве одного из местных «предводителей» оказалась яркой, хотя и короткой.

Переезд Ольхина в Бугрово, находившееся рядом с пушкинским Михайловским, мог быть связан и с его литературными интересами. О том, что муза посетила мельника задолго до событий, описанных в «Шести годах...», сообщает сама мемуаристка. «Оратором», – продолжает рассказ Тимофеева-Починковская, – выступал мой знакомый, бугровский мельник Николай Николаевич Ольхин, ходивший ко мне за книжками и советом насчет своих «литературных» произведений, – «поклонник» Шиллера и Гёте – «хоть и мало читал их...» Последняя фраза заключена в кавычки: по-видимому, это слова самого Ольхина, самокритично сетовавшего на недостатки своего образования.

Но именно «михайловский» период в жизни мельника стал для него своего рода трамплином в большую литературу. Уже в 1920 году Н.Н. Ольхин становится членом Всероссийского Союза Поэтов и получает удостоверение, подписанное Валерием Брюсовым и Адалис. На литературном поприще он достиг больших успехов и стихи писал на протяжении всей своей жизни.

Однако причины переезда Ольхина в Бугрово могли быть и весьма прозаическими, далёкими как от политики, так и от литературы. В 1913 году Николай Николаевич женится на Елене Алексеевне Елецкой, о чём свидетельствует архивная справка из Архива Псковской области: «В метрических книгах Успенской церкви погоста Ашева Новоржевского уезда за 1913 год имеется запись № 35 о бракосочетании 12 июля 1913 года новоржевского мещанина Жадрицкой волости сельца Незнанихи Николая Николаевича Ольхина, православного исповедания, первым браком, двадцати четырёх лет, и оставшковской мещанской девицы Елены Алексеевны Елецкой, православного вероисповедания, первым браком, семнадцати лет»¹.

Брак, будущее рождение ребёнка, семейные обязательства побудили Ольхина к поискам новой работы. Возможные адреса для работы человека с профессией «мельник» легко просчитываются: это мельницы. Активная миграция мельников с одной мельницы на другую, третью,

¹ Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. 39, оп. 22, д. 1561, л. 486 об.

десятью – дело обычное. О «кочевом» характере этой профессии свидетельствуют и письменные источники, и устные рассказы местных, пушкинских мельников М.И. Жукова и А.И. Сергеевой.

В 1914 году у Ольхиных родилась дочь Людмила. К ней и жене обращено стихотворение:

С лаской, друг мой, одинокий
С верой в радость подойди,
Детский ум на путь жестокий,
Ясный месяц, не веди.

Расскажи, что я из клетки
В тот же день вернусь к ней,
Как найду конфет для детки,
Умной паиньки моей.

Ёлку, кукол и салазки,
Дам ей всё, что Люся ждёт.
Пусть она прищурит глазки
И счастливая уснёт.

А жене, голубке Лёле,
Передай больной жене –
То, что видишь сверху, с воли
На решётчатом окне...

...Расскажи: мой плен – ошибка
Что опять сойдёмся мы
Пусть не ведает малютка
Чёрных ужасов тюрьмы.
(1932)

Жена и дочь Ольхина покинули Бугрово в августе 1917 года. Об этом дважды свидетельствует В.В. Тимофеева-Починковская. В записи, датированной 23 августа 1917 года, читаем: «Вчера приходила прощаться ко мне жена Ольхина. Она уезжает с ребёнком в Москву, так как «немцы Двину перешли и здесь теперь ничего хорошего ждать нельзя». И 14 ноября 1917-го: «Мучительные дни. Опять никаких га-

зет. Одно только письмо мне из Москвы, от Ольхиной (жены «орла», не выдержавшей «орлиных» полётов супруга и улетевшей с ребёнком к родным)».

«Ребёнок», Людмила Николаевна Ольхина, в рукописи «Моя биография» сообщает, что её «...детство прошло на Красной Пресне. Школа – простая и музыкальная». Однако если учесть, что родилась Людмила Николаевна в 1914 году, а уехала из Святых Гор в 1917-м, три года жизни проведены на Псковщине. Любопытно, что в рукописи фраза «прошло на Красной Пресне» тщательно заштрихована автором. По-видимому, потому, что не совсем точно отражает фактическую сторону дела: москвичкой Людмила Николаевна стала только в четырёхлетнем возрасте. Она так же, её как отец, писала стихи. Несколько стихотворений посвящены пушкинским местам. Одно из них называется «Родина»:

Под голубым покровом ширь,
По долам полночь сказкой бродит,
За Святогорский монастырь
Луна-красавица заходит.
Над Тоболенцем ловит взор
Мерцанье звёзд и блеск их линий,
А прямо ряд холмов и гор
Край оборвал у выси синей.
Правей сползла дорожка в ров,
Туман блестит за косогором,
Дома и Гаек, и Бугров
Слились с Михайловским бором.
От них в сторонке, над рекой,
Как бесприютная старушка,
С таким же деревцем-клюкой
Стоит за мельницей избушка.
От жизни всё у ней взято,
И мох покрыл её корою.
Давным-давно уже никто
Не нарушал её покоя.

«Избушка», о которой упоминает Е.Н. Ольхина, не что иное, как «Дом мельника», где, учитывая название произведения, по

всей видимости, и родилась дочь мельника. Её отец, по версии Тимофеевой-Починковской, уехал в Петроград поздней осенью: «20 ноября «Николай А-вич рассказывал, что в волостном встретил знаменитого «орла» здешних мест, Н.Н. Ольхина. Очевидно приехал для предвыборной агитации. В одной из псковских газет на днях помещено его стихотворение, под заглавием: «Кому?» Начинается оно так:

«Не затмить вам зарю
Лучшей жизни долю.
С бурями поспорю
За «Землю и Волю»...

А последний куплет этого стихотворного воззвания на век предре-
шает наши судьбы:

«В чем я провинился?
Посудите сами, –
Что орлом родился,
И что вы – ослами».

Зварковский застал его в споре с солдатом-большевиком (сам Ольхин – под флагом эсеров) и задал ему вопрос: – За кем теперь власть? – «За штыками». – А штыки за кого? – «Ну, за кого придётся. Сегодня за одних, завтра за других...» Ответ Ольхина афористичен и точно передаёт смуту, охватившую Россию в 1917 году.

После этого эпизода Ольхин на страницах записок Тимофеевой-Починковской не появляется. Причина простая: переезд в Петроград. Но до этого, в 1917 году, мельник сделал головокружительную политическую карьеру. Сначала он стал начальником милиции Воронического уезда, затем председателем волостного Совета Крестьянских депутатов. 12 (25) ноября он становится членом бюро фракции левых эсеров. Далее он в числе восьми представителей в Учредительном собрании от Псковской губернии. Участвует в знаменитом заседании 5 января 1918 года, разогнанном большевиками. Несмотря на то что именно эсеры стали главными противниками большевиков, Ольхин остаётся в политике и под флагом всё тех же социал-демократов участвует в работе 3-го Всероссийского съезда Советов РСД и 3-го Всероссийского съезда Советов КД. Более того, он не рядовой участник съезда, а член ВЦИК.

Так что в эти годы на бугровской мельнице вращались не просто жернова, а жернова истории. Ведь даже профессию мельника Ольхин мог выбрать в связи со своей революционной деятельностью. Мельница была особым местом в русской деревне. Здесь, ожидая своей очереди, собирались толпы помольщиков. Лучшей трибуны для массовой политической агитации было не найти. Развитие ситуации показало, что мельничное ремесло для Ольхина действительно было делом вторым и служило, скорее, прикрытием, а во главу угла были поставлены революционная деятельность и литература. То есть мельник вёл работу с массами и занимался литературной пропагандой. Позднее, в 1925 году, Н.Н. Ольхин закончил «Высший литературно-художественный институт им. Валерия Брюсова» – нынешний литературный институт имени Максима Горького. В числе успешно сданных им предметов были и такие, как «Устная словесность», «Класс литературной пропаганды», «Методология работы с массами».

Но это было потом. А пока свои «подготовительные курсы» эсер Ольхин «заканчивал» самостоятельно: на мельнице, на фоне Пушкина и в сгущающейся, наполненной предчувствием гражданской войны и надвигающейся смуты, атмосфере. Ораторские способности у Ольхина были, по-видимому, незаурядные. Свидетелем одного из политических «моноспектаклей» мельника стала В.В. Тимофеева-Починковская:

«Придумали эту после войны капиталисты и правительство чтобы народу поубавилось... Войну начало правительство, чтобы легче потом скрутить было... Начальники наши карманы да пуза себе набивают, а нас посылают кровь за них проливать... Разве это не обидно, товарищи?»

– «Верно! Правда! Как есть всё так!.. Кровопийцы! Насильники!» – с жаром доносится с вышки.

– «Долго мы терпели всякое зло... Стражник, писарь, урядник, исправник, земский начальник – ото всех мы обиды и притеснения терпели... Верно, товарищи?..

– «Верно! верно! Дюже горазд хорошо!»

– «Нет земли, говорят... Земля зуёвская рядом, но мы не смей её трогать, потому земля эта, говорят, дворянская собственность, принадлежит псковскому дворянству. Лесу нет у народа – рядом Михайловский лес, но рубить его запрещают, потому что лес тоже дворянская собственность... Народ доведён до нищеты, народ кровь свою на войне проливает, а из дворянского лесу щепки взять не позволят... Так ли, товарищи?»

– «Правильно, Миколай Миколаич! Речист ты больно!» Баба рядом со мной всхлипывает и крестится: – «Ровно Господь из Петрограда приехал! Как есть Бог: всю правду знает про нас!»

Несмотря на некоторую долю иронии, сквозящую в описании Тимофеевой-Починковской, между ней и бугровским мельником были совершенно особые отношения. Впервые о мельнице, без упоминания о самом мельнике, Варвара Васильевна сообщает 11 апреля 1913 года:

«Вон там, за тёмной чащей леса – его Зуёво, его михайловские рощи. Вон – влево – речка с мельницей...»

«Вот мельница – она уж развалилась»...

Не на Днепре, а здесь, я чувствую, бродил пушкинский «князь», вспоминая покинутую им Наташу...

Невольно к этим грустным берегам

Меня влечет неведомою силой»...

Слово «развалилась» здесь у В.В. Тимофеевой-Починковской могло иметь под собой вполне реальную основу. О том, что мельнику Ольхину некогда было заниматься мельничным хозяйством, свидетельствует запись от 23 июня 1917 года: «Раздаю книжки, пишу письма, надписываю адреса и обсуждаю вопрос о возможно скором изучении немецкой письменности, а начальник милиции и председатель земельной комиссии, всё тот же мельник с давно исторической, недействующей мельницей сделал распоряжение, чтобы «на работы к господам не нанимались». Иначе штраф 3 р. за каждую десятину, и сено отнимут. – «Пусть сами косят!»

Определение «давно исторической», по-видимому, означает «вошедшей в историю, знаменитой». О том, чем знаменита бугровская мельница, отвечает сама В.В. Тимофеева-Починковская – тем, что она послужила для Пушкина прообразом мельницы в драме «Русалка». Миф о пушкинской мельнице в Бугрово создала сама писательница. Более того, в 1924 году она озвучила его при встрече с известным пушкинистом М.А. Цявловским и тем самым ввела в научный оборот версию относительно местного происхождения пушкинской драмы¹. Соответственно Ольхин в её глазах оказывался, ни много ни мало, хранителем ею же созданной легенды, или, выражаясь языком современного штатного расписания, «хранителем» музея.

Впрочем, роль Ольхина в создании бугровской легенды могла оказаться и более существенной. В 1932 году в Бутырке он пишет стихот-

¹ См. в кн.: Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. М., 2000. С.153–154.

ворение «Тоска», уже процитированное выше. Оно наполнено воспоминаниями о пушкинском крае, где «опальный поэт» – не Александр Сергеевич Пушкин, а он, Николай Николаевич Ольхин! – провёл несколько лет жизни. В стихотворении упоминаются реалии пушкинского Михайловского: «Михайловский бор, «избушка няни». Но начинается путешествие по волнам памяти с описания места, находящегося неподалеку от Михайловского: «...где сливает с Великой / Красавица Сороть струи».

Сейчас это место весьма живописно и пустынно. Но в годы жизни Ольхина в Бугрово здесь находилось имение Косорымы, принадлежавшее Вревским, потомкам Евпраксии Николаевны Вульф. Последняя владелица имения Н.П. Вревская писала в дневнике в 1907 году:

«Вид из окна хорош, а с обрыва – ещё лучше. Как на сцене: под ногами излучинами течёт Великая, образуя полуостров – зелёный луг. На нём пасётся стадо, а ночью – табун лошадей. За островом – плотина. Вдаль уходит река, а на левом берегу высокие старые сосны и берёзы, уцелевшие со времён А.Н. Вульфа, плотной стеной опускаются по пологому склону реки Сороти, которая впадает невдалеке в Великую. Слияние этих двух рек поразительно. Великая – мрачная, бурливая, быстрая. Сороть – ласковая, спокойная, тихая. Но воды её не смиряют Великой, делают её лишь шире.

На устье в старину рос дубовый лес. В чаще на тропинке стоял «голубец» – столбик с иконкой под крышей. «На месте сем похоронена дочь мельника, утопившаяся в реке от несчастной любви». Так гласит предание, и возможно, оно вдохновило Пушкина написать «Русалку».

Места здесь необычайно поэтичны и фантастичны. Шум мельничных колёс в ночной тиши, фыркание лошадей, звяканье цепей, шелест деревьев...»¹.

Трудно представить Ольхина в роли размягчённого лирического поэта, путешествующего по окрестностям Михайловского в поисках вдохновения и объектов, достойных поэтического увековечивания. Таковых достаточно много в непосредственной близости от Бугрово. Поэтому представляется весьма вероятным, что ольхинское описание места слияния Великой и Сороти стало следствием одной из деловых поездок мельника бугровского к мельникам забоевским. Поводов для подобного путешествия могло быть множество, и все они лежат

¹ Рожнов В.Ф. Имение потомков Вревских Косорымы близ Тригорского... С. 239.

в сфере ремонта и обслуживания мельничных механизмов. Но там, в Забоево, поэт Ольхин мог возобладать над Ольхиным-механиком и не только оценить окружающие красоты, но и услышать замечательную «русалочью» легенду. Тем более что в то время, выражаясь современным языком, история эта ещё была эксклюзивной: берновская, болдинская, московская легенда о «Русалке» ещё не были сочинены¹. Потом Ольхин стал живым ретранслятором: в разговорах с В.В. Тимофеевой-Починковской о Шиллере и Гёте он мог упомянуть и о «косорымовской» легенде, что, в свою очередь, могло побудить хранительницу михайловских мифов к созданию своей собственной, географически более приближённой к усадьбе легенды. Ближайшей к Михайловскому была бугровская мельница. Поэтому в подстрочнике описания могло подразумеваться не только «не на Днепре, а на Луговке», но и «не на Днепре и не на месте слияния Сороти и Великой, а именно здесь на речке Луговке в Бугрово».

«Конкуренция» музейных пушкинских мифов, выделяющих свои определённые литературные доминанты на местности, явление весьма интересное. И вовсе не единичное. В 1970–1980-е годы, в пору становления музея «Мельница в деревне Бугрово», подобное мягкое «соперничество» существовало между бугровским и берновским «русалочьими» мифами.

Как говорится, всяк кулик своё болото хвалит. В нашем случае – свой мельничный пруд. Впрочем, следует отметить, что без подобных домыслов литературный музей существовать не может.

О том, что бугровская мельница в отличие от её деятельного хозяина «была недействующей», свидетельствуют хранящиеся в архиве Пушкинского Заповедника два экземпляра одного и того же фотографического изображения мельничного места в деревне Бугрово. Получены они от разных дарителей. Первый экземпляр, с подписью «1936. Дорога в Петровское», поступил от О.В. Ломан 24 марта 1962 года. Второй был передан в музей 20 мая 1946 года от Овсянникова Ф.И. На обороте надпись: «Д. Бугрово. На заднем плане – Михайловский лес, на переднем – мост». Над этой надписью – первый, зачёркнутый, вариант: «Мост при...».

¹ См. *Козмин В.* «Русалка» в Бугрово, или Рассказ о том, как «утка» превратилась в «лебедя» // Михайловская пушкиниана. Вып. 37. Пушкинские Горы; М., 2005. С. 200–210.

Снимки сделаны с горки, на которой в настоящее время находятся дом местных жителей и хозяйственные постройки. На фотографии изображён высохший мельничный пруд, справа – острёвье для сушки сена, мост-плотина с разобранным дощатым щитом, который в рабочем состоянии должен бы был предотвращать слив воды. На всём – печать заброшенности и разрухи, и возможно именно поэтому у автора не «поднялась рука» завершить фразу: «Мост при мельнице». Насколько «развалившейся» была в это время сама мельница, фото представления не даёт. Но даже фрагмент моста и пруда позволяет судить о соответствии физического состояния бугровской мельницы и читательского представления о том, как должна бы была выглядеть мельница в пушкинской «Русалке». Это соответствие, возможно, и побудило В.В. Тимофееву-Починковскую к смелому сравнению построек, разделённых во времени, как минимум, столетием. То, что на фото изображено мельничное место в Бугрово, а не дорога в Петровское, как указано на другом экземпляре, сомнению не подлежит. Но вопрос о датировке снимка требует некоторого комментария.

На фото изображены два человека: один восседает «на вороном аргамаке», второй придерживает под уздцы другую лошадь. Первый, в гимнастёрке, демонстрирует армейскую выправку и роскошные чёрные усы. Второй одет скромнее: на нём пальтишко и картуз. Примечательна одна деталь: на левом рукаве стоящего мужчины – белая повязка. Такие повязки в качестве отличительного знака представителя новой рабочей-крестьянской милиции – стихийно возникший дресс-код – были узаконены в Петрограде в октябре 1917 года и просуществовали до октября 1918-го.

О таком знаке (белой повязке) упоминает в записи, датированной мартом 1917 года, и Тимофеева-Починковская:

«Объявлено первое народное собрание в Св. Горах. Еду на почту с намерением побывать и там. У крыльца почтового отделения стоит бледная, чем-то озабоченная m-е Крестина (бывшая бонна Княжевич, француженка родом). Спрашиваю, не известно ли ей, будут ли на собрании присланные из Петрограда комиссары. – «Oh, non! Hierils ont été chez nous pour les taxes sur blé, et rien queca!» – На почте чиновник из виленских беженцев уже отзывался неодобрительно «об этих ораторах». – «Только смущают зря. Говорят – о чём им и не поручено вовсе».

На горке подле волостного – павильон в снегу. Там – комиссары Врем. Прав-ства, «сознательный» (по виду) солдатик с ружьём, мили-

ционеры из выборных, с белой повязкой на рукаве. Перед павильоном толпа мужиков, баб и подростков – в ожидании».

Следовательно, на фото изображены представители органов правопорядка в период с 1917 по 1918 год. Состояние природы и одежда позволяют ещё более «сузить» датировку: поздняя весна, лето, ранняя осень.

Знакомство с пока что недоступными для нас архивными данными, где были бы указаны имена всех святогорских милиционеров в данный период времени, определило бы круг изображённых на фото персонажей. Однако имя одного из них нам известно: начальником местной милиции, напомним, был Н.Н. Ольхин¹. И, возможно, этого окажется достаточно для атрибуции.

В начале XX века фотографирование было делом хлопотным и дорогостоящим. Фотосессия в контексте революционных событий, да ещё и в ничем не примечательной местности – почти «спецоперация». Какому милиционеру понадобилось фотографироваться «на память» у весьма непримечательной мельницы? Ответ напрашивается сам собой: тому, кому дорого это место. Единственным милиционером, для которого бугровская мельница представляла «особую ценность», а в связи с переквалификацией в милиционеры и в депутаты с перспективой карьерного роста была ещё и местом, которое вскоре придётся покинуть, был к этому времени бугровский мельник Ольхин.

Но кто из двух попавших в объектив людей – Ольхин, сказать сложно. С одной стороны, Ольхин – начальник, поэтому он должен быть «главным» на фото, и по такой логике активно позирующий всадник и должен быть нашим героем. К тому же у него роскошные усы. А эта деталь, судя по фотографиям и портретам, всегда украшала лицо Ольхина.

С другой стороны, то, как одет второй человек на фотографии, заставляет вспомнить цитированное выше описание Ольхина на митинге в Святых Горах весной 1917 года: заплатанное пальтишко, меховой картуз. Но «пальтишко» могло оказаться на плечах другого малоимущего милиционера...

Ещё одна деталь кажется нам примечательной – босые ноги, странным образом сочетающиеся с помпезным одеянием. Подобная рабоче-крестьянская эклектика в одежде возможна лишь в одном случае: местные жители решили сфотографироваться на память рядом со своим домом. Быстренько накинули на плечи парадную одежду, приняли позу. А

¹ Напомним хотя бы цитированную выше её запись от 23 июня 1917 года.

об обуви забыли. Благо, целью акции являлась не поездка в село, слободу, лес, а сиюминутная «выходка».

Где-то за пределами фотообъектива остался «Дом мельника», та самая «избушка с клюкой», о которой упоминала в стихотворении Е.Н. Ольхина. О том же «доме над рекой» упоминает сам Ольхин в стихотворении.

Мне город постыл без конца.
В нём нет золотящихся нив
И скованы песни певца
Тоской о лугах заливных.

Я помню свой дом над рекой,
Заглохший, запущенный сад.
Как рамой ковёр луговой
Обвил его в дивный наряд.

А дальше обрыв и на нём,
Бросая прохладную тень,
Песчаным любитесь дном,
В цветах утопая сирень

Бывало, взойдёшь на обрыв,
Далёкий от жизненных бурь,
И смотришь, как пенный залив
Ласкает на водах лазурь.

Скорей же на лоно широт –
Туда, где поют соловьи,
Где плавно и вольно несёт
Красавица Сороть струи.

Местная жительница Валентина Николаевна Попова утверждает: «До войны мельник жил в доме, находившемся на правом берегу речки Луговки». Этот дом дожил до 1970-х годов, но однажды сгорел. Хозяева уехали в Псков, а руины вместе с землёй продали Пушкинскому Заповеднику. В 1986 году на месте пожарища был построен уже музейный «Дом мельника». В 2007 году в ходе реконструкции на том же месте

был построен «Двор псковского крестьянина», ныне входящий в состав музея «Пушкинская деревня». «Обрыв», упоминаемый в стихотворении, – это тот самый обрыв, который нависает над «Старой мельницей». Только отсюда открывается изумительный вид на «пенный залив», который называется просто – мельничный пруд. Именно с этого «обрыва» и сделана фотография на память. Потому, что именно этот ракурс запечатлевает не только Ольхина, хозяина мельницы, но и одну из любимейших Ольхиным-лириком видовых точек деревни Бугрово.

Стихотворение Ольхина буквально пронизано пушкинскими образами и настроением. «Заглохший, запущенный сад» легко напоминает об «Огромном запущенном саде» в романе «Евгений Онегин». Мотивы «опостылевшего города» и тоски по деревне – месту, где пробуждается творческое вдохновение, – созвучны пушкинским настроениям в стихотворениях «Как счастлив я...» и «Поэт». В «Пенном заливе» неожиданно проступает силуэт русалки из стихотворения «Как счастлив я...», написанного в Псковской губернии в 1826 году:

Опутана зелёными власами,
Она сидит на берегу крутом.
У стройных ног, как пена белых, волны
Ласкаются, сливаясь и журча...

(III, 36)¹

Ещё более любопытно указание на особое место: «...обрыв, / Далёкий от жизненных бурь». Таким же далёким от тревожностей и суеты стал в своё время для Пушкина «холм лесистый»:

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сживал недвижим – и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...

(III, 399)

И «холм лесистый», и «обрыв» – реальные локусы в музейном пространстве Пушкинского Заповедника. В этом их особая ценность для

¹ Здесь и далее в сборнике цитаты из произведений А.С. Пушкина приведены по: *Пушкин А.С. Полн. собр. соч.*: В 17 т. М.; Л.: Из-во АН СССР, 1937–1959. Номер тома указан римской цифрой, страницы – арабской. (*Прим. ред.*)

музейщиков и посетителей. Отсюда можно увидеть окружающее пространство сквозь поэтический текст. По-видимому, Ольхин сознательно формировал в Бугрово свой «...уголок земли», используя пушкинский аналог в элегии. Стихотворение создано в 1930-х годах, и в нём уже чувствуются навыки профессионального поэта. Нелишне вспомнить, что среди дисциплин, которые изучал Ольхин в институте имени Брюсова, были: «Класс стиха», «Стихология», «Фоника стиха», «Семинарии по лирической композиции», «Поэтический синтаксис» и, наконец, «Семинарии по Пушкину». Существовала очевидная логика и последовательность в движении бугровского мельника к познанию!

Стихи, написанные Ольхиным в пору общения с Тимофеевой-Починковской, стилистически намного слабее. Тем не менее в некоторых из них упоминаются исторические реалии Михайловского и окрестностей эпохи смутного времени.

Михайловское прежде

Село богато лугами, покосом,
Лесами, рыбой и землёй под лён...
Там Луговка с Котами, как заплаты,
Там Дедовцы, за ними – Зимари.
И снова – покривившиеся хаты,
Болота, и пески, и пустыри.
Там жили люди, я их многих знаю,
Они всегда болезненны на вид,
И каждый день в деревне наблюдаю,
Их скорбный труд и каторжный их быт...
Ещё заря не улыбнется часто
За лесом на земную красоту,
Как уж они, проснувшись до рассвета,
Работают, как лошади в поту.
Кто возит хлеб для генерала Фока,
«Героя» Порт-Артура при царе,
А кто нуждой закабалён без срока
И пашет на обжор в монастыре.
Одни в «Петровском» вырывают кочки,
Другие лён у «Батовских» господ.
И так с утра и до глубокой ночи
Работает и трудится народ

А промыслов и фабрик нет у края,
И заработков нет, хоть размолись
И вот растёт день ото дня такая
Нужда кругом, что бедным хоть давись.
В Святых Горах и Зимарях есть школа,
Хотелось бы ребят туда отдать,
Да как пошлешь, когда детишки голы,
А денег не достать и на тетрадь.
У нас и прежде не было рубашки,
А уж теперь совсем не до обнов,
Так и живём, как говорят монашки
Про ангелов, без хлеба и штанов.
А чуть рассвет забрезжит за лесами,
Трудись на бар и голодай опять,
Вот, как хотите, и судите сами,
А выхода ещё и не видать.
А тех, что для работы устарели,
Хромых, горбатых и иных калек,
Уж просим сами, чтоб поменьше ели
И слишком не затягивали век.
Вот и пируй как хочешь с той получки,
Когда годами выбился от дел.
Да, довели нас господа до ручки.
Спасибо. До гола раздел.
Бывает так, что удавился б часом,
Домой пришёл, а на столе у нас
Одна капуста и капуста с квасом,
И квас с капустой, и без хлеба квас.
Лишь в пору мая, или вешней ласки,
Когда берёзы льют свой аромат,
А соловьи рассказывают сказки,
И бабочки над липами шумят,
Когда вся-вся природа расцветает,
Смеётся и всем видимым творит,
И тайны свои грёзам открывает,
А в сумерки их людям говорит.

Вот в эту пору и мечтаний гордых
И нежных-нежных, как участие дум
Со всех сторон весёлые аккорды
Плывут сюда, как шорох или шум.
От гор повеет нежной кашкой,
Черёмухой и негой тёплых дней
Весь свод небесный заблестит в ромашках
Зажжётся лес миллионами огней.

Это даже не стихотворение, а наброски к нему: где-то отсутствует рифма, ритм сбивчивый. Тем не менее это сочинение представляется весьма любопытным. Написано оно в «михайловский» период творчества Ольхина. Идея стихотворения близка той, которая изложена во многих «революционных» произведениях русских писателей. Например, в знаменитой «Дубинушке», один из вариантов текста которой был написан «тёзкой» бугровского мельника А.А. Ольхиным. Подобное соотнесение представляется нам весьма уместным, так как кажется, что «наш» Ольхин ощущал странное сближение со своим однофамильцем и в чём-то даже на него равнялся. В его черновиках присутствуют цитаты из «Дубинушки». Тимофеева-Починковская также в своих записках в марте 1917 года цитирует это одно из самых популярных в это время произведений: «...А то так и просто «заломают родную дубину» – на царя, на господ, на купцов, на попов... и на кого там ещё с давних пор злость завидная разбирает...» Те же антигерои, что и у А.А. Ольхина, но с «михайловской пропиской» присутствуют в тексте Ольхина-«младшего»: господа, попы («обжоры в монастыре»). Автор предельно «географичен» и «историчен». Упоминаются названия окрестных деревень: Луговка, Коты, Дедовцы, Зимари, Петровское, Батово. Сравнение деревни с «заплатой» понятно людям, работавшим в архивах с разноцветными картами населённых пунктов. Очевидно, оно связано с работой Ольхина в должности начальника земельной комиссии.

В стихотворении упоминаются школы в Святых Горах и Зимарях. «Монашки» – это «чёрные» монахини, жившие вплоть до 1930-х годов на улице Лесной, между Успенским собором и Казанской церковью. Отсутствие промыслов и фабрик в уезде – также известный в истории факт. В целом предреволюционное Пушкиногорье предстаёт в весьма безотрадном облике, что характерно для произведений поэтов революции.

В большинстве подобных стихотворных «агиток» возможность решать проблему социальной несправедливости даётся в одном из двух вариантов: скудное материальное «прежде» сменяется сытым послереволюционным «сейчас», или, как в «Дубинушке», за тяготы и несправедливость виновников ждёт неминуемая расплата. У Н.Н. Ольхина развитие этой темы совершенно оригинальное и отнюдь не революционное. Кажется, бугровский мельник хорошо усвоил пушкинскую сентенцию: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Поэтому выход из подобной ситуации, по мысли автора, не в борьбе и мести, а в стремлении к прекрасному. Таковой становится для него природа Михайловского. А эта идея созвучна целому ряду пушкинских произведений.

Среди перечисленных в стихотворении «врагов» трудового народа один занимает особое место. Это – «генерал Фок». Он единственный, чья фамилия заполнилась Ольхину. И вовсе не случайно. В знаменательном народном собрании, состоявшемся в Святых Горах в марте 1917 года, вожаком и оратором выступал Н.Н. Ольхин. На том же собрании присутствовал А.В. Фок: «Приезжал потом, говорят и генерал Фок на это собрание с жалобой на самовольную порубку леса в его усадьбе (Лысая Гора): «Не хорошо, дескать, братцы»... Но «братцы» встретили его смехом и бранью: «Ладно! Знаем мы, как вы, генералы, в Японии воевали, карманы набивали, наши души убивали!» – Сел генерал поскорей в сани, да и давай Бог ноги!» Одним из «братцев», порицаемых генералом, был бугровский мельник».

Но «смехом и бранью» взаимоотношения Ольхина и Фока не ограничились. Встреча генерала и мельника на митинге имела своё драматическое продолжение. Сопоставление нескольких документов и свидетельств позволяют уточнить некоторые даты и эпизоды «революционной» истории Пушкиногорья, странным образом связавшей потомка Прасковьи Александровны Осиповой и безродного поэта-пассионария.

О соседе-генерале подробно сообщает в дневнике Наталья Павловна Вревская. Она рисует весьма привлекательный портрет своего дальнего родственника: «Привёл в порядок расстроенное хозяйство», «гостеприимен, разговорчив, хлебосол», «добряк, бессребреник, холостой, всё жалованье он отдавал семье брата...»¹.

¹ Цит. по: Рожнов В.Ф. Имение потомков Вревских Косорымы близ Тригорского... С. 239, 243.

Сетования генерала по поводу самовольной порубки имели основания, так как все посадки на Лысой Горе генерал произвёл на «голом» месте, прибегая к тому, что в наше время назвали бы «эксплуатацией детского труда». По свидетельству Вревской, «окрестные мальчишки за конфеты и пряники приносили на «Лыску» молоденькие берёзки и сажали в заранее выкопанные ямки»¹.

Так что моральное право на защиту своих «ямок» и «детских» берёз генерал, кажется, имел. Далее мемуаристка продолжает: «Послушать – какой желчный насмешник, а на самом деле – милейший человек! Пишет военные воспоминания, ругая всех, вплоть до Николая II, за упущения в обороне Порт-Артура»².

Но, похоже, генерал был «слишком далёк от народа» и «ругал» царя только в присутствии себе подобных. Иначе «братцы», среди которых был Ольхин, может быть, вникли бы в нюансы проигранной военной кампании и их ответ на вопрос «кто виноват?» был бы не столь однозначным. Но «мнение народное» свой скоропалительный приговор вынесло: «Воровал, был под судом». Так что и эту битву – под стенами монастыря – генерал тоже проиграл. Между прочим, В.В. Тимофеева-Починковская, несмотря на свою деликатность и принадлежность к одному с Фоком сословию, с иронией описывает бесславное отступление героя: «...сел в сани, да и давай Бог ноги!»

Негативное отношение Ольхина к «генералитету» русской армии сформировалось не сразу и не вдруг. Напомним, что он родился в семье, где доживал свой век Николай Михайлович Бухвостов. В детстве Ольхин воспринимал барина как героя, военного, защитника Родины. Достойный образец для подражания. Но к 1903 году правда о русско-японской войне стала известна всем, в том числе повзрослевшему юноше. Теперь его бравый барин – «герой» проигранной войны. А интерес Ольхина к личности и творчеству поэта-однофамильца мог лишь укрепить мнение об исторической несостоятельности русского командования. Наряду с «Дубинушкой» большую популярность в России получило стихотворение А.А. Ольхина «У гроба», в котором автор вспоминает о бессмысленной и кровавой битве за болгарский город Плевну в русско-турецкой войне:

¹ Там же. С. 243.

² Там же.

Там, где Плевна дымится, огромный курган
В нём останки ещё не догнили:
Чтоб уважить царя, в именины его
Много тысяч «своих» уложили...

В черновике стихотворения «Михайловское прежде» отношение автора к генералу Фоку легко определяется контекстом и авторскими кавычками при слове «герой». В нём присутствует то же отношение к генералу, что и в мартовском диалоге.

К апрелю 1917 года бывший мельник делает стремительный карьерный скачок. Он становится начальником милиции Воронической волости. 23 апреля В.В. Тимофеева-Починковская записывает: «...Миколай Миколаевич шепчет что-то прям им в уши, а я повторяю ему, ещё раз на прощанье: «Не увлекайтесь! Ждите учредительного собрания. Помните: вы блюститель закона, по закону верное будет!» Через три дня, 26 апреля, она же уточняет должность «блюстителя закона»: «А начальник милиции Ольхин, начитавшись «Земли и Воли», наглотавшись воззваний всевозможных делегатов, поёт им в уши и потекает во всё, потому что боится – иначе его устроят». Между этими двумя записями есть и третья – 25 апреля 1917 года: «Сенсационное известие: милиционеры ходят по деревням и усадьбам и снимают рабочих. Самовольно чинят захват прав и собственности... Ждут сегодня и к нам. <...> Началось! – Пришли. Иду смотреть и слушать». Очевидно, что милицейский рейд по дворянским «малинам» возглавил начальник – Ольхин. Очевидно и то, что в числе первых экспроприации подверглись наиболее одиозные «эксплуататоры». Для Ольхина таким был генерал Фок, владелец Лысой Горы.

О том, что подобный визит к Фоку действительно имел место, свидетельствует следующий факт. В 2002 году автором настоящей публикации были записаны воспоминания Анатолия Ивановича Сергеева, профессионального мельника, в 1920-е годы трудившегося на водяных мельницах в деревнях Горелик, Вошагино, Бурково, Красково, Захино. В 1946–1947 годах он участвовал в восстановлении водяной мельницы в Бугрово. Попутно Анатолий Иванович вспомнил эпизод из истории «раскулачивания» в Святых Горах в 1917 году и, когда речь зашла о революционных событиях в Святогорье, неожиданно упомянул фамилию Ольхина: «Пришли к генералу Фоку новоиспечённые милиционеры арестовывать генерала Фока, начальника штаба генерала Куропаткина

в русско-японскую войну. «Старик» и Ольхин. Кличка у «старика» была «Забздин». Приехали в имение, в Лысую Горы. Дверь им открыл гувернёр.

– Где генерал?

– Уехал. А вам велел передать использованный веник-голяк и пожелание на словах: «Большую лозу руби, а маленькую на свой зад оставь».

Пока гувернёр беседовал с милиционерами, генерал уехал с заднего крыльца»¹.

Сейчас воспоминания Анатолия Ивановича обретают особую ценность. Это первое известное нам устное свидетельство жителя Пушкинских Гор о деятельности Н.Н. Ольхина. Казалось бы, бывшему мельнику логичнее вспомнить о мельничной деятельности Ольхина в Бугрово. Но «милицейская ипостась» нашего героя оказалась более памятной. Что и понятно.

Несмотря на давность изложенных Сергеевым событий, его рассказ представляется нам весьма правдивым, так как он имеет аналог в записках В.В. Тимофеевой-Починковской: «Старая дьяконица (Воскресенской церкви деревни Воронич, находящейся в непосредственной близости от Лысой Горы. – В.К.) тоже мечтает о золотом веке – когда сживут со свету всех «буржуев» и всех «образованных»... Месяц назад, вернувшись с пустыми мешками из сборной экскурсии, она ехидно шипела: «У-у подлецы-мужики! Душегубы, грабители! Ишь, чего захотели: и земля, и леса – всё чтобы им! А господ всех душишь... Неужто Бог не смилуетя над нами? Мы от господ только и жили всегда. Господа нас жалели и всем наделяли... Нет, ужо, подождите! Придут немцы, вернут господам всё награбленное, – тогда запоёте не то голубчики! Пропишут вам свободу тогда! Будет вам, как пишет пленовский барин в Опочку: «Леса рубите, сколько хотите, но прутья берегите для ваших собственных ж...».

Оба эпизода связывает одна тема: вырубка парковых деревьев в помещичьих усадьбах. В роли «дуэлянтов» выступают одни и те же персонажи: начальник милиции, он же главный «братец», с одной стороны, и экспроприированный помещик Фок. Очевидно, что выражения: «Леса рубите, сколько хотите, но прутья берегите для ваших собственных ж...» и «Большую лозу руби, а маленькую на свой зад оставь» – варианты

¹ Воспоминания А.И. Сергеева. Запись 2002 г. // Личный архив Козмина В.Ю.

одной идиомы. От кого этот авторский перл могла услышать вороничская дьякониха? Да от того же Фока, который перед отъездом из усадьбы обнародовал созданную им «формулу русского бунта в отдельно взятом уезде». Выражение оказалось настолько точным и запоминающимся, что передавалось из уст в уста, дожило до начала XXI века. Оно не является общеупотребительной пословицей или поговоркой. Это индивидуальное авторское творение на злобу дня – рубку леса в Святогорье. В обоих случаях авторство приписывается помещику – «барину» и «генералу». Поэтому позволим себе предположение: автором высказывания действительно является «превеликий ругатель всех порядков», генерал, владелец имения Лысая Гора А.В. Фок.

Однако есть одна загвоздка: кто такой «пленовский барин»? Населённого пункта под названием Плен нет и не было в Псковской губернии. Есть город Плён в Восточной Германии, но связаны ли как-то между собой немецкий город и прибалтийский немец Фок, нам неизвестно. Может быть, «пленовский», учитывая участие Фока в войне с турками на территории Болгарии, – видоизменённое «плевновский»? Можно так же вспомнить о том, что имение Лысая Гора соседствовало с землями, принадлежавшими члену Пушкинского комитета по управлению Михайловским и колонией имени А.С. Пушкина Н.М. Плену... Но в любом случае вероятность того, что меткое выражение принадлежит А.В. Фоку, нам представляется достаточно высокой.

Сопоставление «Записных тетрадей» Тимофеевой-Починковской и «Дневников» Н.П. Вревской выявляют одно существенное противоречие, касающееся хронологии пребывания Фока в имении Лысая Гора. Вревская сообщает: «Не имея детей и очень любя своих племянников, сдав все дела, завещая им свою часть имения и ценности, в конце войны, в 1916 г., проигрыш которой он заранее предвидел, уехал по Волге на Кавказ (на полгода). Но не так-то вышло. Попав на Северный Кавказ, он был отрезан фронтом гражданской войны, прожил там до 20-го года и больше никогда в имение Лысая Гора не вернулся»¹.

Из воспоминаний же Тимофеевой-Починковской и Сергеева становится очевидным, что генерал Фок покинул Святые Горы после визита милиционеров в конце апреля 1917 года. Кроме того, «конец войны» – это всё-таки не 1916 год. Поэтому предпочтительней нам представляется второй вариант даты отъезда генерала Фока: апрель 1917 года.

¹ Цит. по: *Рожнов В. Ф.* Имение потомков Вревских Косорымы близ Тригорского... С. 243.

И ещё один существенный эпизод в революционной истории Пушкинского Заповедника связан, на наш взгляд, с именем Ольхина. Речь идёт о документе, хранящемся в архиве ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома) в Санкт-Петербурге. 28 мая 1917 года, накануне очередной пушкинской даты, сход крестьян Воронической волости Опочецкого уезда Псковской губернии обратился в местный Совет рабочих и крестьянских депутатов с просьбой передать сельцо Михайловское в «общегосударственное ведение» и «разрешить крестьянам Воронической волости, путём сборов, устройство в сельце Михайловском свободного Всероссийского университета имени А.С. Пушкина, с низшим, средним и высшим отделениями и бесплатным обучением всех желающих учиться граждан Воронической волости, в центре которой находится сельцо Михайловское»¹. Об этом документе писали разные авторы: А.М. Гордин, В.С. Бозырев, С.С. Гейченко, С.Д. Яковлев. Но никто не сообщал об авторе документа. Понятно, что «миром», в несколько десятков крестьянских рук, письмо не писалось. Был идеолог и создатель. Им, на наш взгляд, стал всё тот же Н.Н. Ольхин.

Если в своём литературном творчестве Ольхин неоднократно обращался к образам и темам пушкинских произведений, то в повседневной жизни свою бурную революционную деятельность он нередко направлял на преобразование Пушкинского уголка. Став начальником милиции и получив полномочия одного из главных руководителей волости, Ольхин стал говорить о будущем Михайловского уже голосом «не мальчика, но мужа».

Итак, 26 апреля 1917 года В.В. Тимофеева-Починковская делает запись, в которой отмечает бурную деятельность Ольхина: «А начальник милиции Ольхин, начитавшись «Земли и Воли», наглотавшись воззваний всевозможных делегатов, поёт им в уши и потекает во всё, потому что боится – иначе его устроят. И вдобавок ещё сам от себя фантазирует, – реляции строчит да планирует, что бы такое устроить в Михайловском самое что ни на есть народное – в память Пушкина? – «А что такое Пушкин? – обсуждает этот самый народ. – Был и нет. Ничего с собой не унёс». – Это вы так говорите от темноты, – объясняет Заварковский им. Вот дети ваши подучатся, да узнают, что такое был Пушкин, и не то совсем скажут. Сколько бы лет ни прошло, какие бы перемены ни совершились в России – Пушкина все будут помнить и прославлять, и любить. Потому что сам он любил и про-

¹ См.: *Гордин А.М.* Пушкин в Михайловском. Л., 1989. С. 420.

славлял Россию и народ русский. А Михайловское его перейдёт, думаю, не к вам, а к государству». Спустя несколько дней Починковская конкретизирует планы Ольхина по преобразованию Михайловского: «Сейчас же за ним выступает снова Ольхин, эффектным жестом сдвигает шляпу на затылок и, приняв картинную позу, во всеуслышание провозглашает: «Михайловское, согласен я, место святое. Да, там жил Пушкин, писатель-стихотворец. Литература и, что может быть выше поэзии, всё это так. Но ведь в чём дело, товарищи: Михайловское – место святое, но живут в нём гады. Предыдущий товарищ называл вам светлую личность теперешнего управляющего, который-де «может вам принести пользу». А я ничего светлого в нём не вижу. <...> Я стою в толпе как раз против оратора, и вдруг слышу такое же велегласное суждение о самой себе: – «Есть там, по-моему, один человек только светлый – Варвара Васильевна!» – выпаливает он, – «И то я бы сказал: не совсем, а так, полусветлый. И то, потому что пишет она в каких-то газетах. <...> И, по мнению этого ценителя и судьи (Н.Н. Ольхина. – В.К.), в Михайловском надо устроить больницу и школу, – «и тогда в нём будут жить не гады, а действительно светлые люди... И тогда это место будет действительно уж святое...»

Если закрыть глаза на естественные в данной ситуации недостатки галантного воспитания оратора, предложения, оценки и пафос Ольхина выглядят в высшей степени разумными и позитивными. О «гадах» – попечителях Михайловского – правда, в более корректных выражениях, пишет и сама В.В. Тимофеева-Починковская, и, например, журналистка М. Каллаш, посещавшая Михайловское в «колониальный» период его истории¹. Что же касается предложенного Ольхиным проекта перспективного обустройства Михайловского, то, с точки зрения «текущего момента», его по праву можно назвать самым «социально ориентированным» из всех возможных. Это не проект самой В.В. Тимофеевой-Починковской, предполагавший установить на месте дома чугунную статую, возвышающуюся над воспетой Пушкиным природой, это и не «заповедник», ориентирующийся на мемориальную значимость места. Для Ольхина приоритетным становится не только вселенская отзывчивость пушкинской поэзии, но и те преимущества, которые может принести имя Пушкина местным жителям. Вполне современная идея!

¹ См.: *Гаррис М.* Уголок Пушкина. М.; Л., 1923.

Проходит ещё несколько недель, и появляется «ходатайство» об устройстве в сельце Михайловском университета. Очевидно, что «итоговый» документ прорастает из идей, ранее изложенных на митинге Ольхиным. Нелишне вспомнить и о литературных сетованиях автора стихотворения «Михайловское прежде» на то, что невозможно получить образование. Нельзя не отметить долю разумного эгоизма, присутствующего в ходатайстве. Если бы проект создания трёхступенчатого университета в Михайловском осуществился, дочь бывшего бедняка-мельника прошла бы все уровни образования, да и сам стремящийся к знаниям мельник, поэт, бунтарь, в полной мере возместил бы «недостатки своего проклятого воспитания».

К началу 1918 года Ольхин уехал в Петроград и, разумеется, не мог состоять в банде, уничтожившей пушкинские усадьбы. Кратковременное возвращение его в родные пенаты состоялось летом при совершенно особых обстоятельствах. Незаурядные способности бывшего мельника были замечены на самом верху, в руководстве страны. Летом 1918 года он получает мандат за подписью самого Свердлова:

Удостоверение № 11518 3 июня 1918 г.

«Тов. ОЛЬХИНЪ Николай Николаевич делегируется от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов для разслѣдованія и ознакомленія съ дѣлами Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов Псковской губ., а поэтому предписывается всѣмъ Советамъ и учреждениямъ оказывать тов. ОЛЬХИНУ Николаю Николаевичу содѣйствіе.

Тов. ОЛЬХИНУ предписывается по ознакомленіи съ положеніемъ дѣль, сдѣлать докладъ Президіуму В.Ц.И.К.

Предсѣдатель В.Ц.И.К. Я. Свердловъ.

Секретарь В.Ц.И.К. А. Аванесовъ».

Это лето – особое в истории Псковской области. С февраля по ноябрь Псков и часть уездов были оккупированы немецкими войсками. Воронический уезд находился в нейтральной зоне. Ольхин направляется в Псковскую губернию в инспекторскую поездку. О том, какой по сути была эта поездка, рассказывает сам «инспектор» в поэме «Скобарь». Главный герой поэмы деревенский паренек Павлуша, как и сам автор, избирается в депутаты:

Дело ж в том, что целым сходом,
Перед всем честным народом,
Избран Павел в Петроград
Для защиты бедных хат...

В Петрограде Павла назначают командиром боевого отряда:

«Я исполнил порученье»,
Вот Вам Ваше назначение.
Совнарком отряд даёт,
Сразу можно и в поход.

Ольхин фотографически подробно описывает облик революционного Петрограда:

Ни минуты не теряя,
На площадку став трамвая,
Молча, полный буйных сил
В штаб по Невскому катил.
Вот и площадь, вот и Смольный
Сад, подъезд и говор вольный.
Предъявив билет входной,
Полетел он вверх стрелой.
– Ты куда, скобарь, к Крыленко?
– А, товарищ Ивашенко!
Да, как видишь, я в поход.
– Дуй, мой друг, опять вперёд,
Вас собрал сам Бог под пару.
Даст ужо вам немец жару.
Ну, какой ты командир?
Хоть бы с нищего мундир.
Без него, дружище, жарко?
От души тебя мне жалко,
Ну, валяй, Господь с тобой,
Головой за Волю стой,
Да спеши сюда обратно
Скоро будем, вероятно,
Новый орган выпускать
Будешь снова сочинять!

«Новый орган» – газета, в которой Ольхину отводилась одна из ведущих ролей – редактора или издателя. Крыленко и Ивашенко – реальные люди. Г.М. Ивашенко – левый эсер, член коллегии ВЦИК; Н.В. Крыленко в феврале – марте 1918 года был членом революционного Комитета обороны Петрограда, с марта – членом коллегии Наркомюста РСФСР. Очевидно, Ольхин в соответствии с мандатом отправился в сопровождении охраны в Псковскую губернию. К сожалению, на этом текст в рукописи обрывается, и нам остаётся только гадать, как прошла военная вылазка в тыл врага. Однако существует ещё одно стихотворение, поясняющее некоторые детали операции.

За Псков

Никем впервые не гонимый,
По чуть колеблющим волнам,
С мечтой о счастье, о любимой,
Я плыл к заветным берегам,

Дрожало гибкое ветрило,
Попутный ветер гнал ладью,
Волна, ласкаясь, говорила:
«Ты отдохнёшь в родном краю».

Увы, коварны «песни моря»,
Обманчив плеск... В руках врагов
Я увидел себе на горе,
Мой край родной, мой старый Псков.

Тогда-то светлая избушка
Печаль навеяла одну:
Отец, сестра и мать старушка
В позорном мыкались плену.

Собрав товарищей отважных
Друзья мои, сказал я им,
Ужель на смех врагов отважных
Свою свободу отдадим?

Вы знали свет, вы знали волю
Не понесём чужих оков!
В ответ на зов неслось по полю:
«Вперёд на бой, за старый Псков!»

«Заветные берега» – не что иное, как Воронический уезд, «Светлая избушка» – всё тот же дом мельника в Бугрово, где до войны жили не только Ольхин с женой и ребёнком, но и его мать, отец и сестра. Потом жена с ребёнком уехала в Москву, Ольхин отправился в Петроград, а родители с сестрой переехали в Псков, где вскоре и оказались «в плену» у кайзеровских войск.

В 1919 году по стране прокатились массовые облавы на эсеров. Но Н.Н. Ольхин каким-то образом уцелел. Более того, он активно включился в литературную жизнь. Стал членом Всероссийского союза поэтов, окончил литературный институт, стал заниматься журналистикой, публиковаться в «органах» печати. Это-то его и погубило. В 1932 году его арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму. О причинах ареста «общает» дочь Ольхина в поэме «Бунтарь»:

Хочешь жить свободно,
С языком не суйся.
Делай, что угодно,
Только не бунтуйся.

Не послушал вольный
Мудрого совета:
Выступил он в прессе
С песнями поэта.

В конце 1930-х годов Ольхин был выпущен на свободу. В годы Великой Отечественной войны, по словам В.Ф. Ольхина, ездил по военным заводам – очевидно, в качестве агитатора и политработника. Умер от туберкулёза в 1946 году.

Так сложилась судьба бугровского мельника, поэта, бунтаря, на протяжении всей жизни возвращавшегося в мыслях и стихах в пушкинское Михайловское:

Давно Великая река
С иных берегов издалека,
И волн иных, в часы печали
Влекли поэта бедняка
Твои заманчивые дали.

Но труден был к тебе мой путь
И всё не шёл я отдохнуть
Туда, где Он бродил когда-то
Чтоб вдохновенным сном уснуть
В тени Михайловского ската

Свободным сном,
Свободных грёз!

Валентина Филипповна Бутрина (30.06.1956 – 20.08.2011) – старший научный сотрудник Пушкинского Заповедника, член Союза писателей России.

Автор многочисленных публикаций о музейных экспозициях, культурно-образовательных программ, сценариев, музейных уроков, Валентина Бутрина была создателем и активным участником многих творческих проектов, осуществляемых в разные годы музеем-заповедником. Её работы были опубликованы в журналах «Слово», «Мир музея», в сборниках «Михайловская пушкиниана».

Участница многих конференций и чтений, проводимых в Пушкинском Заповеднике, Валентина Филипповна блестяще выступила на последних Февральских чтениях, но подготовить к печати свой доклад не успела из-за тяжёлой болезни. Поэтому текст её выступления публикуется в том виде, как он был прочитан.

Валентина Бутрина

«ВЕСЬ МОНАСТЫРЬ... МОЖЕТ БЫТЬ ВОССТАНОВЛЕН»

О чём рассказали документы научного архива музея

24 апреля 1945 года в Москве проходило заседание Президиума Академии наук СССР. Заседание Президиума постановило:

«1. Признать, что Пушкинский Заповедник, разрушенный и разхищенный немецко-фашистскими захватчиками, что отмечено актами Государственной Чрезвычайной комиссии по выяснению ущерба, причинённого оккупантами, заслуживает, как один из крупнейших культурных, исторических и научных памятников Союза СССР, срочного восстановления.

Разрушенный Святогорский монастырь

2. Направить немедленно в Пушкинский Заповедник комиссию в составе академика А.В. Щусева (председатель), члена-корреспондента Академии наук СССР П.И. Лебедева-Полянского, члена-корреспондента Академии архитектуры СССР Г.Ф. Кузнецова и представителя Академстроя.

Поручить Комиссии определить очерёдность строительных работ по восстановлению Пушкинского Заповедника и представить в Президиум АН СССР заключение и сметные соображения к 15 июля 1945 г.»

И вскоре приказом № 57 по Институту литературы АН СССР от 28 апреля 1945 года директором Пушкинского Заповедника был назначен старший научный сотрудник С.С. Гейченко.

Отправляя Гейченко – тотчас по его назначении – в Михайловское, директор Института литературы Павел Иванович Лебедев-Полянский напутствовал его словами: «Ни я, ни вы не можем себе представить всего того, что ждёт вас в Михайловском. Оно есть, но его ведь нет!.. Главное, с чего вы должны начать дело по возрождению Заповедника, – это фик-

сация того, что осталось в нём на сегодняшний день. Помните, что завтра всего этого уже не будет...»

Ещё на пути из Ленинграда – в Новгородке – вновь назначенный директор встретится с первым секретарем Пушкиногорского райкома Петром Михайловичем Кимановым. Перед приездом комиссии у них состоится долгий разговор. Оба понимали, что поднимать заповедник из руин будут вместе.

В конце мая в Пушкинском Заповеднике работает Комиссия под председательством А.В. Щусева. Результатом двухдневной напряжённой работы стал акт обследования Пушкинского Заповедника от 31 мая 1945 года.

Комиссия провела полное обследование могильного холма, памятника на могиле поэта, обследование Успенского собора.

Обследования монастырских строений и Никольской церкви не проводилось, но отдельным пунктом в акте было указано: «Весь монастырь, состоящий из корпусов, келий и трапезной церкви, сильно пострадал и может быть восстановлен районным исполкомом при условии оказания ему со стороны Академии наук научной и технической помощи».

Члены комиссии по восстановлению Пушкинского Заповедника

Никольская церковь. 1945 год

Академик архитектуры Алексей Викторович Щусев понимал важность восстановления всего Святогорского монастыря как единого историко-архитектурного ансамбля. Тем более значительное «потепление» в отношении государства к Церкви вселяло на это надежду. Но существовала ещё ведомственная принадлежность. И Никольская церковь, и монастырская гостиница, и братский корпус были в ведении не Академии наук, а районного исполкома.

В работе Комиссии принимали участие первый секретарь Пушкиногорского райкома П.М. Киманов и председатель райисполкома Н.М. Гордиенко. Они и взяли на себя ответственность за внесение в акт пункта о возможности восстановления всего монастыря. Немалая заслуга в этом была, думается, самого Щусева.

Тогда ещё предполагалось, что проектом по восстановлению заповедника займётся Москва: «Комиссия полагает, что вышеуказанные работы могут быть исполнены силами Академпроекта Академии наук и силами Академстроя АН».

Алексей Викторович не оставлял своим вниманием заповедник. Ему, автору проектов строго научной реставрации храма Святителя Василия в Овруче XII века, храма-музея Всемилоштивого Спаса в Натальевке, храма-памятника Сергея Радонежского на Куликовом поле, Троицких

Святогорский монастырь. Весна 1946 года

Успенский собор. Весна 1946 года

соборов в Почаевской лавре и в Петербурге, Марфо-Мариинской обители с церковью Св. Марфы и Св. Марии и собором Покрова Богородицы в Москве, было важно восстановить Святогорский монастырь. Но не менее важным для него было возрождение усадебных Михайловского и Тригорского. Ведь темой его дипломного проекта в своё время стала «Барская усадьба»! Гейченко до конца своих дней с особой благодарностью вспоминал великого зодчего, называя его одним из самых главных спасителей Пушкинского Заповедника.

Но территориально Ленинград был предпочтительнее Москвы. Тем более ведомственная принадлежность Пушкинского Заповедника Институту литературы Академии наук СССР «диктовала» приоритет Ленакадемпроекта. Лишь в марте 1946 года в заповеднике была наконец организована стройконтора «Ленакадемстрой».

Становилось ясно, что на восстановление райисполкомом всего монастыря рассчитывать не приходится. Да и государственная политика в отношении восстановления церковных строений вновь изменилась – стала более чем сдержанной. Гордиенко к этому времени в районе уже не было, оставался один Киманов, и то не надолго – уже в июле 1946 он будет переведён на работу в редакцию газеты «Псковская правда».

Решение вопроса берёт на себя Псковский облисполком.

11 мая 1946 обследование церкви Успения, Никольской церкви и служебных монастырских построек возглавляет начальник отдела по делам архитектуры при Псковском облисполкоме А.А. Драги. Обследовав состояние Успенского собора, комиссия пришла к заключению: «Здание церкви находится в настоящее время в угрожающем состоянии и требует немедленного принятия неотложных мер по его консервации». Далее следует целый перечень этих неотложных работ по консервации. И в завершение: «В случае, если срочные меры, указанные в настоящем протоколе, не будут немедленно приняты, здание собора обречено на полное разрушение. Вместе с ним может быть сильно повреждена могила А.С. Пушкина, находящаяся у алтарной абсиды церкви».

Протокол обследования Никольской церкви и служебных монастырских построек оказался гораздо короче – восстановление здания церкви было сочтено нецелесообразным:

«Здание построено в 1844 году (курсив В.Б. – Ред.), не является памятником архитектуры и не входит в исторический ансамбль монастыря.

Церковь Николая Чудотворца в Святогорском монастыре. 1899 год

Находясь в непосредственной близости от могилы А.С. Пушкина, здание это не может быть приспособлено для каких либо посторонних нужд.

Всё вышеуказанное относится и к 2-м другим монастырским постройкам.

На месте зданий, которые должны быть убраны, считаем желательным разбить сквер, который создаёт *необходимое окружение могильного холма* (курсив В.Б. – *Ред.*), мнение о разбивке сквера на месте этих зданий было высказано ещё членами Архитектурной Комиссии под председательством академика Щусева А.В., обследовавшей Заповедник в мае 1945 года».

Архитектурная Комиссия, как помним, пришла к заключению о возможности восстановления *всего монастыря* и включила это отдельным пунктом в акт обследования. Гейченко, подписавший этот акт, возражать не стал. А в этом протоколе он оставил две другие монастырские постройки, одной из которых был братский корпус, – безмянными. Но надежды на то, что Никольскую церковь удастся отстоять, он не оставил – у него был свой план.

1 июня 1946 года было принято ещё одно постановление – на совещании руководящих работников учреждений Академии наук, Псковского

облисполкома и Пушкиногорского райкома. В документе вновь записали: «Признать необходимым разобрать и снять все постройки у подножия собора Святогорского монастыря: нижнюю Никольскую церковь, бывшее здание типографии и др. для создания единого ансамбля монастыря с могилой поэта, отвечающие его историческому виду.

Временно на период строительства использовать монастырские кельи для нужд Стройконторы».

28 июля церковь Успения осматривает компетентная комиссия реставраторов. В её акте сформулированы основные положения подхода к реставрации собора: «Комиссия считает необходимым производить восстановительные работы на основании имеющихся графических материалов, дающих возможность восстановить церковь Успения в том виде, в каком она была во время жизни поэта.

Однако при восстановлении следует предусмотреть восстановление по возможности отдельных частей здания, относящихся к XVI веку в их первоначальном виде».

Думается, что такое решение, благодаря которому при восстановлении собора удалось более выпукло выявить черты первоначального замысла, – во многом заслуга Юрия Павловича Спегальского.

В отношении же Никольской церкви решение по-прежнему было безнадёжным: «Полуразрушенная церковь у подножия холма, на котором построена церковь Успения, должна быть разобрана, так как построена позже пушкинского времени и не представляет художественной ценности».

Спегальский как-то признался: «В своё время я очень страдал от сознания, что гибнут глубоко любимые мною памятники. Я ежеминутно думал о них, чуть ли не о каждом камне. Когда шли дожди, я воображал, как вода впитывается в ничем не защищённую кладку, когда наступали морозы, я чувствовал как они рвут камень и раствор, и не мог спокойно жить». Гейченко тоже не мог жить спокойно...

8 августа, совещание при вице-президенте Академии наук СССР академике И.П. Бардине. В его работе принимает участие и А.В. Щусев. Но вновь: «Сделать планировку парка у подножия холма, с учётом разборки нижних построек, монастырских служебных корпусов и церкви...»

И тогда Гейченко делает свой ход.

Воспользовавшись тем, что на совещании 1 июня среди прочего было принято решение: «Использовать весь строительный материал после разборки для строительно-восстановительных работ по

Заповеднику», он обращается с ходатайством о передаче монастырских построек музею. И 16 сентября 1946 года Пушкиногорский райисполком принимает решение:

«1. Считать разрушенные в период военных действий бывшую Никольскую церковь и бывшее здание типографии подлежащими разборке.

2. Передать указанные разрушенные здания Пушкинскому Заповеднику для последующей разборки Стройконторой на материал для строительного-восстановительных работ».

Получив ещё только копию проекта решения, Гейченко сразу же направляет её в Институт литературы.

Здесь нужно сделать очень важное отступление об исторической и художественной ценности Никольской церкви.

Обратимся к Летописи Святогорского монастыря, составленной игуменом Иоанном, и зададимся вопросом: почему же именно в 1841 году вдруг стало понятно, что прежняя Никольская каменная церковь – маловместительная, низкая и неблаговидная? Церковь такой недавней, 1787 года, постройки, отопливаемая и потому столь нужная монастырю? Та церковь, в исторической ценности которой не могло бы возникнуть теперь никакого сомнения?

История пушкинских мест, которая с тех самых пор, как было предано земле тело *убиенного боярина Александра*, неразрывно связана с историей монастыря и во многом определяет само развитие обители, сохранение её памятников и памяти о ней в годы гонений на Церковь.

Вспомним историю памятника на могиле Пушкина. Итак, в конце 1839 года председатель Опекы над семьёй и имуществом Пушкина граф Г.А. Строганов обращается к государю с просьбой даровать высочайшее дозволение на сооружение памятника на могиле А.С. Пушкина. 1 марта 1840 года Опека заключает договор на его изготовление. И уже 10 декабря 1840 года детали памятника погружены на семь подвод. Памятник весит более 270 пудов, перевозится в виде двух каменных плит и пяти ящиков с мраморными частями.

Сопоставим это с обстоятельствами похорон поэта: «Никакой встречи, никаких церемоний...» А тут вдруг – надгробный мраморный памятник. Изготовлен по высочайшему соизволению. В установке принимает горячее участие сам губернатор. Распоряжается всем губернский архитектор...

И 19 апреля 1841 года настоятель монастыря подаёт прошение Псковскому архиепископу о строительстве *на том же самом месте* но-

вой каменной однопрестольной церкви: «просторнее и благовиднее». В мае получено разрешение, и при заключении контракта на строительство указывается: «Работу начать вдруг же и окончить оную в будущем 1842 году непременно...» Тёплая церковь важна, но благолепие, как видим, важнее.

Освящали Никольский храм дважды: вновь построенный – в 1844 году во имя святителя Николая; возобновлённый окраской, позолотой – 3 октября 1891 года «в память избавления Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича, в бытность Его Наследником Престола, от грозившей Ему 29 апреля 1891 года в г. Отсу, в Японии, опасности».

Может быть, поэтому Никольская церковь подлежала уничтожению? Ведь уничтожению подлежала и сама благодарная, почитающая память о Николае II.

Первая, столь нашумевшая, 1926 года, экспозиция «Крах самодержавия» Семёна Гейченко в соавторстве с его другом Анатолием Шеманским позволила сохранить как Дворец-музей Нижнюю дачу Николая II в Петергофе, где ещё в 1926 году на чёрной доске сохранялась последняя диктовка для детей императора. А в 1929 году и царский поезд из-под Москвы перевозят в Петергоф. Его вагоны стали продолжением экспозиции: «Последний поезд последнего царя».

В следственном деле С.С. Гейченко есть пункт обвинения в антисоветской пропаганде и в восхищении царским режимом: «он неоднократно с восхищением вспоминал царский строй, царскую армию, рассказывал о парадах и полковых праздниках»; часто говорил: «Как жаль, что нет колокольного царского звона и пышного церковного богослужения».

Спасший Нижнюю дачу и царский поезд Гейченко не оставлял надежды, что Никольскую церковь тоже удастся сохранить.

«...Тебе нелегко там дышится, ты одинок и тянешь воз один. <...> Ничего путного у тебя там не выйдет, как ты ни старайся, в лучшем случае неудовольствие начальства. Если бы возле тебя были энтузиасты – то бы другое дело, а их нет у тебя», – писали ему в Михайловское¹. Но рядом с Гейченко – энтузиастами становились. Он находил единомышленников всюду, и прежде всего среди самого начальства, среди

¹ См.: Письма Николая Ильича Архипова Семёну Степановичу Гейченко. Вступ. статья, публик., коммент. Татьяны Гейченко // Михайловская пушкиниана, вып. 51. Сельцо Михайловское, 2010. С. 124–195. *Прим. ред.*

тех, кто занимал высокие руководящие посты, принимал ответственные решения:

«8-го ноября с/г. Пушкинский Заповедник посетил Секретарь ОК ВКП(б) Л.М. Антюфеев. <...>

После экскурсии и доклада приезжим был мною предложен чай, за которым была проведена беседа о ходе строительства в Заповеднике и мероприятиях, необходимых для ускорения его строительства.

В заключение беседы тов. Антюфеев обещал оказать Заповеднику всемерное содействие в ликвидации его хозяйственных нужд...»

И уже с начала января 47 года начнутся лесоразработки в Ново-ржевском районе и заготовка деловой древесины, «предоставленной Псковским Облисполкомом для строительства 1947 года (1700 кв. м)».

В январе музей получил Годовой титульный список на 1947 год – аварийные работы в нём конкретизированы: «Разборка Никольской церкви и др.».

Но когда приступили к разборке, оказалось, что церковь... не разобрать! В 1841 году крестьянин Ярославской губернии Матвей Голубев «прежнюю каменную церковь раскрыл, разобрал всю до грунта земли и очистил место». А в следующем году он выстроил новую так, как и заказывало епархиальное начальство: «с наблюдением прочности». Выстроил на века... Именно на эту вековечную прочность и возлагает теперь свои надежды Гейченко.

Но ответственность за разборку церкви лежала на начальнике Стройконторы. И тот принял решение, для директора музея совершенно неожиданное.

«В двадцатых числах января месяца, – пишет Гейченко заместителю директора Института Литературы Т.И. Шаргородскому, – начальник Стройконторы выехал с годовым отчётом в Ленакадемстрой.

Перед своим отъездом в Ленинград он сообщил мне о своём проекте разборки путём подрывных работ в Святогорском монастыре полуразрушенной каменной Никольской церкви, переданной Заповеднику райисполкомом в 1946 г. на слом.

Ввиду того, что это здание стоит у подножия горы, на которой находится могила А.С. Пушкина, я заявил тов. И.И. Смирнову, что проведение таких подрывных работ может быть разрешено лишь после специального обследования монастыря специалистами и их письменного заключения, которое гарантировало бы сохранность собора и Пушкинского надгробия.

Я указал также на необходимость санкций на эти работы Института Литературы и Архитектурно-экспертного Совета Псковского Облисполкома».

Письменное заключение специалистов позволяло не просто выиграть время. И далее Гейченко продолжает: «1 февраля Пушкинский Заповедник посетил зам. председателя Госплана СССР тов. Дегтярь в сопровождении работников района и области».

Письмо было написано и отправлено тотчас после посещения заповедника Дмитрием Даниловичем Дегтярём. Руководитель Госплана вместе с Гейченко осматривает не только Святогорский монастырь и Михайловское. Осматривает он и строительную площадку Академстроя. И Никольскую церковь здесь было миновать невозможно. Может быть, Дегтярь обещал содействие?..

Докладная записка «О ходе строительно-восстановительных работ в марте месяце 1947 года» составлена в начале апреля. «Разборка Никольской церкви», проходившая 7-м параграфом титульного списка, значится в числе работ, которые не производились.

Никакого обследования монастыря специалистами и их письменного заключения пока нет – и Гейченко спокоен и благодушен. Но

Никольская церковь после подрыва. 1947 год

Ленакадемстрой, как видно, решил обойтись и без обследования, и без письменного заключения, и уже 5 апреля начальником стройконторы Ленакадемстроя И.И. Смирновым подписано соглашение о проведении подрывных работ...

Скорее всего, директор Пушкинского Заповедника об этом узнал уже после того, как прибыла подрывная команда, – его просто поставили перед фактом. И, возможно, даже уже после того, как подрывные работы ранним утром 8 апреля уже были произведены... Тогда, когда составлялся акт «о результате подрыва аммонитом полуразвалившейся коробки и сводов кирпичного здания нижней Никольской церкви у подошвы могильного холма в Святогорском монастыре, произведённого 14-ю последовательными взрывами...», под которым подпись директора Пушкинского Заповедника была необходима.

Думается, именно Гейченко, возглавлявший список «нижеподписавшихся», настоял на включении во все четыре акта формулировки: «Взрывные работы производились согласно распоряжения начальника Стройконторы И.И. Смирнова и его соглашения с подрывной группой в/ч 55518 от 5 апреля 1947 г.».

При обследовании могильного холма, стен и сводов древнего Успенского собора и мраморного надгробия на могиле А.С. Пушкина, обшитого деревянными предохранительными щитами, изменений и повреждений обнаружено не было. Но «часть могильного холма оказалась покрытой кирпичной пылью и мелкими кирпичными осколками. Одно дерево, находящееся за границей каменной ограды, оказалось сломанным вследствие удара выброшенного взрывом большого камня».

Кирпичная пыль и мелкие кирпичные осколки – результат дробящего воздействия аммонита. Аммонит применялся при разработке каменных карьеров, когда требовалось превратить породу в щебенчатую массу...

И только в следующем акте – от 11 апреля 1947 года – «о результатах второго подрыва аммонитом, произведённого 11 апреля в 6 час. 00 мин. девятью последовательными взрывами», – появляется абзац: «При подготовке подрывных работ от дирекции Заповедника присутствовали помощник директора Заповедника Зайцев К.А., старший прораб Стройконторы Ленакадемстроя К.П. Юдин». И на этом тоже настоял Гейченко. Потому что сломанное дерево, стоявшее за каменной оградой, – то, чего так боялся Гейченко. То, что, как он когда-то надеялся, заставит отказаться от взрывных работ.

Сегодня Гейченко ставят в вину его подпись под актом. Но, будучи директором Пушкинского Заповедника, он не мог не подписать документ.

Но ни третий акт о «результате подрыва остатков кирпичного здания нижней Никольской церкви... произведённого 16 апреля в 6 ч. 05 м. 10-ю последовательными взрывами», ни четвёртый – последний – о том, что «сегодня 17 апреля в 6 часов 05 минут шестью последовательными взрывами закончены подрывные работы» – Гейченко не были подписаны... Ведь оно, это «здание, не представляющее исторической и художественной ценности», было для него *церковью с колокольным царским звоном, с пышным церковным богослужением...*

А 17 июля все реставрационные работы по восстановлению Успенского собора были приостановлены. Потому что «16 июля сего года между 3–4 часами дня произошёл обвал части кладки круглой конструкции верхнего яруса колокольни, свисавшей над основанием колокольни... и в результате удара при обвале произошла деформация кладки основного четверика колокольни, появились в нём новые трещины и создалась угроза новых обвалов...».

В 1992 году Святогорский монастырь был передан РПЦ. 29 мая – впервые за всё время существования святой обители – её посетил патриарх – Алексей II.

Восстановление Никольской церкви Гейченко не мог включить в перспективный план реставрационных работ музея-заповедника, как он включил восстановление Георгиевской церкви на городище Воронич, Воскресенской церкви на погосте Воронич. Музей не мог восстановить Никольскую церковь – никаких изображений храма на пушкинское время не сохранилось.

Никольскую церковь может восстановить только Церковь. Такой, какой она стала после того, как на могиле поэта был воздвигнут монументальный памятник – в преддверии грядущего паломничества в Святые Горы.

Паломничества к месту, «под благодатным осенением святынь которого, – писал игумен Иоанн, – нашли себе вечное упокоение в недрах сырой земли бранные останки незабвенного поэта Александра Сергеевича Пушкина».

Наталья Вершинина

**МИХАЙЛОВСКОЕ В МЕМОРИАЛЬНОМ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ
СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА**

(Ф.В. Булгарин, А.Н. Яхонтов, А. Дюма и другие)

Говоря о контексте¹, который формирует образ Михайловского в литературе середины и второй половины XIX века, следует обозначить некоторые закономерности, определяющие содержание и способы выражения этого образа в многообразных художественных и внехудожественных жанрах. Нам представляется, что родовые и жанровые различия в отношении явлений, принадлежащих к *универсально* значимым (а именно к ним относится Михайловское), не столь принципиальны и подлежат квалификации, которую современное литературоведение определяет понятием *метахудожественности*. «Метахудожественность, – пишет Н.К. Гей, – ...позволяет охарактеризовать её как живую жизнь смыслов, живое их бытие, не равное ни научному, ни поэтическому своему эквиваленту». Если исходить из этого положения, то ясно, что Михайловское в своём «онтологическом бытийственном смысле» рождает одинаковые проекции самосознания у разных авторов – независимо от их мировоззрения, уровня таланта и избранного жанра: «метахудожественность в отличие от художественности не выделяет подлинного искусства от неподлинного»².

Вышесказанное позволяет рассматривать привлекаемые нами литературные и нелитературные факты в *совокупности*, подразумевающей преодоление очевидных различий. В этом качестве факты обнаруживают сходные «бытийственные» составляющие: включение Михайловского в

Публикация подготовлена автором в рамках проекта-победителя конкурса проектов в области гуманитарных наук (по соглашению с Российским гуманитарным научным фондом) – № 10-04-2640 а/В «Творчество псковского литератора А.Н. Яхонтова в контексте русской и зарубежной культуры».

¹ Под контекстом мы понимаем «отношения» текста к «внетекстовой реальности – действительности, литературным нормам, традициям, представлениям». *Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике. Гл. 3. Текстовые и внетекстовые структуры. Цит. по: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lotlek/03.php

² *Гей Н.К.* Метахудожественность литературы // Теория литературы : В 4 т. Т. 1. М., 2005. С. 112, 98.

контекст своего времени при обращении к нему авторов по тому или иному поводу; явный или завуалированный личный мотив, соответствующий собственному опыту, преломленному в ракурсе Михайловского; восприятие Михайловского как места, вне которого пушкинский гений (в соизмерении с вечностью, Россией, человечеством) не мог бы реализовать себя, а также и другого качества этого места, не только отстранённого от живого поэта в своей мемориальности, но и предельно сближенного с Пушкиным ощущением его пребывания здесь же, в *этом* времени и пространстве.

Все названные аспекты, взятые в соположении друг с другом, создают уже *своё* Михайловское, составляющее «вторичную» – по отношению к действительности – литературную данность. Авторы – в рамках ли «путевых заметок», художественного ли изображения – пользуются арсеналом литературной образности, поскольку речь идёт уже не о реальности как таковой, а об её духовных и эстетических проекциях: поэт, являясь общим центром концентрических кругов, оказывается принадлежащим одновременно двум мирам – здешнему и непреходящему.

Соответственно, «общим местом» становится включение имени Пушкина в ряд имён, уже вошедших в историю человечества, – физическое приближение к Михайловскому «оживляет» литературный пантеон, что примечательно, неизменный в своём основном составе. То, что подобные риторические обобщения к середине XIX века являются уже данью традиции, обнаруживается при сличении описаний позднейших очеркистов с текстовым сопровождением рисунков И.С. Иванова, литографированных П.А. Александровым и изданных в 1837–1838 годах. Спустя десятилетие в журнале «Иллюстрация» (№№ 9 и 11) Ф.Д. Студитский перепечатал в статье об И.С. Иванове и его «Галерее видов Пскова» эти пояснительные тексты, тем самым введя их в широкий культурный обиход¹. В том же году увидели свет путевые заметки Д.И. Мацкевича², где присутствуют те же повороты мысли и встречается множество совпадений с текстами под литографией И.С. Иванова «Сельцо Михайловское, А.С. Пушкина, состоящее в Опочечком уезде, от Святогорского монастыря в 3-х верстах».

¹ См. об этом: *Левин Н.Ф.* Первый рисунок сельца Михайловского // Михайловская пушкиниана. Вып. 46. Сельцо Михайловское ; Псков, 2008. С. 51–65.

² *Мацкевич Д.И.* Святогорский монастырь и сельцо Михайловское: Путевые заметки // Северная пчела. СПб. 1848. № 249. 5 ноября.

Можно сказать, что, опираясь на текст Иванова как своего рода конспект, Мацкевич добавил в свой очерк расширенный культурный план, привнёс в него подобающий случаю пафос и «расцветил» «заметки» элементами беллетристического стиля. От этого образ Михайловского утратил первоначальную простоту, приблизившись к большинству подобных описаний второй половины века.

Сложившийся литературный облик Михайловского ясно просматривается, если проанализировать оба текста с точки зрения их сходства и различия, способа видения реальности и манеры изложения, принадлежащих представителям разных культурных периодов. В тексте Иванова: «Здесь представлен господский дом помещиков Пушкиных, стоящий одиноко почти в двух верстах от деревни, которая собственно называется Михайловское»¹. У Мацкевича: «Ещё издали представился любопытным взорам нашим домик Пушкина, стоящий одиноко, почти в двух верстах от деревни Михайловской»². В тексте Иванова: «Этот дом должен быть столь же драгоценным для русских, как для англичан дом Шекспира: в нём несколько времени постоянно жил Пушкин и после из Петербурга почти каждую осень приезжал сюда. Много произведений его здесь обдуманно, а ещё больше писано...» У Мацкевича: «В этом домике, столь же драгоценном для русских, как для англичан дом Шекспира, для французов дома Вольтера и Руссо, для немцев Шиллера и Гёте, несколько времени постоянно жил Пушкин...»³. В тексте Иванова: «Деревянный и уже обветшалый одноэтажный дом Пушкина занимает середину между службами, идущими с обеих его сторон. Пушкин выбрал для себя комнату с правой стороны последнюю, в три окна. Перед домом с этой стороны есть небольшой сквер». У Мацкевича: «Наружность деревянного, уже обветшалого дома Пушкина очень проста. От дому тянутся на обе стороны службы. Перед домом, со стороны парка, есть небольшой сквер».

Как и Иванов, Мацкевич перемежает описание своих впечатлений от Михайловского цитатами из поэтических пушкинских текстов, что ещё более усиливает ощущение «литературности» и опосредованности оставленных им заметок. К описанию дома в Михайловском, приведённому выше, Мацкевич делает примечание, отсылающее к литографии

¹ Цит. по: Левин Н.Ф. Первый рисунок сельца Михайловского. С. 54.

² Мацкевич Д.И. Святогорский монастырь и сельцо Михайловское... С. 996.

³ Там же.

Иванова, помещённой в № 9 «Иллюстрации», где была напечатана статья Студитского. Однако на текст, сопровождающий литографию, он нигде не ссылается.

К середине XIX века этот текст, если так можно выразиться, становится общим достоянием, обретает хрестоматийность, как и сама литография, которая неизменно включается в мемориальный и литературно-художественный контексты.

Так, К.К. Случевский в путевом очерке «По Северу России» (1886) в главе «Святогорский монастырь», где в аннотации отмечен эпизод «Ночлег в Михайловском», не считает необходимым заменять уже апробированное временем клише другим способом выражения, а пользуется тем, который находит в трудах А.И. Незеленова. В свою очередь, этот «новейший исследователь», также не отступая от традиции, отождествляет «деревню» с «последней школой», которую «прошёл» Пушкин: это «школа Шекспира, памятников русской истории и народной поэзии»¹.

Обязательное упоминание всемирно известных имён в одном ряду с именем Пушкина вносит в тему Михайловского возможность «европейской» точки зрения на русского гения в проекции на условия его местонахождения и поэтического возмужания. В приписываемом А. Дюма романе «Последний платёж» (1851, дата указана С.С. Гейченко²) приехавшие в Россию в 1838 году Эдмон Дантес (граф Монте-Кристо) и его жена Гайде, посетив Михайловское, а затем могилу Пушкина, оказываются перед вопросом: в какой контекст поместить поэта и его имение, как согласовать всемирность Пушкина с его прикреплённостью к этому уникальному, отграниченному от мира месту? «Всё лучшее, что создано нашим великим другом, – говорит сопровождающий иностранных гостей Гуренин, – было написано либо здесь, либо по воспоминаниям об этих чудесных местах».

Создавая русифицированный облик пушкинского Михайловского, автор романа (Дюма-отец или предполагаемый отечественный имитатор его стиливой манеры³) стремится увидеть «местность» «глазами иностранца». Этим предполагается не только то, что Пушкин по обы-

¹ Случевский К.К. По Северу России. М., 2009. С. 142.

² Гейченко С.С. Об источниках популярности А. Дюма и его романе «Последний платёж» // Пушкинский край. 1990. 20 ноября.

³ См. об этом, например: Буянов М. По следам Дюма. М., 1993; Буянов М. Не принадлежащие А. Дюма произведения и продолжения книг Дюма, созданные не им // Александр Дюма в России: факты, проблемы, суждения. М., 1996.

чаю включён в число обитающих на Парнасе¹: «Палитра Пушкина была необычайно широка. Ему могли позавидовать и Вольтер, и Рабле, но его обняли бы и Вергилий, и Данте!»². Сами места наделяются смыслом, который символичен по отношению к «возросшему» среди них гению Пушкина. Цветистый стиль романа, насыщенный аллегориями и метафорами, становится чрезмерно экспрессивным и гиперболическим, когда автор обращается к мысли, неоднократно уже высказанной до него: «Такая местность не могла не породить человека, подобного Пушкину!» Глядя по сторонам дороги, иностранные гости прозревают недоступный им в своём прямом выражении процесс становления великого человека: «серые, ветхие, крытые соломой избы деревень» вдруг сменяются пейзажем, предшествующим появлению «гения места»: «Долины речек, всё более глубокие, поблескивали и синели ещё не совсем спавшими после весеннего разлива водами, холмы, вздымавшиеся над ними, как бы набухали, росли всё выше, переходя почти что в горы и тем оправдывая те названия, которые всё чаще произносили Гуренин и кучер кареты – опытный, точно знающий всю эту местность бородастый ямщик.

– Тригорское... Михайловское нагорье... Святые Горы... – эти слова то и дело мелькали в их разговоре»³.

«Связь времён» осуществляет не только природа, не только общий культурный фон, но и сама действительность, точнее то, что относится к *недавнему* прошлому, которое ещё памятно и может осязательно отзываться в настоящем. В итоге является новый ряд имен: от Данте намечается переход к Дантесу – однофамильцу героя Дюма, которому тот намерен воздать за совершённое им перед Россией преступление: «Сверхгениальность, сверхзлодеяние... Данте и Дантес...»⁴.

У Случевского в этот ряд входят и те, кто дружески сопровождал Пушкина в «период зрелости» – «из Бессарабии в деревню Михайловскую», кто находился вблизи поэта в этой «деревне». «Но не одно Михайловское, – пишет Случевский, – а также и соседнее с ним Тригорское, с милым семейством Осиповых, посещения Языкова и Дельвига, и эта бесподобная Арина Родионовна, и природа, и народ, всё это вместе взятое, вот что подняло и утвердило дух нашего поэта»⁵.

¹ Аналогом могла служить, например, фреска Рафаэля «Парнас» (1509–1510).

² Дюма А. Последний платёж. Пушкинские Горы, 1991. С. 41.

³ Там же. С. 38–39.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Случевский К.К. По Северу России. С. 141–142.

Применение *современного* контекста во взгляде на Пушкина «с дистанции», установленной автором-очеркистом, по-своему реализует Ф.В. Булгарин в «Путевых заметках на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весной 1835 года». Для Булгарина современный (а также личный) контекст связан с событиями вокруг «Бориса Годунова» (Булгарин читал трагедию в рукописи до её выхода в свет и был обвинён Пушкиным в плагиате после опубликования романа «Димитрий Самозванец»¹). Поэтому, как бы демонстрируя свою объективность и непричастность к случившемуся «недоразумению», Булгарин подчёркивает в «Путевых заметках...» значимость именно этого произведения для всей русской литературы (хотя и не называет его «для избежания всякого спора»). Интересно, что, путешествуя ещё при жизни Пушкина и называя его в своём сочинении «нашим современным поэтом», Булгарин привносит в «пушкинский» эпизод явный налёт мемориальности. Он словно заранее применяет к Пушкину мерки, не совместимые с представлением о человеке пишущем и активно живущем, – Михайловское начинает олицетворять не только великую силу жизни, но и посмертное величие и последний итог.

Стиль булгаринского текста в своём лаконизме был бы уместен в эпитафии: «Псковская Губерния есть родина первого нашего современного поэта, А.С. Пушкина. В Псковской своей деревне он написал лучшее своё произведение, которое переживёт все прочие целыми веками. Мы не называем этого сочинения, для избежания всякого спора. – Пушкиным Псков выплатил России за всё прочее, по части просвещения»².

«Борис Годунов» становится своеобразной меморией, неотделимой от образа «деревни», в сознании очеркистов-путешественников олицетворяемого Михайловским. Именно это произведение, ссылаясь на А.И. Незеленова, выделяет и Случевский: «...в деревне создал он «Бориса Годунова».

¹ См. подробнее: Вершинина Н.Л. «Борис Годунов» А.С. Пушкина и «Димитрий Самозванец» Ф. Булгарина: К проблеме двух концепций литературного процесса в идейно-критическом сознании 1830–1840-х годов // Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики : Материалы Международной конференции : В 2 ч. Ч. 2. Гродно, 1997. С. 48–54.

² Булгарин Ф.В. Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весной 1835 года // Сочинения Фаддея Булгарина : В 3 ч. Ч. 3. СПб., 1836. С. 187.

В отличие от других, Случевский обращает внимание на мемориальную предметность, ему важно отметить, что на данный момент «из вещей Пушкина сохранились: кресло, ятаган, подаренный ему на Кавказе графом Паскевичем, и четыре бильярдные шара». Зафиксирована и особая деталь, замеченная во время обеда у Григория Александровича Пушкина, где поэт находился вместе с Великим Князем Владимиром Александровичем. «...На меню сегодняшнего обеда, – пишет Случевский, – нарисовано было Михайловское времён Пушкина»¹. Речь, возможно, идёт об уменьшенном изображении всё той же литографии Александра с видом Михайловского, которая уже в 1848 году, в «Иллюстрации», была доведена до «журнальных» форматов².

Обострённое сознание мемориальной ценности всего, что окружало поэта, где бы он ни находился, при целомудренной неловкости в выражении непосредственного чувства любви к нему, отличает позицию псковского литератора и общественного деятеля А.Н. Яхонтова (1820–1890), по преданию, ребёнком имевшего случай встретить ссыльного поэта³. Сам Яхонтов уходил от высказывания личных ощущений и воспоминаний, не оставил заметок о пушкинских местах, хотя, даже по роду службы, должен был не однажды бывать в Святых Горах. Пушкин остался, по-видимому, «утаённой» любовью Яхонтова, выпускника девятого курса Царскосельского лицея.

Следует учесть, что по складу личности Яхонтов тяготел к историко-архивному собирательству: его внука, А.Н. Высоцкая-Яхонтова, сообщает, что во время службы в Петербурге (до 1851 года) он был «Директором Лицейского музея»⁴. Среди экспонатов юбилейной выставки в лицее, организованной к 100-летию со дня рождения поэта,

¹ Случевский К.К. По Северу России. С. 142.

² См.: Левин Н.Ф. Первый рисунок Михайловского. С. 61.

³ По семейному преданию, Яхонтов впервые увидел Пушкина ребёнком в своём псковском имении Камно, когда ссыльный поэт посетил его родителей. Как отмечает внучка А.Н. Яхонтова, А.Н. Высоцкая-Яхонтова, «...Пушкин долго гулял с Н.А. Яхонтовым в саду по той самой аллее, дорожка которой сохраняется и по сей день. Потом они сидели... в беседке. К ним подбежал маленький Саша... Пушкин подхватил его на руки и шутливо спросил, кем он хочет быть. Саша ответил «поэтом». И ещё он прочитал удивлённому поэту его, пушкинское стихотворение» (*Высоцкая-Яхонтова А.Н.* Сквозь даль времён // Молодой ленинец. 1964. 16 мая). По другой версии, шестилетний Яхонтов читал Пушкину отрывок из «Евгения Онегина».

⁴ Письмо А.Н. Высоцкой-Яхонтовой Л.А. Творогову от 23 янв. 1965 г. // ПГИАХМЗ. ОР и РК. Ф. 147 (Высоцкая А.Н.). ОФ 16340 (25).

находился «Пригласительный билет на отпевание тела А.С. Пушкина», на обороте которого было написано: «Его превосходительству Николаю Александровичу Яхонтову. От восп. IX курса А.Н. Яхонтова». Здесь же были представлены и три литографии, связанные с пушкинскими местами, одна из них – уже упоминавшаяся литография П.А. Александрова по рисунку И.С. Иванова с изображением сельца Михайловского¹.

Яхонтов уважал источники и в первом же примечании подготовленной им для «народного чтения» книги «Народная война 1812 года» перечислил использованные в ней литературные и исторические материалы². В конце жизни он бережно собрал известные ему факты в мемуарном очерке «Воспоминания царскосельского лицеиста», а также передал в журнал «Русская старина» уникальную рукопись И.А. Второва «Москва и Казань в начале XIX века». Эпиграфом к рукописи Второва были слова: «Приятно вспоминать под старость юны лета»³. Это, очевидно, было созвучно чувствам Яхонтова, начавшего свои «Воспоминания...» фразой: «Особенность стариковской памяти – воспроизводить до мельчайших подробностей обстоятельства и обстановку давно-минувшего времени, сколько-нибудь напечатлевшиеся в уме и воображении»⁴.

Однако этот незаурядный человек, много сделавший для Пскова, отвергал современность, которая окружала жизнь Пушкина во время её действительного протекания и сопровождала память о поэте в условиях либо равнодушия, либо благоразумной осторожности, исходивших от псковских обывателей и десятилетия спустя после гибели поэта. Яхонтов не принимал современный ему Псков, поместив стихотворение с таким названием и пометой «в 1853 г.» в раздел «Сатирические очерки» своего единственного поэтического сборника. Он не включил описание пушкинских мест в книгу, которая являлась своего рода путеводителем и рекомендовалась юношеству Министерством народного просвещения, – «Город Псков и его окрестности» (СПб., 1886).

До некоторой степени уподобляясь Эдмунду Дантесу из «Последнего платежа», Яхонтов, тяжело переживший в свою бытность в Лицее известие о гибели Пушкина: «Живо помню то пылкое, сильное горе, тот

¹ См.: Описание Пушкинского музея императорского Александровского лицея. Сост. воспитанники I класса LV курса С.М. Аснаш и А.Н. Яхонтов. Под ред. зав. Пушкинским музеем И.А. Шляпкина. СПб., 1899. С. 10, 31.

² Народная война 1812 г. Составил А.Н. Яхонтов. СПб., 1901. С. 3.

³ Русская старина. 1891. Т. LXX, апрель. С. 1.

⁴ Яхонтов А.Н. Воспоминания царскосельского лицеиста. 1832–1838 // Русская старина. 1888. Т. LX. № 10.

взрыв негодования против Дантеса, которые овладели нами, восторженными почитателями поэта, родного нам по лицу; мы считали его своим; нам казалось, что лучи его славы отражаются и на нас, отдалённых потомках его!»¹ – своеобразно «отмстил» за поэта своим современникам-землякам, изъяв их из псковского пушкинского контекста. С самого начала он воздвигал Пушкину «памятник» не местного значения.

Отпечаток такой позиции отчётливо виден в «Воспоминаниях царскосельского лицеиста»: «Через несколько дней пришло известие, что тело Пушкина, в сопровождении А.И. Тургенева и других, промчалось на почтовых, не останавливаясь ни днём, ни ночью, по старой, ухабистой большой дороге, по направлению к селу Михайловскому Псковской губернии, как будто при малейшей остановке могла произойти какая-то опасность для государственного спокойствия!» К этому месту Яхонтов сделал характерное примечание, закономерное для умонастроения, владевшего им всю жизнь: «В 1880 году не только представители всей грамотной России, но и массы крестьянского населения собрались в Москву на открытие памятника Пушкину. Пишущий эти строки был депутатом от гг. дворян Псковской губернии и свидетелем небывалого ещё в России торжества чествования памяти великого русского поэта»².

Говоря языком Булгарина, Яхонтов таким образом «выплачивал» от лица общества дань памяти Пушкина, неустанно занимаясь полезным трудом «по части просвещения». Имя Яхонтова значилось в списках «жертвователей» в материалах о сборе средств на открытие памятника поэту, представленных в Пушкинском музее лица. В стихотворении «Памяти Пушкина» (1880), написанном одическим стилем и имеющем подзаголовок «По случаю открытия ему памятника в Москве», Яхонтов полностью снимает тему «мести» (в «Воспоминаниях царскосельского лицеиста» она соотносилась со «Смертью поэта» Лермонтова и готовностью к «уличной манифестации»³). Памятник, воздвигнутый Пушкину, означает для Яхонтова и примирение, и торжество «таинственного и благодатного гения»:

Безмолвно там в земле покоится твой прах,
Где ты в изгнании жил, свой подвиг совершая...⁴

¹ Яхонтов А.Н. Воспоминания царскосельского лицеиста... С. 19.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Стихотворения Александра Яхонтова. СПб., 1884. С. 230.

Таким образом, с онтологической точки зрения, образ Михайловского в послепушкинской литературе XIX века тяготеет к двум противостоящим началам: к беллетризации, иногда безудержной (отдельные места «Путевых заметок...» Мацкевича, роман «Последний платёж») и к предельной сдержанности, имеющей разные, обычно личные обоснования («Путевые заметки...» Ф.В. Булгарина, осознанное «умолчание» Яхонтова, растянувшееся на всю его жизнь). Пушкин сам заложил основы для «особенного угла зрения», который В.Г. Белинский определил как «исключительно поэтический»¹ в отношении изображаемой предметности, и с этой точки зрения Михайловское выступает не только как объект бытописания или описания исторического, но и как полноценный литературный образ, создаваемый на протяжении ряда лет многими совместными усилиями. Михайловское само становится активным творящим фактором и рождает собственные сюжеты, которые, однако, опираются на литературный и человеческий опыт, накопленный рядовыми и знаменитыми авторами, его описавшими, – в частности, и теми, кто сделал это в середине и второй половине XIX века.

¹ Белинский В.Г. Собр. соч. : В 9 т. Т. 6. М., 1981. С. 268.

Игорь Лагунин

ПУШКИНСКИЙ КРАЙ В ПОЧТОВЫХ ОТКРЫТКАХ (1899—1928)

Пушкинская тема и достопримечательности Пушкинского края в Псковской губернии занимают своё особое место в истории российской почтовой открытки. Начальный её период тесно связан с историей будущего музея «Михайловское» и в какой-то мере отражает то общественное движение, которое привело к созданию музея, к идее мемориализации пушкинских мест, памятных для почитателей гения русской литературы. Тут всё символично, всё переплелось. И само появление почтовой открытки в нашем крае (1898 год), и всенародный 100-летний юбилей А.С. Пушкина (1899), и начало почитания и возрождения пушкинских святынь Псковщины, которые стали символом малой и большой родины великого русского поэта. Почтовая открытка не только участвовала в этом бурном процессе и отражала новый интерес к Святогорью. В небольшой степени она сама ему способствовала и формировала изобразительную мифологию памятных мест, которая и стала основой для создания музея-заповедника на всё последующее столетие.

Надо заметить, что к моменту выхода первой (?) почтовой открытки с изображением сельца Михайловского в юбилейный 1899 год, к июньским торжествам, память о поэте в Псковском крае, мягко говоря, не перехлёстывала через край. В том же 1899 году известный псковский краевед И.И. Василёв издал небольшую книжку «Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии», в которой собрал и подробно описал все известные на тот момент местные архивные документы рода Ганнибалов и Пушкиных, свидетельства пребывания поэта на Псковской земле¹. Василёв приводит данные о распространении первой посмертной подписки сочинений А.С. Пушкина по уездам губернии. Весьма ограниченное число экземпляров так и не удалось распространить полностью. Редкие поклонники навещали могилу поэта у стен Святогорского собора. До конца века въедливому краеведу удалось отыскать совсем немного сведений не только о торжествах, но и о самых простых знаках внимания к памяти поэта.

¹ Следы пребывания Александра Сергеевича Пушкина в Псковской губернии. Сост. по неизданным документам И.И. Василёв. СПб., 1899.

Что касается знаменитого, посвящённого памяти поэта альбома Ильи Иванова (1838), известия о котором также добыл И.И. Василёв, то к тому времени он давно превратился в библиографическую редкость и мало кому был доступен (как, впрочем, и ныне). В изобразительном ряду псковского Пушкинского края это забытое издание оставалось в гордом одиночестве. Но именно ему выпала честь открыть галерею видов – символов пребывания А.С. Пушкина на земле Псковской. В конце Пушкинского века носителем этой символики выступила скромная, но самая демократичная и массовая почтовая открытка – «Открытое письмо», или, позднее, «Почтовая карточка», лицевую сторону которой заняли памятные картинки и фотографии. Такое изображение теперь могли получить по почте или приобрести на память многие. Об этом свидетельствует, например, одна из открыток моей коллекции – с портретным изображением поэта. На ней характерные повреждения от кнопок или гвоздиков, которыми открытка была прикреплена к стене – в кабинете, над кроватью, в учебном классе сельской школы. Настоящий символ истинно народного признания!

Характерными и важнейшими чертами почтовой открытки стали не только коммерческая её суть, но и художественная ценность. Издатели стремились поместить на карточке некое документальное свидетельство о достопримечательном месте либо «сочинить» памятное, символическое изображение. Это и сделало простую и доступную почтовую карточку дорогим знаком внимания, памятным сувениром, предметом массового распространения. Популярность открытки делает её всё более универсальной. В XX столетии она отражала уже все сферы жизни, включая историю, политику и бог весть что ещё – от географии до эротики!

Глубоко символично, что в самом начале псковской открыточной пушкинианы стоит скромное и такое дорогое изображение родовой усадьбы поэта из альбома псковского землемера Ильи Иванова. Главное на все времена, подлинное свидетельство места. 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина стало поводом для создания большого числа памятных открыток, получивших по-настоящему широкое распространение.

Среди них особенно ценно для нас нюрнбергское издание 1899 года типографии Гауптмана и Вольфрума с изображением сельца Михайловского. Эта открытка относится к так называемым виньеткам. Цветное изображение, изящно декорированное орнаментами, включает портретное изображение А.С. Пушкина, вид сельца Михайловского по

мотивам памятного альбома, фамильный герб и текст: «Вотъ смиренный домикъ, гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею...» Всё это экономно разместили в верхней, меньшей части поля лицевой стороны, оставляя место для письма. На обратной стороне примерно до 1905 года писали только адреса получателя и отправителя. «Домикъ» – здесь господский дом поэта, действительно, скромный для немецкого издателя (или нового русского). Быть может, отсюда позднее родилось название-легенда «Домик няни», запечатлённое на других открытках.

Всё изображение на открытке рисованное. Оно отличается добротными художественными качествами, выполнено со вкусом и любовью, почти как лубочная картинка, привлекательная для любого, даже неискушённого зрителя. И в этом было главное достоинство открытого письма. Автора изображения или фотографии, если это не был сам фотограф-издатель или известный художник, в открытке указывали не всегда. Нет автора и у нашей открытки.

Любопытная деталь – открытка существует в двух вариантах, с почтовым и чистым оборотом. Очевидно, уже тогда карточка открыточного формата на плотной бумаге или картоне стала служить для сопутствующих, не всегда почтовых целей – для приглашений, поздравлений, подарочных и всевозможных других изданий и самоделок. Можно предположить, что открытка, изданная в Нюрнберге, была заказана специально для псковских праздничных мероприятий и служила одновремен-

но и для почтовых посланий, и для приглашений, которые вкладывали в конверт либо вручали лично вместе с программкой. Изобразительные материалы для издателей, несомненно, были подобраны в России.

Открытке с видом Михайловского вторит чёрно-белая изящная открытка солидного издательства «Фототипия А.И. Вильборгъ, С.П.Б.» с портретом юного Пушкина по рисунку Е. Гейтмана. Эта открытка продолжает и развивает тему родины поэта и места его последнего пристанища. Открытка подписная («С. Волон...»), несомненно художественная. Под условной интерпретацией вида сельца, в которой чувствуется рука мастера, подписано: «Из В.М.» (?). Изящная ветвь с цветами и листьями объединяет всю композицию. Портрет юного Пушкина изящнее оригинала. Чтобы оставить место для письма, открытку развернули в вертикальное положение. Она предвосхищает то высокохудожественное течение, связанное с благотворительным изданием «Въ пользу Общины Святой Евгеніи» («Красный крест»), в котором принимали участие известные русские художники.

Другая виньетка – из юбилейной общерусской серии дешёвых открыток известного издательства «Шереръ, Набольтъ и К° в Москве» примерно того же времени, с теми же изображениями и текстом «Къ столетию дня рождения. 1799–1899, 26 мая. А. Пушкинъ». Она горизонтальная. Во главе, справа – детское портретное изображение поэта. Вид сельца Михайловского по литографии И. Иванова здесь более точ-

но воспроизводит часть литографии с конным изображением поэта на ближнем плане. Это особое почитание псковских пушкинских мест хорошо ощущается и даёт некоторое право причислить к «псковской серии» и другие открытки. Например, открытку с портретом поэта (анонимное издание) или открытку уже упомянутого издания с портретами Пушкина и его жены Натальи Николаевны (урождённой Гончаровой). Последнюю открытку можно считать датированной – она прошла почту в мае 1899 года.

Почтовые миниатюры отражают пафос всенародного чествования памяти поэта. Ещё одна, одиночная чёрно-белая виньетка «Съ праждннкѣмъ Пушкина» (надпись – кармин), посвящённая той же теме, была издана в Моравии. Она включает, наряду с другими, изображения псковских святынь, которые занимают в композиции заглавные места. Подписную (подпись неразборчива) открытку никак нельзя назвать псковской, но она примечательна тем, что отражает признание темы псковских памятных мест как ведущей в пушкиниане. Мы впервые встречаем не только уже известное изображение сельца Михайловского, но и виды Святогорского Успенского монастыря, «гдѣ похоронень Пушкинъ», памятника на могиле поэта. Всё дышит любовью, наивной простотой и нарисовано по мотивам других изданий и изображений. Но именно с этой открытки начинается панорама пушкинских достопамят-

ностей земли Псковской. Перечисленные виды останутся главными на все времена и будут часто повторяться в открыточной пушкиниане.

В юбилейный 1899 год наметились и другие направления псковской пушкинианы: портретное, о котором уже говорилось, более узкое – «художественное». На открытках воспроизводятся известные, малоизвестные и «сочинённые» живописные и рисованные сюжеты на темы, связанные с пребыванием на Псковской земле А.С. Пушкина, а также изображения его семейства и друзей, рисованные виды пушкинских мест¹. Особая ветвь, которая появилась значительно позднее, – изображение меморий и рисунков самого поэта. Так, издательство А.И. Вильборга в 1899 году выпустило интересную открытку с воспроизведением картины Н.Н. Ге «Пушкин в Михайловском» (1875 год), на которой поэт изображён в своём михайловском доме, в своём кабинете вместе с няней и дорогим гостем – И.И. Пущиным. Эта картина известного художника стала основой для восстановления убранства кабинета поэта в михайловском доме. Однако надо учесть, что полотно было создано в то время, когда подлинный кабинет был уже утрачен. Очевидно, что художник работал «по мотивам» кабинета в городском доме, рассказам и сохранившимся мемориям. Едва ли в сельском доме поэта в 1820-е годы мог быть камин, который занимает центральное место на картине. Но этот художественный образ прочно занял место в галерее михайловских видов, был сохранён и после реставрации дома поэта. С этого вида начинается мифологический ряд образов пушкинских мест, обусловленный самой спецификой литературного музея.

Вполне естественно, что вид сопровождается стихотворными строками на приезд друга ссыльного поэта. Изображение следует за пушкинской строкой – одна из главных черт пушкинской серии и в целом экспозиций будущего заповедника.

Открытка 1899 года любопытна своим оборотом, который соперничает с лицевой стороной. На обороте помещены: изображение па-

¹ Позволю себе заметить, что, чем более «авторское» изображение этих мест, чем сильнее выступает стиль художника, тем меньшую документальную ценность такие открытки представляют для нашей пушкинианы. Свидетельства о месте, событии, наконец, о самом Пушкине остаются наиболее ценным содержанием популярного почтового издания. Не каждому профессиональному художнику удастся создать такие образы гения места, которые войдут в галерею памяти Пушкина, тем более – «комплекты» образов. Открытка – весьма серьёзная вещь. Даже наив здесь имеет преимущества, потому что отражает некие общенародные представления, порой неожиданный взгляд на давно знакомое.

мятника музею поэта с текстом «Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой», условная почтовая марка с портретом Пушкина и печатью: «Москва. 1799 V 26 1899». Место для настоящей марки оставлено с правой стороны оборота. На лицевой стороне вертикальной открытки картину и стихи поместили в верхнюю часть, чтобы оставить место для письма. Такую же открытку издательство выпустило не позднее 1904 года в серии «Красный крест». Оборот тоже художественный, с эмблемой общины. В этой открытке проявляется стремление к более рациональному использованию площади почтовой миниатюры (в конечном счёте это привело к вытеснению письма и адреса на оборот, чтобы полностью оставить лицевую сторону для изображений).

До 1904 года выпущена открытка с воспроизведением картины П. Гелера «Пушкинъ съ няней» (издание Т.Д. Яррес и Шмерлинг, Москва). Очевидно, что изображение няниной комнаты в михайловском доме тоже сочинённое. Художник изобразил характерную для эпохи Пушкина мебель, бра, портьеры. На паркетном полу, как и в картине Н.Н. Ге, – ковёр. Однако стол со скатертью домашней работы и стулья завалены книгами, перьями и рукописями, как в рабочей комнате поэта, что «плохо вяжется» с образом девицы (картина Н.Н. Ге с кабинетом значительно более документирована, несмотря на все трудности этой темы, никем не разработанной на то время). Вместе с тем по планировке

нынешнего дома поэта комната вполне соответствует угловой девице. Наверное, картина также была использована при строительстве мемориальной экспозиции.

В начале XX века фотографические виды пушкинских мест почти полностью вытеснили другие святогорские издания. Эстафету подхватили местные издатели и фотографы. Главными остаются виды Святогорья и тема памяти А.С. Пушкина. Это свидетельствует о том, что памятные места после знаменательного юбилея посещают всё больше поклонников великого поэта. Для них, в первую очередь, и предназначаются почтовые открытки с видами Пушкинского края. Посылать открытки с видами мест, где побывал отправитель, хранить их как память о посещении становится обычным делом.

Сказочные виды Святых Гор «с птичьего полета» – с Волостновой горы, Больничной горки и колокольни Святогорского монастыря – принадлежат новоржевскому фотографу Н. Филимонову. Изображения были настолько образны и привлекательны, что переиздавались в тонированном и раскрашенном виде. Особенно хорош вид с Волостновой горы. Фантастический по красоте и замечательно документальный. Бесценный материал для градостроительного анализа поселения (он показывает, насколько ныне запущено озеленение посёлка: поросль скрыла самые привлекательные картины Святых Гор и необыкновенный по

красоте холмистый рельеф местности). Печально, что озеро Тоболенец – природная достопримечательность, давшая название поселению, – перестало играть роль главного украшения посёлка. Даже по этой причине полезно иногда взглянуть на старые открытки...

Позднее, когда мастер-фотограф обращается к пушкинской теме, он создаёт не менее запоминающиеся документальные образы. Мы располагаем двумя открытками магазина братьев Крестиных с парными изображениями видов, выполненных Н. Филимоновым: «Пушкинский уголок» – село Михайловское и «Пушкинский уголок» – село Тригорское. Вид «Аллея – современница поэта» в Михайловском (будущая «Аллея Керн») отличает романтическая выразительность и цельность. «Уголок в лесу» – редкий вид кургана в михайловском парке. «Воспоминание о бане, где жил Пушкин» в Тригорском – ценнейший документ для реставраторов с изображением полуразрушенной подлинной баньки. Другой вид с четверостишием:

«Диван Онегина» и Сороть голубая,
Подруга зеркальных озёр,
Разнообразно между гор
Свои изгибы разстилая.

(Языков)

Одно из первых изображений «Дивана Онегина» – вид с фотографии Н. Филимонова (фрагмент почтовой карточки)

– одним из первых запечатлел тот вид, который вошёл в золотой фонд мифологем Пушкиногорья. Правда, следует отметить, что «Диван Онегина» был поставлен первоначально иначе – так, что в кадр попадали живописные изгибы реки. Деревья были значительно моложе, и выход на самый склон тригорского холма ограничивать не было необходимости.

Иное, особое звучание приобретает фотографический вид «По фот. Н. Филимонова» – «Могила А.С. Пушкина в Святогорском монастыре», отпечатанный на жёлтом картоне. В горизонтальном изображении автор сумел добиться классической точности и ясности композиции и эпического звучания образа пушкинского мемориала.

Значительная часть таких открыток не проходила почту: их приобретали на память.

Небольшое местечко, слобода Тоболенец, не отличалось обилием издательских фирм и магазинов. Издание местных открыток принял на себя магазин братьев Крестиных. Лучшие фотографии поставлял фотомастер Н. Филимонов, имя которого указано на ряде открыток, но не он один. На одной открытке имя указано явно неверно: «По фот.

Н.И. Филиппова». Филимонов – мастер панорамных снимков, на открытке точно повторяется вид Святых Гор с его негатива. Возможно, это указывает на то, что у братьев не было своей типографии, а открытки печатали и переиздавали в других местах, где легко могли ошибиться. Фотограф не был столь претенциозен, чтобы отзываться тираж.

Речь идёт о номерной (№ 4) карточке одной из серий открыток магазина братьев Крестиных с видами пушкинских мест. Эти виды со временем совершенно подавили местные ностальгические издания. Впрочем, и открытки с изображениями Святых Гор были и остаются неотъемлемой частью пушкинианы. На каждой из них обязательно встретишь какую-либо из пушкинских меморий – например, монастырь, где покоится прах поэта или богадельню-читальню в память А.С. Пушкина, «Храм» его славы и даже пожарный сарай со всей дружиной, который также использовался для проведения торжественных пушкинских мероприятий... Трудно назвать вид, который не был бы связан в Святогорье с именем великого поэта. Но вернёмся к номерной серии. Под № 1 в подборке идёт открытка «Пушкинский уголок». Домик А.С. Пушкина в с. Михайловском». На обороте уже упомянутый фотограф «Н.И. Филиппов», чьё имя встретилось нам только в этой серии. Фотографически точно запечатлены бесценные приметы пушкинского Святогорья. Этому же фотографу (случайно? ошибочно?)

приписан филимоновский вид Святых Гор. Похоже, что именно этот, пока неизвестный нам автор запечатлел для нас состояние пушкинских аллей и строений вековой давности – уже потраченных временем, но ещё хранящих подлинные следы пребывания поэта. Название «Домик поэта» «перекочевало» на здание господской бани не случайно. Дом поэта сгорел, и остался единственный свидетель эпохи – подлинная банька, в которой поэт принимал водные процедуры для закалки, а его отец – лечебные. Позднее, в советское время, название плавно преобразовалось в «Домик няни», но это уже другая история.

Под № 7 в этой серии, ценной своей мемориально-тематической направленностью, значится «Липовая аллея – современница поэта» (будущая «Аллея Керн»), замечательная по красоте и состоянию сохранности. Принцип формирования номерной серии в начале XX века существенно отличался от современного «дюжинного» подхода к изданию открыток с видами достопримечательных мест. Номерные серии издавались поштучно, по мере накопления наиболее ценных и выразительных фотографий (при комплектном подходе в серию порой включают слабые, проходные, но обязательные виды). Такие открытки стандартного формата нужно было подбирать постепенно. И что самое важное, разные издания, если не считать повторных популярных видов, постепенно дополняли друг друга, создавая, накапливая галерею документальных

свидетельств памятных мест, где каждый вид ценен и информативен по своему.

Анонимны два ценных в реставрационном плане изображения музейных михайловских мемориальных строений. «Пушкинский уголок» – открытки с таким обозначением следует связать с организацией музея при Колонии литераторов и реставрацией сельца Михайловского. Одна открытка названа «Пушкинский уголок». С. Михайловское. Построенный по плану времён поэта «дом-музей» – очень точное название и первое изображение Дома-музея А.С. Пушкина, к которому мы привыкли. Другой вид: «Домик А.С. Пушкина с чёрного крыльца в с. Михайловском» – редкое изображение тыльной стороны «Домика няни» до первой реставрации. Этот вид хочется отметить особо, как редкий документ. Почтовая открытка была зачастую настолько документальной, что остаётся порой единственным профессиональным свидетельством об архитектуре, событии, времени.

В одном ряду с Филимоновым можно отметить замечательного опочецкого фотографа А.И. Герасимова, который был склонен к камерным, лирическим изображениям природы, красот Опочецкого уезда, но не оставил, к сожалению, значительной серии видов пушкинских мест. Две фотооткрытки Герасимова (?) не подписаны, но имеют характерные авторские названия-надписи чёрными чернилами на лицевой стороне.

«С. Михайловское. Липовая аллея» и «Святогорский монастырь». Одна из них прошла почту 14 июля 1915 года. К этому времени почтовые открытки получают широчайшее распространение и применение: в годы Первой мировой войны страна, особенно западная её часть, пришла в движение, и открытка стала ответственным средством коммуникации. И, как следствие, приобрела широкий круг потребителей и издателей. Отчасти массовость сказалась на качестве видовых открыток, но расширила спектр участников.

К изданиям этого времени относится анонимный «Вид из Святогорского монастыря на Святые ворота». Не исключено, что к ряду изданий причастен сам монастырь. И хотя через ворота виднеется всё та же богадельня-читальня памяти А.С. Пушкина, вид чисто монастырский, с «пушкинской» темой прямо не связанный.

Не прошёл мимо пушкинской темы ещё один знаменитый псковский фотограф-издатель М.И. Герасимов. Опочанин по происхождению, брат уже упоминавшегося А.И. Герасимова, в свою грандиозную фотоэпопею видов псковских достопримечательностей вставил серию снимков, сделанных в Святых Горах. «Монастырь, в котором находится могила А.С. Пушкина» (оригинальный вид на монастырь со стороны Пятницких Святых ворот), «Могила А.С. Пушкина». Работая на выезде, эпизодически (возможно, даже разово), М.И. Герасимов создал запоминающиеся виды, но не смог прочувствовать место и тему так,

как это сделал его новоржевский брат по искусству фотографии Н. Филимонов. Это замечание, впрочем, в полной мере относится и к А.И. Герасимову. Но тем не менее оба художника внесли свой вклад в изобразительную пушкиниану и дополнили галерею оригинальными профессиональными изображениями.

После революции высокая художественная требовательность к простой почтовой открытке была утрачена далеко не сразу. Организация Пушкинского Заповедника и общества его друзей в Ленинграде стала поводом для создания серии классических открыток на высочайшем уровне, не уступающем дореволюционному. Общество друзей Пушкинского Заповедника привлекло к созданию номерной серии профессиональных художников, фотомастера В.М. Фёдорова-Курганова. Издание получилось очень серьёзным. В нём нашлось место портретному изображению поэта, мемориальным видам из альбома И. Иванова, фотографическим видам пушкинских мест, не уступающим филимоновским. Авторы сумели преодолеть недостатки массовой и, как следствие, дешёвой чёрно-белой типографской печати, и составили классическую серию. Но уже на следующей серии «Псковского общества краеведения» новые требования сказались сильнее: дешёвая бумага и печать резко снизили уровень издания (чего, впрочем, нельзя сказать о виде могилы поэта из

«большой» серии издания того же общества). Более губительно сказались впоследствии на качестве открыток массовость, переход к дешёвой цветной печати, формализация и почти обязательная комплектность карточек (для удешевления)...

Но это уже, как говорится, совсем другая история псковской пушкинской открытки.

Нина Цветкова

КОНЦЕПЦИЯ МУЗЕЯ-ЛИЦЕЯ И «ВОСПОМИНАНИЯ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕИСТА» А.Н. ЯХОНТОВА

Знакомство с музеем на его Интернет-сайте начинается с чётко выстроенного рекламного текста, включающего в себя самое главное: «Мемориальный Музей-Лицей, расположенный в г. Пушкине (бывш. Царское Село) в здании Императорского Царскосельского Лицея, привилегированного учебного заведения для детей дворян, основанного Императором Александром I в 1811 году, рассказывает о юности А.С. Пушкина, который воспитывался здесь с 1811 по 1817 гг., о рождении его поэзии и об этом передовом учебном заведении России XIX и начала XX века. Музей воссоздаёт обстановку, в которой жили и учились лицеисты первого, как оказалось самого блистательного, выпуска, впоследствии названного «пушкинским». На основе архивных материалов восстановлены в прежнем виде мемориальные помещения третьего и четвёртого этажей, где в основном проходила жизнь воспитанников»¹.

Рядом с этим кратким представлением музея – информация о последних изменениях в его экспозиции: «В июне 2010 года к 300-летию Царского Села (2010) и 200-летию Лицея (2011) на втором этаже лицейского здания открыта постоянная экспозиция «Живём мы памятью Лицея», представляющая более чем столетнюю историю этого уникального учебного заведения»².

Таким образом, музей позиционирует Лицей как 1) «привилегированное» и «передовое учебное заведение», первый («пушкинский») выпуск которого «оказался самым блистательным», 2) место, где произошло взросление Пушкина и началась его поэзия, 3) место жизни и обучения Пушкина и его товарищей, 4) помещение, где сейчас «открыта постоянная экспозиция «Живём мы памятью Лицея», представляющая более чем столетнюю историю этого уникального учебного заведения».

Публикация подготовлена автором в рамках проекта-победителя конкурса проектов в области гуманитарных наук (по соглашению с Российским гуманитарным научным фондом) – № 10-04-2640 а/В «Творчество псковского литератора А.Н. Яхонтова в контексте русской и зарубежной культуры».

¹ <http://www.museumpushkin.ru/info/liceuminfo.php>

² Там же.

О том, как начинает складываться память об этом объекте культуры, позволяют судить «Воспоминания царскосельского лицеиста» псковского губернского предводителя дворянства и лицеиста 9-го выпуска (1832–1838) Александра Николаевича Яхонтова. Созданные к 50-летию гибели Пушкина, «Воспоминания...» опубликованы в «Русской старине» в 1888 году.

Яхонтовские воспоминания конца XIX века как будто закладывают основы концепции современного Музея-Лицея: в них главной становится тема памяти – личной и исторической. Личная память фиксирует собственное умственное и гражданское взросление: «Мои воспоминания небогаты замечательными фактами. Излагая их, я хотел изобразить жизнь привилегированного, замкнутого воспитательно-учебного заведения 1830-х годов, очертить характеристику лиц, которым было вверено воспитание и обучение юношества, дать понятие о духе и направлении тогдашней учащейся молодёжи. <...> Пусть были мы идеалистами, но самая вера в наши идеалы была уже счастьем, какого не найти теперь среди практической, рано начинающей жить молодёжи»¹. Однако личная память «идеалиста» Яхонтова сублимируется в историческую. Его индивидуальные впечатления проецируются в историческую жизнь лицея, которая обретает две эпохи: «золотой век» и «железный», начинающийся с 1832 года, по словам автора, со времени его пребывания там.

О значении памяти в жизни своей и лицеистов его выпуска Яхонтов пишет так: «В жизни воспитательного заведения *благородное прошлое, внушающее позднейшим поколениям любовь и подражание – великое дело. Оно составляет внутреннюю силу, служит залогом будущих его успехов*, гораздо более, чем все усилия и измышления наших патентованных педагогов» (102, курсив мой. – Н.Ц.).

«Благородное прошлое» для автора «Воспоминаний...» – это деятельность директора Энгельгардта, «особая семейная жизнь» в лицее, «примерное товарищество» (отношения между лицеистами своего курса, между старшим и младшими курсами), «любовь всех лицейских к лицеем и к Царскому Селу как к родному месту», а также любовь к самому знаменитому лицеисту первого выпуска Пушкину, воспоминания о нём воспитателей-старожилов, «роковой день» зимы 1837 года, когда не стало Пушкина. «Благородное прошлое» становится осмысленной современностью, по словам Яхонтова, «на основании преданий» (105).

¹ Русская старина. 1888. № 10 (октябрь). С. 101. Далее цитаты из очерка Яхонтова приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках в тексте.

«Литературная энциклопедия терминов и понятий» даёт такое определение: «Предание – «устная летопись», жанр не сказочной прозы с установкой на историческую достоверность». По тематике различают П.: «исторические, топонимические, этногенетические, о заселении и освоении края, о кладях, этиологические, культурологические. <...> Часто П. подразделяются на исторические и топонимические, однако историческими являются все П. <...> П. свойственна локальная приуроченность к селу, озеру, горе, дому. <...> События концентрируются вокруг исторических деятелей, которые предстают чаще всего в идеальном свете»¹.

А.Н. Яхонтов совмещает в сюжете своего очерка исторические и топонимические предания: речь в очерке идёт и о топонимических приметах Царского Села, и об исторических событиях и обстоятельствах, связанных с разными эпохами жизни Царкосельского лицея. С сожалением он отмечает изменения, происшедшие в лицее ко времени его поступления туда, хотя в этом учебном заведении ещё живёт предание об общей семейной атмосфере прошлых лет: «...прежние лицеисты долее сохраняли простоту нравов и привычек, жили своею особою, семейною жизнью... В среде их выработалась и любовь всех лицейских к лицее и к Царскому Селу, как к родному месту» (103, разрядка автора. – *Н.Ц.*).

Тема памяти в очерке Яхонтова приближает его к тому смыслу, который заключён в святоотеческом предании: «Предание определяется в смысле учения (лат. *sensu strictissimo*), передаваемого от одного поколения другому посредством живого устного слова, позже частично отражённого письменно»². Не случайно автор «Воспоминаний...» признаётся: «Память о директоре лицея, Энгельгардте, чтилась в лицее с каким-то благоговением: предания о нём были живы во всё время, пока лицей оставался в Царском Селе. Не знаю, как теперь. Вообще предания имеют свойство оставаться крепкими земле, на которой они возникли, и что там ни говори, я остаюсь при убеждении, что с перемещением лицея в С.-Петербург он утратил для питомцев своих часть того обаяния, которое составляло его нравственную силу, так сказать, нерв его деятельности» (103).

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2003. Стлб. 794–795.

² Там же.

В понимании А.Н. Яхонтова предание связано с традицией. О таком смысле термина говорил русский философ В.Н. Лосский, считая, что «на самом богословском языке термин этот несколько расплывчат (если иметь в виду употребление его в значении «традиция»)»¹. Лосский, таким образом, отмечает, что в основе культурной памяти присутствует традиция. Эту мысль развивает современный учёный Г.А. Левингтон: «Термин «предание» (П.) (из греч. *paradosis*, «передача», «преподавание», «предание»), в расширительном употреблении близок к термину «традиция» (т. е. приблизительно – «передача учения, знаний из поколения в поколение, как правило, устно»)»².

Самыми важными традициями в лицее были учебные и воспитательные. Основы их были заложены первым директором лицея В.Ф. Малиновским, имеющим духовную связь с А.И. Новиковым и принимавшим личное участие в создании первого лицейского Устава (совместно с М.М. Сперанским). Выражение первого директора: «Общее дело для общей пользы» – стало девизом лицея. «В.Ф. Малиновский создал в лицее атмосферу свободомыслия, которую впоследствии называли «лицейским духом»³.

Второй директор лицея А.Е. Энгельгардт поддержал основные традиции лицейского воспитания. Вслед за первым директором он стремился налаживать и улучшать быт лицея, создавать семейный уют. «Роль Энгельгардта, сумевшего развить в воспитанниках стремление к добру, служению Родине – «для общей пользы», ни в коем случае не следует преуменьшать. Он был человеком большой душевной теплоты, необычайной честности и высокого благородства, отличался глубоким чувством долга перед обществом»⁴. «Энгельгардт внушал своим питомцам: «В исполнении своего долга, в правдивости, прямоте совмещается и широкое понятие о честности человека»»⁵.

В «Воспоминаниях...» А.Н. Яхонтов связывает девиз «для общей пользы» с личностью Энгельгардта и при характеристике современного ему директора лицея генерал-лейтенанта Ф.Г. Гольдгоера не может не

¹ Электр. ресурс: http://azbyka.ru/dictionary/25/losskij_po_obrazu_i_podobiju_08-all.shtml

² <http://www.ruthenia.ru/folklore/levinton4.htm>

³ Руденская С.Д. Царкосельский – Александровский Лицей. 1811–1917. СПб., 1999. С. 48.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Там же. С. 71.

сравнить его с «идеальным начальником, каким был, по преданию, незабвенный Энгельгардт» (110).

Тема наставников – преподавателей, инспекторов, губернёров – одна из главных в яхонтовских «Воспоминаниях...». Самые значительные личности из них – губернёры младшего и старшего отделений, современные первому, пушкинскому выпуску: Ф.П. Калинин и С.Г. Чириков. Первый – «человек старого закала», «в нём, казалось, хранился склад губернёрских принципов всего прошлого времени», «он был патриархально ласков и шутив» (111). Подобно ему, С.Г. Чириков был «благороднейшим и добрейшим человеком, обладавшим замечательным тактом» (117). И, что самое главное, он являлся своего рода хранителем исторической памяти: «он был живою хроникою минувшего лица, и мы осаждали его любопытными расспросами про старину» (117). Оба губернёра, бывшие свидетелями блистательного начала Царскосельского лица, для лицеиста 9-го выпуска – носители предания о начале жизни учебного заведения и о Пушкине (его «шаловливых выходках», «сарказмах и эпиграммах», истории с написанием стихотворения «на закат солнца» и многом другом).

Воспоминания Яхонтова о преподавателях построены в соотношении с идеальным прошлым, в котором были «педагоги», в противоположность современным «начальникам», в связи «с подчинением» лица «военному начальству» (103). Многие из преподавателей получают отнюдь не лестную характеристику. Директор лица Ф.Г. Гольдгоер – «всегда холодный и строгий, он несколько не сблизился с воспитанниками, даже старшаго курса, которые, как и мы, не питали к нему особого расположения, а только боялись его» (110); инспектор А.Ф. Оболенский – «в характере его не было ни прямоты, которая так приковывает к себе молодёжь, ни добродушия, ни благородного образа действий» (111); губернёр А.И. Кох – «человек лет сорока, с холодно-злою, отталкивающей физиономиею, с лысиною во всю голову, капризный и взбалмошный» (111); профессор законоведения Е.В. Врангель – «тип пожилаго, сухопарого немца, к которому можно было применить поговорку: мягко стелет, да жёстко спит» (112). В упомянутых Яхонтовым преподавателях нет того, что сохранило предание о «благородном Энгельгардте», что являли собой любимые губернёры – представители «золотого века» лица.

Но были и такие преподаватели, которые по своему душевному складу «приближались» к ним. Профессор русской истории И.П. Шульгин – «увлекательно излагал историю каждой губернии» (113), профессор

политической экономии И. А. Ивановский – «всё в нём увлекало нас, возбуждало наше внимание: и живая пылкая речь, и интерес содержания лекции, и даже оригинальные модуляции его голоса» (114); профессор немецкой литературы Олива – «старик, но юный сердцем энтузиаст-идеалист, с горячей душой и недюжинным умом. Своим пламенным, воодушевлённым словом он приводил нас в поэтическое настроение. Благодаря ему, я ближе познакомился с Шиллером, Гёте и Лессингом и по его совету начал перевод Эмили Галотти Лессинга» (115).

Некоторые отзывы Яхонтова неоднозначны. Профессор русской литературы П.Е. Георгиевский – «был оригинал, каких мало, но, вместе с тем, превосходный, правдивый и благородный человек, за что мы искренно любили и уважали его, и, однако, уважать его, как профессора... не могли» (114). Георгиевский, «классик старых времён», (114), не принимая современную лицеистам литературу, в Пушкине видел «шалуна-романтика», о Гоголе «не имел никакого понятия» (114). Подобно П.Е. Георгиевскому, профессор французской литературы Жилле был «строгий классик, из эмигрантов, говоривший безукоризненно академическим языком, игнорировавший В. Гюго и вообще всех писателей романтической школы» (115).

Не только наставники, но вся система образования в лицее Яхонтовым определена в соотношении с пушкинской эпохой: подобно лицеистам 1-го, лицеисты 9-го выпуска получают образование разностороннее. Первый хранитель музея-лица М.П. Руденская считает лицейское образование «равным университетскому»¹. Однако в «Воспоминаниях...» Яхонтов отмечает: «научные занятия наши имели вообще характер энциклопедический: нас хотели научить всему, но так как времени на это было мало, то, к сожалению, приходилось хватать вершки, в ущерб основательности знания» (113). Яхонтов почти по-пушкински сетует на «недостатки своего проклятого воспитания».

Как важный этап нравственного взросления он оценивает старший курс лица, итоги которого соизмеряет с преданием: «Жизнь наша в старшем курсе оставила в нас неизгладимые следы: здесь выработывались наши наклонности и характеры, определялось направление, выяснялись идеалы и те принципы, которым следовать мы считали своим долгом, чтоб поддержать честь лица... и опять-таки скажу: *основанием всему хорошему в нас служили лицейские предания*» (115–116, курсив мой. – Н.Ц.). Закономерно, что идеал товарищества и дружбы Яхонтов

¹ См.: Руденская М., Руденская С. Они учились с Пушкиным. Л., 1976. С. 7.

находит в жизни пушкинского выпуска: «...первые впечатления наши в лицее были самые светлые... мы с жадностью слушали рассказы о бывших лицейских временах, о прежних порядках и обычаях, которым мы, в свою очередь, хотели следовать неуклонно» (104). Это касалось, в первую очередь, чувства товарищества и дружбы, зародившегося среди лицеистов первого выпуска, о чём писал Б.В. Томашевский: «Из Лицея Пушкин вынес своеобразный культ дружбы. <...> Шестилетнее пребывание в стенах закрытого учебного заведения сплотило лицеистов в один союз»¹. О том же пишет Ю.М. Лотман: «В Лицее процветал культ дружбы»². В Яхонтовском очерке следование культу дружбы среди воспитанников 9-го выпуска выражено неоднократно и точно: «встречались друг с другом, как братья» (109), «простились по-братски» (124) и так далее.

Истории о проверке на прочность лицейского товарищества посвящены самые драматические страницы очерка Яхонтова. Он вспоминает случай, происшедший перед самым выпуском, когда весь курс восстал из-за того, что их одноклассник де-Бриньи попал в карцер из-за желания отрастить длинные волосы к выпуску. Юношеское единение при неповиновении гувернёру, объявление самого сурового наказания со стороны начальства лицея, благородство де-Бриньи, просившего разделить участь своих наказанных товарищей, умение лицеистов всего курса возвыситься до сострадания в отношении к полковнику Я.Н. Ростовцеву, который в результате случившегося мог лишиться места своей сорокалетней службы, – обо всём этом бывший лицеист рассказывает как о происшествии, нравственная основа которого проверена годами существования лицея, живущего традицией «золотого века».

Эту традицию лицеисты 9-го выпуска хранили из прошлых лет и утверждали на протяжении всего времени обучения. Так, в лицее «железного века» существовали неписанные законы поведения: «Всякая обида, нанесённая товарищу воспитанником другого класса, считалась общео и близко принималась к сердцу одноклассниками» (106). Или: «Если кто-либо заслуживал негодование своего класса каким-нибудь неблагоприятным поступком, роняющим достоинство и репутацию товарищей, его наказывали прекращением всякого общения, не говорили с ним до тех пор, пока он не раскается, не испросит прощения» (106).

¹ Томашевский Б.В. Пушкин : В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 23.

² Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя : пособие для учащихся. Л., 1986. С. 19.

А.Н. Яхонтов и его одноклассники не могли знать истинной причины гибели своего любимого гениального лицеиста первого выпуска, но, подобно ему, они жили по тому же закону чести, который воспитал в них лицей. Об этом Яхонтов определённо напишет: «...поддержание во всех случаях достоинства и чести лицея считалось непременною обязанностью каждого» (106).

Память о Пушкине в очерке Яхонтова передаётся как живое его присутствие в рассказах гувернёров, в интересе лицеистов к современной литературе, в том числе к пушкинскому творчеству, в традиции издания рукописных журналов, каковым стала «Денница», а ещё в страшном известии, дошедшем до лицея в конце января 1837 года. Яхонтов подробно пишет об этом: «Зима 1837 года была горестно-памятной для Царскосельского лицея, как и для всей России: 29 января не стало Пушкина! Для меня, помнящего этот роковой день, впечатление великой утраты и теперь так же сильно и живо, как и в первую минуту. <...> Живо помню то пылкое, сильное горе, тот взрыв негодования против Дантеса, которые овладели нами, восторженными почитателями поэта, родного нам по лицу; мы считали его своим; нам казалось, что лучи его славы отражаются и на нас, отдалённых потомках его!» (118–119). Высокая эмоциональность переживаний молодых людей, которые «не могли освоиться с мыслию, что Пушкина нет в живых» и которые «при... возбужденном состоянии... способны были, пожалуй, на уличную манифестацию» (119), у взрослого Яхонтова сменяется действенным отношением к памяти своего лицейского товарища. В период служения предводителем Псковского губернского дворянства в 1887 году он станет инициатором и учредителем Пушкинского фонда для поддержания земских учителей, в 1880 году – «депутатом от дворян Псковской губернии и свидетелем небывалого ещё в России торжества чествования памяти великаго русского поэта» (119). И в год написания «Воспоминаний...» (1888), когда Яхонтов думает о своих оставшихся в живых 18 товарищах, он мыслит образами и словами Пушкина, вслед за ним повторяя знаменитое двестишестое:

Иных уж нет, а те далёко,
Как Саади некогда сказал...

И хотя память изменяет Яхонтову и он цитирует строки неверно, в верности Лицею и лицейскому преданию он неизменен. Яхонтов в

своих воспоминаниях как будто подтверждает выводы Ю.М. Лотмана: «С точки зрения семиотики, культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т. е. надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т. е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы»¹.

Таким образом, Царскосельский лицей, по мнению Ю.М. Лотмана, становится «пространством культуры», которое может быть определено «как пространство некоторой общей памяти». Если А.Н. Яхонтов в «Воспоминаниях...» соотносит предание с «золотым веком», то есть временем первого пушкинского выпуска, то его непосредственные предшественники – лицеисты 6, 7 и 8-го выпусков в свою очередь тоже говорят о значении предания в их жизни. Так, лучший воспитанник 6-го выпуска Я.К. Грот, бывший свидетелем появления Пушкина в лицее летом 1831 года, в своих глубоких воспоминаниях об этом учебном заведении подчеркнул, что «направлению» его духовного развития способствовали не только наставники, но и «затворническая жизнь лицея... посреди самых преданий заведения, приобретавших особенный блеск от поэтической славы Пушкина»².

«Бытописатель» 7-го выпуска лицея А.А. Харитонов говорит о том же: «Вспоминая наш лицей, я должен сказать... что дух заведения был превосходный: старинные предания поддерживались прежними выпускными, которые приезжали не только из Петербурга, но и из более дальних мест, чтобы навестить нас»³.

Об отношении к лицу воспитанников 9-го (яхонтовского) выпуска, подтверждая слова автора «Воспоминаний...», в письме к пушкинскому «однокашнику» В. Вольховскому писал Е.А. Энгельгардт, тяжело переживавший новые порядки. И хотя Энгельгардт осуждал поведение Оболенского, «низкого фарисея, основывающего всё воспитание на постыдной системе подслушивания за дверьми», и с душевной болью говорил о том, что сердца «бедных молодых людей» остыли, он не мог в то

¹ Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении / Лотман Ю.М. Избранные статьи : В 3 т. Т. 1. Таллин, 1992. С. 200.

² Кобеко Д. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811–1843. СПб., 1911. С. 290–291.

³ Там же. С. 338–339.

же время не заметить, что «в числе выпускаемых встречаются образованные молодые люди, которые не смотря на всё это... сохранили какое-то собственное благородство» и «что это чувство сохранилось по старым преданиям прежнего лицея и вопреки стараний г-на Оболенского»¹.

«Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. И поэтому когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла», – писал Юрий Лотман². Так и в случае с современной концепцией Музея-Лицея города Пушкина: в её основе – культурная память, которой в прошлом жили разные поколения воспитанников этого учебного заведения и его наставники, которая и теперь жива в сердце всех, кто имеет отношение к творчеству и личности А.С. Пушкина.

¹ Цит. по: Кобеко Д. Императорский Царскосельский лицей. С. 349–350.

² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 8.

Светлана Видякина

РИЖАНЕ — К 100-ЛЕТИЮ А.С. ПУШКИНА

Каждому новому поколению читателей А.С. Пушкина кажется, что именно ему и дано до конца понять и оценить наследие поэта, родоначальника новой русской литературы. Проходят годы, и вновь появляются большие и малые открытия, связанные с жизнью и творчеством Пушкина, и как верно и точно звучат вновь пушкинские строки, полные глубочайшего смысла: «Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?» (XI, 55).

Обратимся же к памяти предыдущих поколений, к недавнему прошлому, запечатлённому в рижской периодической печати¹.

Ещё в 1880 году, когда в Москве всенародно отмечали открытие памятника А.С. Пушкину, в первопрестольной звучали стихи латышей о незабвенном русском поэте. Может быть, и наивные – если оценивать технику стихосложения, – поэтические строфы, трогали своим искренним и чистым тоном. Рижские латыши написали это приветствие, адресованное Московскому городскому голове, на русском языке:

«...Просим вас передать задушевный привет от русских рижан нашим старшим братьям-москвичам и всем присутствующим на великом всенародном празднестве:

...Прими, о, славная столица,
Прими младенческий привет
И от латышского народа!..
И он с признательностью детской,
Но искренней, чистосердечной
Пред гением склоняется главой».

Следующим большим и торжественным событием в культурной жизни Прибалтики стал столетний юбилей со дня рождения А.С. Пушкина.

С февраля 1899 года это событие довольно широко освещали в рижской прессе. В русской газете «Рижский Вестник», в рубрике «Городской

¹ Публикация подготовлена по материалам газеты «Рижский Вестник» за 1899 год.

дневник», 12 февраля была опубликована заметка о том, что лифляндский губернатор В.Д. Суровцев направил письмо Рижскому городскому голове Л.В. Керковиусу:

«Милостивый Государь Людвиг Вильгельмович!

Как Вам известно, вся Россия готовится ныне к празднованию исполняющегося 26 мая 1899 года столетия со дня рождения великого поэта А.С. Пушкина. Побуждаемый желанием, чтобы и наш город не отстал от прочих городов империи, я признал целесообразным образовать особое совещание из лиц, могущих по своему положению содействовать достойному празднованию этого достопамятного дня, а потому имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие не отказать в Вашем участии в этом деле...»

Таким образом, В.Д. Суровцев стал главным инициатором Пушкинских празднеств в Риге. После этой встречи в Риге был создан юбилейный комитет под руководством вице-губернатора Лифляндии д. ст. сов. А.Н. Булыгина.

В рубрике «К Пушкинскому празднеству» газета «Рижский Вестник» (№ 41) писала: «Уже сообщалось, что предполагается наименовать одну из рижских улиц Пушкинскою... Нам кажется, что весьма подходящим для этого следует признать Театральный бульвар». Конечно, возникли разногласия, но, перелистывая пожелтевшие страницы «Рижского Вестника», уже в № 115 читаем: «Во вторник 25 мая были прибиты доски с новым наименованием Пушкинского бульвара у части Яковлевской улицы, ведущей от Яковлевской площади к Духовной семинарии». Так в Риге, в центре города, появился Пушкинский бульвар¹.

В том же 1899 году в апрельском номере «Рижского Вестника» было опубликовано оригинальное по форме и содержанию стихотворение К.К. Случевского:

...Что за шум? Откуда всё движенье?
Песни, клики, звон колоколов?
Смерти с жизнью чуть ли не общенье
На исходе десяти веков?..

¹ Пройдёт почти два десятилетия, и в 1923 году Рижское городское управление Пушкинский бульвар переименует в бульвар Кронвальда. Это название сохранится и до наших дней, но именно здесь по инициативе Пушкинского общества Латвии в 2009 году будет установлен памятник к 210-летию со дня рождения А.С. Пушкина (скульптор А. Таратынов).

Оттого, что первым громким словом
Пушкин, вещий сын земли родной,
То сказал, в обличье ярком, новом,
Что народ переживал душой!..

Юбилейным пушкинским комитетом была разработана праздничная программа: торжественный акт в зале русского дома «Улей», дневное представление для воспитанников рижских учебных заведений и вечерний концерт при содействии общества «Баян» в Городском театре, детский праздник с живыми картинками по произведениям Пушкина и народное гулянье в Верманском парке под руководством особой подкомиссии, возглавляемой мировым судьей А.Г. Витте. Далее читаем: «...в городе непременно будут устроены выставки и проведены повсеместные литературные чтения». По случаю столетней годовщины во всех латышских газетах и журналах были помещены биографии с портретами чествуемого поэта. Научная комиссия Рижского латышского общества подготовила юбилейное издание избранных сочинений Пушкина. Поражает, какой подробный отчёт был представлен в газете «Рижский Вестник» о событиях 26 и 27 мая. Вот лишь несколько цитат:

«Празднование в Риге столетия со дня рождения великого поэта земли русской А.С. Пушкина имело размеры и характер русского торжества, небывалого в нашем городе. Прежде празднества такого рода обыкновенно не выходили из пределов русского общественного дома и кружков местного русского общества; нынешнее Пушкинское празднество имело характер всенародного торжества, в котором участвовали не только русские люди, но и другие слои местного населения...»

«Торжественный акт в «Улье» открывался хоровым пением «Славы Пушкину», а затем последовало шествие депутатов, чтение ими приветствий и возложение венков к подножию бюста поэта. Венки были украшены живыми цветами с соответствующими надписями: «Бессмертному Пушкину» и т. д.»

«...Прочитанные представителями немецкого, польского, латышского, эстского и литовского обществ приветствия были встречены публикою с восторженным одобрением, как свидетельство, что для разрозненного рижского населения открывается эра единения на почве «любви к отечеству и народной гордости». Да, Пушкинское торжество было прекрасно и знаменательно именно и той гармонией, в которой слились различные голоса местного общества во славу русского гения».

Газета приводит и торжественную речь, которую произнёс директор Городской Рижской гимназии Н.И. Тихомиров:

«В истории культурной жизни человечества имя Пушкина должно быть поставлено рядом с именами тех немногих гениев, которые составляют славу своего племени, гордость всего человечества. Гомер, Шекспир, Данте, Байрон, Гёте, Шиллер – вот те великие светила мира, от сопоставления с которыми наше русское солнце не утратит ни одного луча из своего яркого ореола. Пушкин является великою мировую культурной силой, и нет на свете народа, на языке которого не читались бы его произведения...»

26 мая в 9 часов вечера в Рижском Латышском обществе, открывая юбилейное торжество, на которое собрались представители всех латышских обществ, пастор Виллис Олафс Плутте произнёс прочувственное слово о значении Пушкина как для русского народа, так и для латышей: «Гении становятся достоянием не только того народа, из которого они произошли, но принадлежат всему человечеству... Судьбы латышей неразрывно связаны с судьбами России и русского народа...»

В этой солнечной полифонии не затерялся голос рижского епископа Филарета II, который одним из первых прокомментировал духовно-поэтический диалог Пушкина и Митрополита Московского Филарета (Дроздова), опубликованный в год столетия поэта в «Рижском Вестнике» 26 мая 1899 года.

Далее на страницах рижской газеты читаем: «Первое детское выступление в парке началось 27 мая в день Вознесения. Начало праздника проходило под звуки марша из произведения «Руслан и Людмила». В парке был установлен бюст А.С. Пушкина. К нему и направилась торжественная процессия. Хор и оркестр исполняли «Боже Царя храни». Торжественное снятие покрывала сопровождалось исполнением торжественной кантаты, во время которой бюст Пушкина украшали лавровым венком, а появившаяся муза держала над ним ветвь мира. Зрелище было трогательное и умильное. Живые картины были поставлены с большим вкусом. Дети встречали их восторженными криками, а когда появилась няня Пушкина, то все закричали: «Здравствуй, няня!» Было много конфет в коробочках фабрики Ригерт, которые раздавали детям».

Известный педагог и публицист В.П. Острогорский выступил с проектом под названием «Пушкинская копейка» (№ 113): «Этот особый сбор, соединённый со священным именем поэта-работорца за просвещение, будет способствовать нравственному и материальному благосостоянию

Отечества, чтобы Господь послал духовного хлеба. Не одной лишь «медною хвалой» должны мы поклониться Пушкину. Мы должны поклониться ему духом и истиною, всем строем нашей духовной жизни...»

Городская управа решает «учредить на имя Пушкина, начиная с августа месяца, десять стипендий в 50 руб. в год каждая, для учащихся в Рижской городской гимназии из числа сыновей несостоятельных обывателей г. Риги любого христианского вероисповедания...».

В № 116: «Русское общество для производства стальных перьев изготовило в честь поэта юбилейное перо с головкой Пушкина».

Из «Рижского Вестника» узнаём, и как проходили юбилейные Пушкинские дни в «ливонских Афинах»¹. На торжественном собрании императорского Юрьевского университета приват-доцент Янис Лаутенбах произнёс речь «Пушкин в латышской литературе». Впервые была дана оценка значения творчества Пушкина для развития национальной латышской литературы.

Празднование столетнего юбилея поэта на высоком уровне прошло по всем городам и весям Прибалтийского края, и только в одной заметке, «Из разговоров» (№ 112), находим не очень лестное упоминание об Анне Керн и Пушкине, но тут же следует достойный ответ: «...Это всё пауки, припутавшиеся к ноге орла и взлетающие с ним под облака».

«Рижский Вестник» за 29 мая: «Широкое освещение Пушкинского юбилея можно рассматривать как исторический факт официального признания Русского поэта, факт развития и утверждения русского просвещения и национального самосознания на нашей окраине».

Интересна публикация «Жетоны в память А.С. Пушкина» (№ 93): «Нам сообщают, что по постановлению Комиссии по устройству Пушкинских торжеств в Риге отчеканены серебряный и бронзовый жетоны, величиною более 50-копеечной серебряной монеты. На лицевой стороне жетона стих – «Душа в заветной лире...». С левой стороны стиха – лира и лавровый венок. Внизу года: 1799–1899. На обратной стороне портрет Пушкина. Жетоны отчеканены очень изящно и стоят: серебряные по 1 р. 50 к., а бронзовые по 30 к. Продаются в книжном магазине Бр. Башмаковых». В настоящее время в коллекции историка рижанина С. Журавлёва есть рижский серебряный образец жетона – квадратной формы с надписью: «А.С. Пушкин 100», а на обороте: «1799. 26. Рига. V. 1899». Такие жетоны были поднесены преосвященнейшему Владыке Агафангелу, благословившему все торжества, губернатору В.Д. Суровцеву, а также всем лицам, принимавшим участие в празднестве своими трудами; а в № 117 читаем, что юбилейные жетоны в память об этих днях будут отправлены сыновьям и дочерям поэта.

¹ Дерпт, ныне Тарту. – *Прим. ред.*

Из объявлений в газете: «Выставка произведений А.С. Пушкина была устроена в витрине книжного магазина г. Киммеля. Здесь собрана масса изданий его сочинений, начиная с 1820 года... Редкие издания магазином не продаются».

В свете того, что в нынешнем, 2011 году музей-заповедник «Михайловское» отмечает 100-летие со дня открытия первого своего музея, процитируем ещё одну заметку – «Памяти Пушкина» – из «Рижского Вестника» № 112. «Нам сообщают, – говорится в ней, – что лифляндским губернским правлением утверждено постановление рижского податного общества об отпуске из средств общества 500 рублей на увековечение памяти А.С. Пушкина, а именно – на выкуп имени Михайловского и сооружения в г. Пскове Пушкинского дома. Постановление податного об-ва состоялось ввиду приглашения псковского губернского предводителя дворянства». Вот так рижане «выкупа-ли» имение сельца Михайловское.

И ещё одна интересная информация – на этот раз о рижских садово-водах. «Рижские садоводы, оказывается, косвенным образом приняли участие в Пушкинских торжествах, бывших в Св. Горах. Стены ограды вокруг помоста у могилы А.С. Пушкина были сплошь уставлены декоративными растениями рижских садоводов. За установку этих растений, за убранство могилы цветами петербургский садовод – вернее, Царскосельский – Ремпен запросил 8 000 руб., один из членов комитета ездил в Ригу и устроил всё за 600 руб., причём, разумеется, все растения остались ещё в полном владении комитета...» И далее: «Или для рижских цветоводов память поэта дороже, чем для их петербургских собратьев, или в самом деле цветы в Риге дешевле, а в Петербурге всё несуразно дорого, а цветы в особенности!..» Будем считать, что память дороже.

«Нынешние Пушкинские празднества в нашем крае, – резюмирует газета, – свидетельствуя о росте здесь русской культурной силы... окажут значительное влияние на развитие и укрепление русских чувств и русского мирозерцания в массе местного населения».

И это перекликается с поэтично выраженной мыслью Н.В. Гоголя: «Поэты наши сделали добро уже тем, что разнесли благозвучие, дотоле небывалое. <...> ...все они, точно разнозвонные колокола или бесчисленные клавиши одного великолепного органа, разнесли благозвучие по русской земле»¹.

¹ Гоголь Н.В. В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. : В 14 т. Т. 8. М. ; Л., 1952. С. 207.

Валерия Бобылёва

РОДОВОЕ ПОМЕСТЬЕ ЛИПХАРТОВ RAADI — ПРЕДШЕСТВЕННИК ЭСТОНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ

Поместье Раади сегодня хорошо известно в городе Тарту. Старое немецкое его наименование – Ратсхоф (Ratshof). Для любого эстонского патриота этот топоним связан с историей его национальной культуры, а точнее – с Эстонским национальным музеем (Eesti Rahva Muuseum), который был основан в 1909 году, а затем, более десяти лет спустя, в 1921 году получил прописку в имении Раади, в месте, связанном с дворянским родом, к которому принадлежит Ефрозиния Ульрика Липхарт, лифляндская бабушка Наталии Николаевны Пушкиной, урождённой Гончаровой.

Правда, Ефрозиния Ульрика Липхарт так никогда и не узнала, что одна из её внучек стала женой великого русского поэта.

Важно отметить, что дворянское гнездо Липхартов в Ратсхофе ещё с XVIII века играло роль музейной сокровищницы Лифляндии. Мне удалось немного приоткрыть страницы биографии Ефрозинии Липхарт и её семейства.

История поместья

Ратсхоф, в силу его значимости для эстонской национальной культуры, неплохо изучен и хронологически описан.

Насколько нам известно, впервые это название упоминается в XVI веке (1558), с епископских времён, в качестве названия городской усадьбы, которая принадлежала Тартускому городскому Совету (Ratu).

Ревизионные документы за 1587 год дают описание усадьбы: «на берегу озера Раади, в котором было изобилие рыбы... и на расстоянии одной мили от здания находился лес, в котором водились медведи»¹.

В течение всего XVII века Лифляндия переходила под власть то поляков, то шведов. Менялись владельцы и у Ратсхофа. Во время Северной войны земли Лифляндии, а в их числе и имение Раади, переходят к Российскому государству. Вначале Раади не имело хозяев. Но в обычаях русских царей было награждать своих подданных земельными владения-

¹ Raadi raamat: pildid süüdinud asjadest. Tartu, 2010. L. 20.

ми, и императрица Екатерина I в 1726 году пожаловала имение президенту Ревизионной коллегии генералу-лейтенанту Ивану Бибикову. Через 25 лет, в 1751 году, сыновья И.И. Бибикова продают Ратсхоф гвардии ротмистру Карлу фон Липхарту. Поместье Ратсхоф становится майоратом этой семьи и остаётся им на протяжении пяти поколений, до 1919 года.

Архитектурно-парковый ансамбль усадьбы вызывал восхищение и выполнял важную историко-культурную роль в Эстонии вплоть до 40-х годов прошлого столетия. А начало ему было положено постройкой мызного дома, упоминание о котором встречаем ещё в документах 1766 года: «Мыза, хоть и деревянная, но хорошо построена». Хозяйские поля и сад обильно плодоносили. Через десять лет здесь был построен господский дом по проекту архитектора Fangret (Фангрё).

Карл фон Липхарт (1719–1792), согласно генеалогическому дереву, является прадедом Наталии Николаевны Гончаровой. Выйдя в отставку, Карл Липхарт успешно занялся хозяйством. Имение Ратсхоф было не единственным его земельным приобретением. Постепенно Карл фон Липхарт становится одним из богатейших помещиков, владеющим более чем 10 тысячами крепостных душ. Главными статьями его дохода были животноводство (производство продуктов) и возгонка спирта. Со своим родственником бароном Фитингофом они держали монополию по всей Прибалтике и имели трактиры по всем дорогам от Дерпта в направлении Петербурга, Пскова, Риги. На краю Петербургской дороги стояла таверна, приносящая хозяину солидный доход.

Однако у успешного бизнесмена Липхарта была одна «беда»: семеро дочерей... Нескольким его сыновей умерли в младенчестве, до взрослых лет дожил только один сын.

Рейнгольд Вильгельм (1750–1829), старший брат Ефрозинии, унаследовал имение от отца в 1776 году. Он получил разностороннее образование, в том числе учился и за границей, где приобрёл вкус к прекрасным образцам искусства и желание обзаводиться такими предметами. Как и отец, Рейнгольд Вильгельм некоторое время служил в русской гвардии, потом вышел в отставку и стал продолжать накопление родового капитала.

Итак, первое художественное собрание в Ратсхофе сформировал именно брат Ефрозинии, Рейнгольд Вильгельм Липхарт. Он же устроил в доме библиотеку, которую потом пополняли его наследники. Доходы Рейнгольда возрастали, он приобретает ещё мызы (у него их 12), владеет уже 15 тысячами крестьян. Он активно занимается политикой: с 1805

года занимает должность ландрата Лифляндии, потом его избирают президентом Лифляндского Экономического Общества (Липхарт добился переноса этого хозяйственно-финансового органа из Риги в Тарту).

«Лифляндский Версаль»

Брат Ефрозинии начал осуществлять перестройку господского дома (с 1783), завершил эти работы уже его сын, Карл Готтхард (1733–1853). К 1840-м годам оформился новый архитектурный облик имения, доминантой которого был представительный дворец по проекту итальянского архитектора Франческо Ботта.

Карл Готтхард придал поместью Ратсхоф статус «Лифляндского Версаля». Дом имел галерею залов, которые были оформлены в стилях различных эпох – для экспозиции художественных произведений. Парк вокруг дворца был разбит в соответствии с ландшафтом: озеро, спуск к озеру, открытые площадки, подстриженные аллеи, газоны...

Усадьба Карла Готтхарда превратилась в культурный центр Дерпта. Не только богатая коллекция живописи в залах особняка вызвала восхищение его гостей: владелец Ратсхофа ценил и музыку и содержал в своём имении на службе струнный квартет, которым руководил Фердинанд Давид (1810–1873), немецкий скрипач и дирижёр, проживавший в Ратсхофе с 1829 по 1835 год. На музыкальных вечерах у Липгарта вместе с Фердинандом Давидом выступали Матвей Виельгорский, Вильгельм Ленц, профессор Дерптского университета Иван Мойер¹ и другие замечательные музыканты – профессионалы и любители. Сам Фердинанд Давид несколько раз выезжал с концертами в Петербург, где имел большой успех².

Карл Готтхард дважды состоял в браке и был удачливым отцом: из 18 детей он лишился лишь троих младенцев, остальным дал превосходное образование и наделил наследством. Показательным является то, что, будучи только помещиком, без всякого титула, многих дочерей Карл Готтхард выдал замуж за баронов, князей и графов. Так, он породнился со знатными эстляндскими и лифляндскими родами: с баронским – Корфов, с княжеским – Ливенов, с графскими – Штакельбергами и Тизенгаузенами.

¹ Иоганн Христиан (Иван Филиппович) Мойер, профессор хирургии, с которым В.А. Жуковский договаривался об операции по поводу «аневризма» у А.С. Пушкина.

² Бобылёва В., Гайнуллин М. Эстонская пушкиниана. Таллин, 1999. С. 241.

Наследники по прямой

Один из сыновей Карла Готтхарда, Карл Эдуард (1808–1891), «унаследовал» и увлечения отца, более того – он стал профессиональным искусствоведом.

Получивший домашнее образование Карл Эдуард посещал лекции профессоров дерптского университета; увлекался математикой, анатомией. Продолжив своё образование в Германии, он заинтересовался историей и архитектурой: стал штудировать искусствоведческую литературу и, отказавшись от карьеры политического деятеля, полностью посвятил себя искусству. Многие годы он провёл за границей, в Италии.

Воспитанный в доме отца на классических образцах античности и эпохи Ренессанса, страстный путешественник и европейски образованный специалист, он являлся знатоком в художественных вопросах и был консультантом ряда музеев Европы в вопросах атрибуции полотен, созданных в эпоху Возрождения. Огромное количество томов и фолиантов хранилось в его библиотеке в Ратсхофе. Позднее, в своём завещании, Карл Эдуард фон Липхарт писал: «Библиотека, эта самая дорогая и почётная память о моём незабвенном дедушке, должна остаться в нераспорченной части семейного имущества как памятник мыслящему человеку, которому я всем обязан»¹.

С Карлом Эдуардом дружил Николай Иванович Пирогов. Он ценил его личные качества и, вспоминая Дерпт и дерптских знакомых, так отзывался о Липхарте: «Я не знал в жизни ни одного человека, имевшего так много разнообразных и при том глубоких сведений, как Карл Липгарт². <...> Во всём прибалтийском крае никто не имел такой огромной и многосторонней библиотеки и такого собрания картин, гравюр, статуй и слепков, как Липгарт. При всём этом ни малейшего педантизма и чрезвычайная скромность... Липгарт был несравненно образованнее и по ёмкости ума гораздо умнее меня и умнее многих учёных, способствовавших ему приобретать многосторонние знания»³.

Хранитель Эрмитажа

Карл Эдуард фон Липхарт, как и его отец, много путешествовал. Этот образовательный метод он выбрал и для своих сыновей. Продолжил славу отца-художника его младший сын, Эрнст.

¹ Цит. по: Веснин С., Веснина Н. Русский художник // Наше наследие. 1999. № 49. С. 5.

² Так – твёрже – произносили фамилию Липхарт в России. – В.Б.

³ Посмертные записки Николая Ивановича Пирогова. Часть II. В Дерптском университете // Русская Старина. 1885. Т. 45. С. 490, 491.

Эрнст Фридрих фон Липхарт (1847–1932), художник и реставратор, известен как специалист по итальянской живописи. В 1893 году он был удостоен звания академика живописи, с 1902-го стал действительным членом Российской Академии художеств. Эрнст Фридрих, которого в России именовали Эрнест Карлович, оставил воспоминания, подлинники которых хранятся у потомков¹ и в архиве Эрмитажа.

На службу в Эрмитаж Эрнест Карлович Липхарт поступил в 1906 году и до 1929 года состоял там в должности консерватора и хранителя картинной галереи. Именно Липхарту обязан Эрмитаж атрибуцией таких шедевров, как «Бегство в Египет» Тициана, «Апостолы Пётр и Павел» Эль Греко, «Мадонна Бенуа» Леонардо да Винчи. Эрнест Карлович сумел убедить царя Николая II приобрести для коллекции Эрмитажа «Мадонну с цветком» («Мадонна Бенуа»), доказав подлинность кисти молодого Леонардо да Винчи². До революции художник Липхарт много работал как портретист.

Эрнест Карлович умер в Ленинграде в январе 1832 года в возрасте 85 лет. Его жизнь связала два века рода Липхартов. Он родился, когда Наталии Николаевне Пушкиной было тридцать пять и она ещё не носила фамилию своего второго мужа – Петра Петровича Ланского. Наталии Николаевне Эрнест Карлович Липхарт приходился племянником – по её троюродному брату Карлу Эдуарду. Конечно, они не могли знать друг друга, но у них был общий предок – Карл фон Липхарт, владелец приобретённого в XVIII веке лифляндского имения Ратсхоф.

Раади, век XX

В годы Первой мировой войны Липхарты эмигрировали в Италию, где у них был зимний дом во Флоренции. Большую часть своих художественных ценностей владельцы вывезли из Эстонии в 16 вагонах.

С 1921 года поместье Раади принадлежало Тартускому университету, а в старой части дворца разместился Эстонский национальный музей. В 1922 году дворец Раади отремонтировали, и 13 мая 1923 года в семи его парадных залах были открыты экспозиции музея. В жёлтом зале разместили отдел античного искусства, в синем кабинете – копии скульптур в стиле ренессанс, в галерее – древнее европейское искус-

¹ В частности, у Н.Н. Весниной (Шестаковой), автора генеалогического описания рода фон Липхарт, публикации о Э.К. фон Липхарте в журнале «Наше наследие» (1999, № 49).

² Банников А. Тернистый путь в Эрмитаж // Памятники Отечества. Альманах альманахов. 1995. № 34 (3–4). С. 161.

ство, в белом зале – искусство Балтики, в красном зале – предметы из фаянса и фарфора, в комнате в стиле рококо представили копии некоторых портретных бюстов Гудона, а под куполом разместили предметы классицистского искусства. В 1926 году во владения Тартуского университета были переданы все помещения поместья Раади – 31 здание. Парк поместья был открыт для горожан как центр отдыха.

В Государственном Историческом архиве города Тарту сохранилась галерея портретов последних обитателей «лифляндского Версаля». На фотографиях разных лет, выполненных в модных ателье, изображён последний владелец Рейнгольд Карл фон Липхарт (1864–1940) – и молодым, и зрелым, и в преклонном возрасте, а также его жена графиня Анна Матильда фон Мантейфель (1870–1954); есть здесь и портрет супругов, сделанный на курорте в Висбадене (?). На снимках запечатлены и Рейнгольд Карл фон Липхарт – отец семейства со своими детьми, и, отдельно, старшие дети. Фотография старшего сына Рейнгольда Фридриха (Ferdinand; род. в 1892; после 1960-х в Америке), сделанная в 1914 году, изображает его в форме курсанта юнкерского училища. Эта фотография имеет некую логическую связь со следующим этапом «биографии» имения – во второй половине XX века у Ратсхофа (Раади) *армейское лицо*: вначале эту территорию предоставляют в распоряжение германских военных сил, потом их место занимает советская авиационная база...

Судьба музея

Эстонский национальный музей в конце 30-х годов XX века был реорганизован и разделён на два музея: Государственный этнографический и Государственный литературный. Перед каждым из них остро стояла задача сохранить свои собрания, защитить их от непредвиденных опасностей: от пожаров, взрывов, – времена наступили тревожные.

...Новые «хозяева» – немцы – были не слишком озабочены тем, как сохранить эстонскую культуру. В усадьбе были размещены два подразделения немецкой армии. В одном из помещений Этнографического музея устроили мастерскую по ремонту пушек. Шла война, территорию Эстонии бомбили, нужно было эвакуировать фонды. В феврале 1944 года директору музея «...был дан приказ в течение трёх дней освободить помещения этнографических выставок для военных подразделений Германии. Собрания музея снесли в подвалы дворца. К выполнению приказа приступили 14 февраля, а 17 февраля в этих помещениях

уже жили немецкие военные. Музей стал военным объектом. <...> В результате воздушной атаки 26 марта пострадал дворец Раади. <...>

К концу августа здание мызы превратилось в руины. Имущество, оставленное под сводами подвалов Раади, было разворочено. <...> Теплившаяся вначале надежда восстановить дворец Раади вскоре угасла. <...> Восстановительные работы так и не были начаты. Дворец Раади и усадьба перешли в распоряжение русской армии. <...>

В период советской власти на территории мызы находился военный аэродром (войсковая часть № 21279). В зданиях мызы, находившихся поблизости, располагался армейский гарнизон. В доме управляющего был штаб, в хозяйственных постройках находились склады, а в западном торце дворца даже склад с ядами¹.

Аэродром в Раади (для моторных самолётов) начали строить ещё в 1912 году. До 1940 года он принимал как военные, так и гражданские самолёты. В 1952–1956 годах была построена посадочная полоса до 2 500 м, через год её удлинили до 3 км.

На аэродроме дислоцировались дальнебомбардировочный и военно-транспортный авиационные полки и два батальона авиационного обслуживания. Штаб дивизии был расквартирован в центре Тарту. Несколько лет, с 1987 до 1991 года, командиром дивизии был генерал Джохар Дудаев², и теперь в Тарту и Риге есть улицы Дудаева.

Полностью Эстонию – в том числе Тарту, Раади – войска покинули в начале 1993 года, оставив после себя «ландшафт выжженной земли»: загрязнённую почву, топливные подземные склады, ржавые бочки, металлический лом, свалки различных химикатов, минеральных масел, красок, аккумуляторов, разбитой мебели...

Возрождение музея

XXI век принесёт поместью XVIII века надежду на возрождение. В настоящее время в Эстонии идёт работа над проектом по возвращению Раади Эстонскому национальному музею.

Ещё в конце 1980-х годов эстонская общественность стала ратовать за восстановление статуса Эстонского национального музея. Государственные проекты предусматривали реставрацию памятников

¹ Raadi raamat... L. 122, 199.

² Впоследствии первый президент самопровозглашённой Чеченской Республики Ичкерия. – *Прим. ред.*

культуры. В этот список был включён и архитектурный ансамбль Раади. У территорий военных частей проходили митинги; поднялись и жители Тарту, и культурная общественность страны. Кстати, Джохар Дудаев «всячески поддерживал восстановление ЭНМ в Раади. Территория усадьбы ещё принадлежала армии, но руководство аэродрома разрешало проводить работы по уборке территории Раади и организовывать субботники по очистке развалин дворца»¹.

По решению исполкома Совета народных депутатов города Тарту от 27 апреля 1989 года усадьба в Раади была возвращена Эстонскому национальному музею. В 1990-х годах возникла мысль построить новое здание для ЭНМ.

Наступили новые времена. В 2005 году стартовал конкурс на лучший проект здания для музея, и в нём приняли участие архитекторы как из Эстонии и Балтии в целом, так и из Европы (всего 108 проектов). В 2006 году был объявлен победитель. Лучшим жюри признало проект международной молодёжной команды в составе: Дан Дорелла (Италия), Лиина Готме (Ливан) и Цуёши Тане (Япония). Проект называется Memory Field – «Поле памяти».

«Согласно видению архитекторов, новый дом ЭНМ представляет собой невысокое здание шириной 70 и длиной 350 метров, являясь визуальным продолжением полосы руления на аэродроме Раади. Кроме лётной полосы, здание интегрировано в ландшафт и через другие элементы, например озеро Раади. Исследователи истории архитектуры и искусства выделили в победившей работе способы, с помощью которых авторы проекта соединили городской пейзаж и ЭНМ, дав тем самым новые возможности осмысления прошлого через пространство»².

Нужно добавить: прошлого – через историю, прошлого – через человеческие судьбы.

И невольно возникает вопрос: будет ли в этом огромном новом комплексе ЭНМ место, где вспомнят о родовых корнях Наталии Николаевны Пушкиной по материнской линии?

¹ Raadi raamat... L. 236.

² Там же. С. 296.

Вадим Старк

КОРРЕКТИВЫ ВНУТРЕННЕЙ ХРОНОЛОГИИ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» В СВЯЗИ С ДЕРЕВЕНСКИМИ ГЛАВАМИ РОМАНА

Со времени создания первого музея в сельце Михайловском в 1911 году и до настоящего времени в экспозициях всех времён, в текстах экскурсий, в литературе, посвящённой времени Михайловской ссылки Пушкина, будь то книги М.И. Семевского или Б.Л. Модзалевского, А.М. Гордина или С.С. Гейченко, – везде непременно отражается во всём многообразии тема «Евгения Онегина». Это и история создания романа, в частности деревенских его глав, и отражение в нём деревенской жизни автора, его тригорских друзей и даже двоюродного деда Пушкина Петра Абрамовича Ганнибала.

Роман начинается с того, что Онегин поскакал в деревню дядюшки. Здесь внучатым племянником отражён образ жизни П.А. Ганнибала. А тригорский дом давно почитали за дом Лариных. Пушкин сам давал к тому основания, когда писал в начале декабря 1824 года Д.М. Княжевичу: «Соседей около меня мало, я знаком только с одним семейством, и то вижу его довольно редко (совершенный Онегин)...¹». Свои собственные привычки Пушкин также дарит своему герою. И кабинет Пушкина в экспозиции дома в Михайловском мы видим как бы глазами Татьяны. Сопоставление реальной жизни поэта и жизни его героев в художественном пространстве романа можно продолжать до бесконечности.

Мы помним, что 27 мая 1826 года Пушкин написал П.А. Вяземскому: «В 4-ой песне Онегина я изобразил свою жизнь» (XIII, 280).

Однако если хронология жизни Пушкина понятна, то в отношении внутренней хронологии романа, в частности описанных в нём эпизодов жизни Онегина, в том числе деревенской, далеко не всё так ясно.

Вопрос о продуманности и расчисленности внутренней хронологии «Евгения Онегина», соотносённости событий в нём был поставлен самим автором в 17-м примечании к «Евгению Онегину» – оно сделано ко второму стиху IV строфы третьей главы романа «Домой летят во весь опор» относительно Онегина и Ленского, возвращающихся от Лариных:

¹ Письмо Княжевичу по: *Пушкин А.С. Письма*. В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1926. С. 102.

«В прежнем издании, вместо *домой летят* было ошибкою напечатано *зимой летят* (что не имело никакого смысла). Критики, того не разобрав, находили анахронизм в следующих строфах. Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю» (VI, 193).

Последнее слово в этом плане сказано Ю.М. Лотманом в его знаменитом «Комментарии» к «Евгению Онегину» в главке, так и названной – «Внутренняя хронология «Евгения Онегина»: «Не придавая этому высказыванию слишком буквального значения, следует всё же подчеркнуть его принципиальную важность: точность соотносённости событий романа с хронологией была сознательно противопоставлена *П* поэтике таких произведений, как «Бахчисарайский фонтан», в которых трудно пытаться приурочить действие (а вероятно и не нужно) даже в пределах столетия»¹. Говоря об исключительно большом значении внутренней хронологии в романе, Лотман замечает, что Пушкин подаёт читателю о ней не назойливые, но весьма определённые сигналы».

Роман писался на протяжении восьми лет, за которые произошли события, должны так или иначе в нём отразиться. Самое главное из них – это восстание 14 декабря 1825 года. X глава – оконченная или нет, сожжённая, зашифрованная для потомков, – явное и главное последствие произошедшего. В основном, печатном, тексте романа даже упоминания о восстании быть не могло. Но совершенно справедливо, что все, кто из исследователей касался Осьмой Главы «Евгения Онегина», не могли избавиться от ощущения, что в ней представлен последекабристский Петербург. Так, Ю.М. Лотман пишет об общей тенденции Пушкина «...к изображению фона седьмой – восьмой глав на основании реальных впечатлений последекабристской эпохи»². Как известно, Пушкин хотел даже вывести в восьмой главе в сцене бала императрицу Александру Фёдоровну под именем Лалла-Рук.

Когда комментируются именно реальные отражения пушкинского времени в романе, то, не найдя совпадений их с внутренней его хронологией, которые должны были иметь место, исследователи относят это на счёт якобы ошибок автора либо объясняют отвлечённостью от конкретики во имя художественного обобщения. Однако когда не один, а несколько таких сюжетов оказываются несопадающими с действительными событиями или не увязываются между собой, то прихо-

¹ *Лотман Ю.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 18.

² Там же. С. 355.

дится утверждать, что или Пушкин действительно ошибался в своих временных расчётах, или комментаторы произвольно его комментировали. Попытаемся в этом разобраться, пользуясь теми «сигналами», которые подаёт Пушкин.

В предисловии к отдельному изданию первой главы сказано: «Первая глава представляет нечто целое. Она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года...» (VI, 638). Это указание – первая, но не единственная опорная точка для внутренней хронологии романа.

Другая группа указаний на время действия и возраст героев – это косвенные указания, которые увязаны с главными. Это такие, как: «Всё украшало кабинет / Философа в осьмнадцать лет» (глава 1, строфа XXIII; VI, 14), «Вот, как убил он восемь лет / Утрата жизни лучший цвет» (4, IX; VI, 66), «...пускай поэт / Дурачится; в осьмнадцать лет / Оно простительно» (6, X; VI, 121), «Дожив без цели, без трудов / До двадцати шести годов» (8, XII; VI, 170), «Так ты женат! не знал я рана! / Давно ли?» – Около двух лет» (8, XVIII; VI, 173).

Есть ещё и бесспорные указания в отношении времён года вроде таяния снегов, сбора ягод, пения соловья, увядания деревьев и других природных явлений, а также несомненных дат церковного календарного цикла, таких как «крещенский вечерок» или «Татьянин день».

Наконец, ряд указаний служит даже не столько внутренней хронологии романа, сколько характеристике его героев. Если, к примеру, поминается, что Ленский мальчиком сидел на коленях Дмитрия Ларина, играя его очаковской медалью, то ясно, что тот был участником знаменитого сражения декабря 1788 года и получил золотой офицерский крест с надписью «За службу и храбрость». А то, что на могиле Ларина обозначен его бригадирский чин, то ясно, что он вышел в отставку до 1800 года, когда Павел I этот чин упразднил.

Этого рода указания никогда не вызывали никаких споров или не вызывали интереса, чего нельзя сказать в отношении тех, которые даны Пушкиным укрытыми и увязанными всего с двумя отправными точками: 1819 год, обозначенный им как год действия первой главы романа, и «тот год», когда «Снег выпал только в январе» – когда состоялась дуэль Онегина с Ленским.

Первый вопрос, которым следует задаться, – когда же родился Онегин? В романе указано только место его рождения:

Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы.

(VI, 6)

Комментируя эти строки, Н.Л. Бродский писал: «В романе разбросаны хронологические указания, которые дают возможность точно определить главные моменты в жизни Евгения Онегина. Онегин родился около 1796 г., «лет шестнадцати окончил курс своих наук» – это было в 1812 г., через 8 лет он бросил свет и летом 1820 г. поселился в деревне. С 1820 г. по весну 1825 г. тянется действие романа»¹.

Бродский задал пагубную для внутренней хронологии романа традицию. И даже Набоков, который комментарии Бродского в лучшем случае определяет как «идиотические», присоединяется к его исчислению года рождения Онегина. И совершенно неожиданно провисает комментарий Набокова, который противоречит этой дате: «На первой неделе мая 1825 г. двадцатипятилетний Евгений Онегин получает от слуги своего дядюшки письмо, в котором сообщается, что старик при смерти (см. XLII). Онегин тотчас выезжает к дяде в имение – к югу от С.-Петербурга»².

То есть Набоков воспринимает поначалу Онегина ровесником Пушкина, но затем, вопреки своему устойчивому противостоянию Н.Л. Бродскому, соглашается с ним в отношении внутренней хронологии романа, начиная с года рождения главного героя.

Все недосказанности главных комментаторов романа к 1980 году разрешил Ю.М. Лотман, выпустив свой «Комментарий». Опираясь на текст Пушкина, он выстраивает вполне последовательную «цепочку» дат. Однако есть в этом построении моменты, которые требуют уточнения.

Когда Н.Л. Бродский сказал, что Онегин родился около 1796 года, то он не обосновал своего утверждения. Это за него объяснил Лотман:

«В «Главе восьмой» сказано, что, когда Онегин после дуэли оставил свою деревню, ему было 26 лет:

Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов...

¹ Бродский Н.Л. «Евгений Онегин». Роман А.С. Пушкина. М., 1964. С. 38.

² Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 103.

Деревню он покинул в феврале – марте 1821 г., следовательно, родился в 1795 г.; Бродский и Бонди приводят 1796 г., считая, что пушкинский текст должен истолковываться как указание на то, что герою *шёл* двадцать шестой год. Текст не даёт оснований для однозначного решения, хотя дата «1795» представляется более обоснованной»¹.

Исходя из этого, выходит, что 18 лет Онегину исполнилось в 1813 году, а следовательно, и «описание светской жизни петербургского молодого человека», данное в первой главе, относится к этому году или, по Бродскому, к 1814 году, что противоречит словам Пушкина, который прямо указывает на 1819 год. Когда Лотман указывает возраст Онегина, то говорит, что он был ровесником К.Ф. Рылеева, Н.И. Лорера, Никиты Муравьёва, братьев Муравьёвых-Апостолов, но не сообщает, где они были в 1813 году. Все они были на театре военных действий. Описание светской жизни Онегина никак не ложится на фон происходившего в тот год в России. Заметим, что и помянутый в первой главе П.П. Каверин, который поджидает Онегина в ресторане Талона, в 1813 году воевал в составе лейб-гвардии Гусарского полка и вернулся с ним в Царское Село только в 1816 году. В этот же год только вышла на сцену и Авдотья Истомина, которая также выведена в первой главе. Наконец, в ней прямо говорится, что Онегину 18 лет. Даже если счесть, что Пушкин мог проигнорировать войну 1812 года, так отделить своего героя от его сверстников, то всё равно текст первой главы не даёт никаких оснований иной датировки происходящего в ней, кроме как 1819 годом.

Лотман правильно пишет, следуя за Пушкиным, что время действия первой главы – зима 1819 – весна 1820 года. И поясняет: «Начальная дата определяется указанием *П* в предисловии к отдельному изданию главы, конечная – указанием на то, что встреча героя и автора произошла в Петербурге в 1820 г., в период «белых ночей»,

Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою»².

Таким образом, происходящее в первой главе привязывается к биографии Пушкина. Он выслан из Петербурга 6 мая 1820 года, но белые ночи ещё не наступили, они наступают не в мае, а в июне. Лотман усматривает в тексте Пушкина и указание на время отъезда Онегина в деревню:

¹ Лотман Ю. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С. 18.

² Там же. С. 20.

ню: «В строфах *L* и *LI* содержится намёк на то, что отъезд героя в деревню был по времени близок к насильственному удалению *П* из Петербурга»¹. Имеются в виду, прежде всего, следующие строки:

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.

(VI, 26)

Если не опираться на намёки и не сводить внутреннюю хронологию романа с фактами биографии Пушкина, то из этих строк нельзя извлечь указания на год отъезда Онегина в деревню. Напротив, из содержания первой главы можно сделать очевидный вывод, что между временем описания одного дня петербургской жизни Онегина и его отъездом прошли годы.

Если ему в 1819 году 18 лет, как это сказано Пушкиным, то он ещё не мог разочароваться в свете. По смыслу, выраженному Пушкиным, должно пройти ещё несколько лет, прежде чем Онегин отправится в деревню. Если он 16 лет вышел в свет, то впереди, по Пушкину, у него ещё шесть лет, следовательно, в деревню он уезжает в 1824 году. Откуда же взялся 1820-й год как год отъезда Онегина? Лотман обосновывает это, якобы опираясь на Пушкина: «Отсчитывая время от зимы 1819 – весны 1820 гг. (времени действия первой главы), *П* пишет:

Вот, как убил он восемь лет,
Утрата жизни лучший цвет»².

Но так отсчитывает вовсе не Пушкин, а все его комментаторы, которые понимают, что не восемнадцатилетний Онегин покидает Петербург, а потому называют годом его рождения 1795-й или 1796-й. По этому расчёту Онегин оставляет Петербург 24–25 лет. Разница между расчётом Пушкина и комментаторов, притом, что и он, и они отсчитывают «восемь лет» от года шестнадцатилетия Онегина, состоит в том, что он считает с 1816 года (когда по его расчёту Евгению исполнилось 16 лет), а они от 1812 года. В результате у комментаторов получается 1820-й год, а у Пушкина – 1824-й.

¹ Там же. С. 20–21.

² Там же. С. 19.

Есть ли в романе другое, такое же несомненное указание на время действия, как зима 1819-го на 1820 год по отношению в первой главе? Такая вторая опорная точка для внутренней хронологии романа находится в I строфе пятой главы:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь.
(VI, 97)

Протяжённое лето того года, когда в деревню прибыл Онегин, лето, затянувшееся до ноября, Пушкин описал ещё в четвёртой главе романа, что отметил В.В. Набоков в комментарии к стиху «Снег выпал только в январе»: «Заметим, что в предыдущей, четвёртой главе (строфа XL) лето чудесным образом завершается в ноябре, что расходится с постулированной краткостью северного лета (гл. 4, XL, 3), поскольку осенняя погода в тех краях, где было поместье Лариных, устанавливалась не позднее последних чисел августа (по старому стилю, разумеется). Запоздалый приход и осени, и зимы в «1820» г. не очень-то чётко означен в четвёртой главе, хотя на самом деле конец этой главы (строфы XL–L) покрывает тот же временной промежуток (с ноября по начало января), что и строфы I–II гл. 5. Пушкинский «1820-й» отличается от реального 1820 г., который на северо-западе России был отмечен чрезвычайно ранним снегопадом (в Петербургской губернии – 28 сентября, судя по письму Карамзина Дмитриеву)»¹.

Ю.М. Лотман в своём «Комментарии» вслед Набокову высказывает идентичные соображения, но расширенные за счёт цитат: «Реальная погода осенью 1820 – зимой 1821 гг. не совпадала с пушкинским описанием: снег выпал исключительно рано, 28 сентября 1820 г. Карамзин писал Дмитриеву из Царского Села: «Выпал снег» (Письма Карамзина... с. 294). Правда, снег лежал недолго; 14 октября 1820 г. Н.И. Тургенев сообщал брату Сергею в Константинополь из Петербурга: «Мы живём между дождём и грязью, в физическом и нравственном смысле» (Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.; Л., 1936,

¹ Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 395.

с. 316). Данное обстоятельство имеет значение, поскольку слова II в примечании к тексту *EO*: «Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю» (VI, 193) – толкуются иногда слишком прямолинейно: любые реалии, входя в текст романа, получают значение художественных деталей»¹.

Однако в тексте романа нет никаких указаний на то, что Онегин покинул деревню в феврале – марте 1821 года. Напротив, в тексте романа содержатся ясные указания на 1824–1825 год, когда, как сказано и в четвёртой, и в пятой главах романа, была поздняя зима. Так оно и было в 1824–1825 годах. Для современников Пушкина этот год был памятен, так что у них не возникало вопроса, к какому году относится действие деревенских глав «Евгения Онегина». Следующая такая поздняя зима случилась только в 2006-м на 2007 год, и тогда метеорологи вспомнили о зиме 1824–1825 годов. В пушкинском Петербурге эта ситуация с затянувшейся осенью разрешилась знаменитым наводнением 7 ноября 1824 года, позднее отражённым Пушкиным в поэме «Медный всадник». 2 октября 1824 года была закончена третья глава и началась работа над четвёртой. В канун нового года, 31 декабря 1824 года, была сделана помета под черновиком XXIII строфы четвёртой главы. Работа над ней будет продолжена в 1825 году.

4 декабря 1824 года Пушкин в письме брату и сестре заканчивает приписку к Ольге словами: «Сижу дома да жду зимы» (XIII, 127). Дождался Пушкин зимы в ночь со 2 на 3 января 1825 года, что и нашло отражение в знаменитых строках начала пятой главы романа, начатой ровно через год, 4 января 1826 года. Конечно же, Пушкин не мог забыть той зимы. Следует вспомнить и то, что в канун Татьянина дня, 11 января 1825 года, к Пушкину в Михайловское на рассвете приехал Иван Иванович Пущин. К этому времени выпавший поздний снег занёс всю усадьбу. Пущин вспоминал: «Кони несут среди сугробов, опасности нет: в сторону не бросятся, всё лес и снег им по брюхо, править не нужно. Скачем опять в гору извилюстою тропой; вдруг крутой поворот, и как будто неожиданно вломились с маху в притворенные ворота, при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора»².

¹ Лотман Ю. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С. 258.

² Пущин И.И. Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 92.

Пушкин даже пригласил Пущина посетить тригорских соседей, но тот отговорился тем, что не успеет «и на него наглядеться». Он не мог и пушкинскую усадьбу обозреть, заметив: «Я не мог познакомиться с местностью Михайловского, так живо им воспетой: она была тогда закутана снегом»¹. Такая же картина открылась и Татьяне:

В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стёклах лёгкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок весёлых на дворе
И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
(VI, 96)

Поздно начавшаяся зима задержала в 1825 году и наступление весны. Знакомая Пушкина Е.А. Сабанеева вспоминала: «Пасха была в этот год в снегу, т. е. стоял ещё санный путь, что нередко в Москве. <...> Весна медлила в этот год вступить в свои права»².

Если отсчёт возраста Онегина вести не от 1821 года, как это произвольно делают все комментаторы, начиная с Н.Л. Бродского, а от 1825-го, на который прямо указано в романе, то тогда он действительно оказывается ровесником Пушкина, то есть рождённым в 1799 или в 1800 году. Тогда учение Онегин заканчивает в 1815–1816 годах, что более логично, ибо становится понятным, как могло случиться, что его не коснулась война 1812 года. Тогда восемь лет его светской жизни заканчиваются в 1824 году, что также более логично: не в 18 лет, а в 24 года он разочаровался в свете и, получив известие от дяди, отправляется в деревню, куда прибывает летом 1824 года.

В связи со сделанными наблюдениями передатировке с поправкой на четыре года в романе подлежат и все последовавшие за этим события. Должны быть внесены и соответствующие коррективы в отношении не возраста других героев романа, но времени их появления на свет. Татьяна, следовательно, родилась не в 1803, а в 1807 году. На её семнад-

¹ Пущин И.И. Записки о Пушкине. С. 96.

² Сабанеева Е.А. Воспоминание о былом. Из семейной хроники. 1770–1838. СПб., 1914. Цит. по: http://az.lib.ru/s/sabaneewa_e_a/text_0010.shtml

цатилетний возраст в год приезда Онегина в деревню указал Пушкин в письме П.А. Вяземскому 29 ноября 1824 года, возражая на его замечания по поводу якобы противоречий в её письме к Онегину: это «...письмо женщины, к тому же 17 летней, и к тому же влюблённой!» (XIII, 125). Так что в 1824 году Татьяне как раз и было 17 лет. А Ленский, которому по роману в год его приезда в деревню 18 лет, родился не в 1802-м, а в 1806-м и учился в Германии не с 1817 года, а с 1821-го.

12 января 1825 года – Татьянин день, 14 января, через два дня, – дуэль Онегина с Ленским. В 1825 году начинается путешествие Онегина (однако число – 3 июня – извлекается только из черновиков). Указание Ю.М. Лотмана на то, что пребывание Онегина в Крыму относится к августу – сентябрю 1821 года, опирается также на текст из черновиков. Но ведь эти стихи из черновиков «Путешествия Онегина» не вошли в «Отрывки», опубликованные поэтом, а значит, на них основывать внутренние датировки романа не корректно. Точно так же нельзя говорить и о встрече Онегина и автора в Одессе, так как рассказ о ней мы опять же извлекаем только из черновиков.

Итак, Татьяна оказывается в Москве в январе – феврале 1826 года, замужество её состоялось, вероятно, осенью 1826 года. Онегин в это время путешествует, так что «за скобками» оказываются события 14 декабря. Снова они встречаются через два года в Петербурге осенью не 1824-го, а 1828 года на светском рауте. Пушкин акцентирует внимание на слове раут, дав к нему даже примечание, которое окажется последним: «Rout, вечернее собрание без танцев, собственно значит толпа» (VI, 195). Следовательно, действие происходит во время Рождественского поста, когда балов не давали.

Есть в этой сцене одна деталь, которая определённо говорит о том, что встреча Онегина с Татьяной в Петербурге не могла состояться в 1824 году. Это присутствие на рауте, описанном в восьмой главе, испанского посла, которого в тот год там быть не могло. По поводу стихов XVII строфы восьмой главы «Кто там в малиновом берете / С послом испанским говорит?» Лотман пишет: «В 1824 г., когда происходит встреча Онегина и Татьяны в Петербурге, Россия не поддерживала дипломатических отношений с Испанией, прерванных во время испанской революции. Испанский посол Хуан Мигуэль Паэс де ла Кадена появился в Петербурге в 1825 г.»¹.

¹ Лотман Ю. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С. 355.

В связи с этим комментарием следует заметить, что в романе действуют всего три реальных лица пушкинской поры, которые вступают в непосредственный контакт с вымышленными героями. Это, в первую очередь, приятель Пушкина П.П. Каверин: «К Talon помчался: он уверен, / Что там уж ждёт его Каверин» – в первой главе романа. И, во-вторых, друг Пушкина в седьмой главе: «К ней как-то Вяземский подсел». Эти два лица, введённые Пушкиным в роман, жившие в обозначенную эпоху и в Петербурге, и в Москве, придают высокий уровень реальности главным героям романа – Онегину и Татьяне. Наконец, третье лицо, которое у Пушкина вступает в контакт с Татьяной, – это «посол испанский». Но, как оказалось, в 1824 году его ещё не было в России, что и отметил Лотман, но не придал этому никакого значения, посчитав за ошибку автора.

К 1824 году относит Лотман действие восьмой главы. При том, что он замечает: «князь N даёт не бал, а вечер»¹, в статье «Бал» комментатор пишет: «С полонезом можно связать, вероятно, лишь не включённую в окончательный текст строфу, вводящую в сцену петербургского бала в восьмой главе великую княгиню Александру Фёдоровну (будущую императрицу), которую П именует Лаллой-Рук по маскарадному костюму героини поэмы Т. Мура, который она надела во время маскарада в Берлине»².

И в зале яркой и богатой
 Когда в умолкший тесный круг
 Подобно лилии крылатой
 Колебясь входит Лалла-Рук
 И над поникшею толпою
 Сияет царственной главою
 И тихо вьётся и скользит
 Звезда-Харита меж Харит
 И взор смешенных поколений
 Стремится ревностью горя
 То на неё, то на царя –
 Для них без глаз один Евг<ений>
 Одной Татьяной поражён;
 Одну Т<атьяну> видит он
 (VI, 637)

¹ Лотман Ю. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С. 355.

² Там же. С. 83.

Тут же Лотман поясняет, полемизируя с Г.А. Гуковским, относившим действие восьмой главы к 1825 году, а потому видевшим явный анахронизм в присутствии на балу императрицы: «Однако в данном случае комментатор ошибся: Александра Фёдоровна присутствует на балу в восьмой главе не как императрица (ею она сделалась лишь в декабре 1825 г.), а как великая княгиня. Соответственно, упомянутый в стихах царь не Николай I, а Александр I, который часто бывал партнёром Александры Фёдоровны в танцах», и продолжает: «Упомянутый в строфе бал, вероятно приходится на позднюю осень 1824 г., а не на 1825 г., как полагает Гуковский: зимой влюблённый Онегин сидел, «как сурок» (VIII, XXXIX, 7) дома, а 4 апреля 1825 г. Александр I покинул Петербург, отправившись в Варшаву, и на столичных балах уже больше не бывал»¹.

«Косвенным подтверждением того, что «царь» в данном случае Александр, а не Николай, является следующее соображение: из текста видно, что «Лалла-Рук» скользит в паре с царём. Возможность того, чтобы император танцевал, открывая бал, со своей женой, абсолютно исключается, как противоречащая этикету»². Замечание совершенно справедливое: император в данном случае должен был бы танцевать с хозяйкой дома, то есть с Татьяной. Но князь N, её супруг, даёт не бал, а вечер. Никаких признаков того, что в процитированной строфе речь идет о бале, также нет: императрица скользит по зале, но не в паре с царём. К тому же поминание «царственной главы» может быть отнесено только к императрице.

Если действие восьмой главы происходит в 1828 году, то никаких анахронизмов не наблюдается и Пушкин ни в чём здесь не ошибся.

В романе Пушкиным, кажется только в одном месте, допущена ошибка, но сразу оговоримся, что в черновиках, так что, как это не однажды бывало, он мог её исправить, если бы включил это место в окончательный текст. Речь идёт о строфе из черновиков «Путешествия Онегина»:

Проснулся раз он патриотом
 В Hôtel de Londres что на Морской
 (см.: VI, 495)

¹ Там же. С. 84.

² Там же.

Тут у Пушкина просматриваются и зачёркнутые варианты: «в Москве», «в Морской», «на Тверской». В Москве не было гостиницы «Лондон», но была вблизи Тверской гостиница «Англия», в которой несколько раз останавливался Пушкин.

Комментируя это место, Ю.М. Лотман отметил «прямолинейный комический эффект» сочетания патриотизма с гостиницей такого названия. При этом оказалась не отмеченной ошибка Пушкина, заключающаяся в том, что гостиница «Лондон» располагалась не на Морской, а на углу Невского проспекта и Адмиралтейского (современный адрес: Невский, 1). В комментарии ошибка усугублена: «Hotel de Londres (Лондонская гостиница) – находился на углу Невского и Малой Морской (ныне ул. Гоголя. – В.С.)¹». В действительности по указанному адресу, да и то на квартал (хотя и в один дом) глубже, располагалась гостиница «Париж» («Hôtel de Paris»). Пушкину эта гостиница была хорошо знакома, он не однажды бывал в ней, поминал её, и, конечно же, если бы дело дошло до правки в беловом варианте, то он исправил бы допущенную опisku, хотя бы так: «В Hôtel Paris, что на Морской». Это наглядный пример того, что использовать черновики для комментария окончательных вариантов можно только в плане их сопоставления с начальным замыслом. Между тем и «3 июля», извлечённое из черновиков, включается во внутреннюю хронологию романа.

Итак, действие восьмой главы оказывается приуроченным к осени 1828 года – весне 1829-го. Для Пушкина этот период его жизни очень памятен. Незадолго до того, как Онегин появляется в Петербурге, Пушкин его оставляет после неудачного сватовства к Анне Алексеевне Олениной. Отпраздновав лицейскую годовщину 19 октября 1828 года, протокол которой вёл сам Пушкин, он в ночь на 20-е отправляется в Тверской край, а оттуда в Москву:

Усердно помолившись богу,
Лицею, прокричав ура,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

(III, 127)

В начале восьмой главы автору вспоминается лицейская пора, а в черновиках главы мы встречаем стихи, задевающие Алексея Николаевича Оленина и его дочь:

¹ Лотман Ю. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. С. 379.

Annet Olenine тут была
Уж так [жеманна], так мала!...
Так бестолкова, так писклива
Что вся казалось в отца

В окончательный текст Пушкин, конечно, не включит эти оскорбительные строки и не выведет Аннет Оленину в числе гостей на описанном рауте. Но всё-таки он не мог не вспомнить того, что для него было связано с 1828 годом. В Москве он впервые увидел Наталью Гончарову и «огончарованным» вернулся в Петербург. В 1831 году, уже женатым, живя в Царском Селе на даче Китаевой, Пушкин заканчивает восьмую главу вставным письмом Онегина к Татьяне, в котором таким образом отражает косвенно ту глубину чувств, которые владели тогда им самим. А зиму 1828 года, подобно Онегину, Пушкин проводит в Петербурге, пока снова не отправляется в Москву, а затем в Арзрум. Он покидает Петербург 10 марта 1829 года. Этим временем заканчивается и действие «Евгения Онегина»:

Дни мчались; в воздухе нагретом
Уж разрешалась зима...

(VI, 184)

Таким образом, логика сюжета «Евгения Онегина» не расходится с климатическими реалиями, что смущало всех комментаторов романа. Пушкинское указание на 3 января 1825 года оказывается главной отправной точкой для внутренней хронологии романа, в котором всё взаимосвязано. Внимательное отношение к тем «сигналам», которые в отношении хронологии подаёт Пушкин, позволяет устранить якобы имеющие место противоречия, откорректировать отдельные датировки и, в соотнесении с ними, уточнить время действия романа, которое начинается в конце зимы 1819 года и заканчивается в начале весны 1829-го, растянувшись на десять лет.

Людмила Беляева

КНИЖНЫЕ ДАРЫ БИБЛИОТЕКЕ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Для каждого музея мира, даже самого большого и самого известного, одной из постоянных существующих возможностей пополнения своих коллекций является получение предметов в дар. «Михайловское» не является исключением и ежегодно пополняет свои фонды теми или иными предметами, полученными в дар от гостей и друзей Пушкинского Заповедника, почитателей таланта А.С. Пушкина. В нашей библиотеке очень много книг, в разное время и при разных условиях подаренных музею. Это дары авторов, издателей, организаций и частных лиц. Эти издания – истинное богатство книжных фондов, причём не только по суммарной их стоимости. Некоторые из даров, поступивших в фонды библиотеки музея после его восстановления в 1947 году, представляем вниманию пользователей, в том числе и потенциальных.

Первые послевоенные поступления в библиотеку – 508 книг из личных собраний сотрудников Института русской литературы. На сегодняшний день эти книги стали библиографической редкостью и хранятся в собрании редкой книги музейных фондов.

Большая часть книг, подаренных нашей библиотеке, поступила в «Михайловское» от авторов, художников, составителей, переводчиков – тех, кто считал и считает честью передать свою книгу на хранение в музей А.С. Пушкина. Это А. Гордин и В. Рецеттер, Р. Скрынников и Т. Цявловская, Б. Голлер и Л. Аринштейн, А. Смердов и В. Курбатов, С. Абрамович и С. Фомичёв, Н. Телетова и Н. Михайлова, Б. Мейлах и В. Старк, В. Азаров и Я. Хелемский и ещё многие и многие, чьё творчество тесно связано с нашим музеем и чьи имена хорошо известны читателям. Большая часть этих книг – о жизни и творчестве Пушкина. Приведём здесь выходные данные хотя бы нескольких книг с текстами дарственных надписей на них.

1. *Абрамович С.Л.* Пушкин. Последний год : Хроника. – М. : Сов. писатель, 1991. – 624 с. : ил. – 50000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «В библиотеку Пушкинского заповедника от автора. 6 июня 1992 г. С. Абрамович».

2. *Аринштейн Л.М.* Пушкин. Непричёсанная биография. – М. : ИД «Муравей», 1998. – 232 с. : ил. – 3000 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «В библиотеку Пушкинского Заповедника от Л.М. Абрамович. 10 августа 2000 г.».

3. *Аринштейн Л.М.* Пушкин. Непричёсанная биография. – 2-е изд., доп. – М. : ИД «Муравей», 1999. – 200 с. : ил. – 3000 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «В научную библиотеку Пушкинского Заповедника «Михайловское» от автора. Л. Аринштейн. 10 августа 2000 г.».

4. *Беленкова А.И.* Эстляндские и ливонские портреты Императорского Лицея. – Таллин, 2003. – 224 с. : ил. – В обл.

Дарственная надпись: «Пушкинскому заповеднику с любовью от автора. 18.02.2011. А. Беленкова».

5. *Брагинская Н.С.* О Пушкине. – Нью-Йорк : Зелёная лампа, 2004. – 295 с. : ил. – В обл.

Дарственная надпись: «Дорогому музею «Михайловское», святому месту, с низким поклоном и вечной любовью – издаю... Всегда сердце с вами и душа... 14.IX.04. Н. Брагинская».

6. *Вольперт Л.И.* Пушкин и психологическая традиция во французской литературе. – Таллин : Ээсти раамат, 1980. – 216 с. – 1000 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «Михайловскому музею-заповеднику А.С. Пушкина от автора. 11.V.80. Л. Вольперт».

7. *Гдалин А.Д.* Памятники А.С. Пушкину : История. Описание. Библиография / Предисл. С.А. Фомичёва. – СПб. : Академический проект, 2001. – 212 с. : ил. – 1000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Государственному заповеднику А.С. Пушкина «Михайловское» от автора. 2.VI/2001. Санкт-Петербург. Гдалин».

8. *Гордин А.Я.* Пушкин в Михайловском. – Л. : Лениздат, 1989. – 446 с. : ил. – 100000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «В библиотеку моего родного Пушкинского заповедника. Да останется он Пушкинским, несмотря ни на что. 1.3.1993 г. А. Гордин».

9. *Gnammankou Dieudonne.* Abraham Hannibal. Presense Africaine Editions, 1996. – 254 с. : ил. – В обл.

Дарственная надпись: «Музею Ганнибала в Петровском от издательства и автора Д. Гнамманку. Париж, май 1996».

10. *Гнамманку Д.* Абрам Ганнибал / Предисл. Л.М. Аринштейна; пер., предисл., коммент. Н.Р. Брумберг, Г.А. Брумберг – М. : Молодая гвардия, 1999. – 219 с. : ил. – (Жизнь замечательных людей). – 5000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Библиотеке музея-заповедника Пушкинские Горы с любовью и восхищением от переводчиков этой книги – первой, по-видимому, полной биографии Абрама Петровича Ганнибала. Г. Брумберг, Н. Брумберг. 8 января 2004 год. Москва. Петровское».

11. *Линдер И.* «Благодарю, душа моя...». Пушкин, любовь и шахматы. – М. : Антидор, 1999. – 296 с. : ил. – 1800 экз. – В пер., суперобл.

Дарственная надпись: «Научной библиотеке Государственного музея-заповедника Александра Сергеевича Пушкина «Михайловское» с самыми добрыми пожеланиями в год 200-летия Пушкина. «Михайловское». И. Линдер. 18.8.1999.

12. *Парчевский Г.Ф.* Пушкин и карты – М. : Русская виза, 1996. – 160 с. : ил. – 3000 экз. – В пер., суперобл.

Дарственная надпись: «В библиотеку Пушкинского заповедника – автор. 28 мая 96 г.».

13. Пушкин в портретах и иллюстрациях : Пособие для учителей средней школы / Сост. М.М. Калаушин; общ. ред. Д.Д. Благого. – 2-е изд., перераб. и доп. – Л., 1954. – 376 с. : ил. – 50000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: В библиотеку Пушкинского Заповедника от автора-составителя. М. Калаушин. 5 VII 54 г.».

14. А.С. Пушкин: путь к православию / Сост., подгот. текста, примеч. А.Н. Стрижёв. – М. : Отчий дом, 1996. – 336 с. – 10000 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «В библиотеку музея-заповедника «Михайловское» от составителя. А. Стрижёв. 17.IX-2000. С неизменной радостью вспоминаю посещение Пушкинского родового имения, облагодуханного Божией благодатью. Думаю, что и все другие люди уносят в своей душе то же самое».

15. Сибирская пушкинистика сегодня : сборник научных статей. – Новосибирск, 2000. – 384 с. : ил. – 300 экз. – В пер.

Дарственный экслибрис от составителей и редактора сборника – Е. Дергачёва-Скоп, В. Алексеев. Май 2003 года. Подписи.

16. *Старк В.П.* Жизнь с поэтом. Наталья Николаевна Пушкина. – В 2 т. – Т. 1. – СПб. : Витанова, 2006. – 448 с. : ил. – 1500 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Дорогой для меня библиотеке Пушкинского Заповедника «Михайловское», где и создана большая часть этой книги. С поклоном, автор. 17 марта 2006. П. Горы. Старк».

17. *Телетова Н.К.* Жизнь Ганнибала – прадеда Пушкина. – СПб. : Сад искусств, 2004. – 320 с. : ил. – 1500 экз. – В пер.

18. *Телетова Н.К.* Забытые родственные связи А.С. Пушкина. – СПб. : Дорн, 2007. – 2-е изд., испр. и доп. – 328 с. : ил. – 1000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Библиотеке Пушкинского Заповедника. Телетова. 26.08.07.»

19. *Фомичёв С.А.* Творческая эволюция / Отв. ред. Д.С. Лихачёв. – Л. : Наука, 1986. – 304 с. : ил. – 17300 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «В библиотеку Пушкинского Заповедника с низким поклоном. Фомичёв. 25.06.86».

20. *Цявловская Т.Г.* Рисунки Пушкина. – М. : Искусство, 1970. – 168 с. : ил. – 30000 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «В библиотеку села Михайловского от Т. Цявловской. 29 сентября 1970».

21. Эстонская пушкиниана / Авт.-сост. М. Гайнуллин, В. Бобылёва. – Таллин, 1999. – 300 с. : ил. – В обл.

Дарственная надпись: «Государственному музею-заповеднику А.С. Пушкина «Михайловское» от авторов с уважением и любовью к сим святым местам. В. Бобылёва, г. Таллин. 29.01.2002 г.».

Несколько изданий о не столь давних событиях – Пушкиногорье в годы Великой Отечественной войны. Эти книги имеют особое значение для музея: их авторы тесно связаны с нашей землёй.

1. *Азаров В.Б.* На берегах Сороти : документальная повесть. – М. : ДОСААФ, 1975. – 80 с. : ил. – 100000 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «Библиотеке Пушкинского Заповедника от автора. Всеволод Азаров. 16.IX.75».

2. *Минеев Ф.Н.* Без права на ошибку : Воспоминания командира сапёрной роты. – Донецк : Донбас, 1997. – 212 с. : ил. – 500 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «Пушкинскому Государственному Заповеднику. Автор. 15.12.1997 г. Ф. Минаев».

3. *Смердов А.И.* Пушкинские Горы: Поэма. – Новосибирск, 1975. – 112 с. : ил. – 5000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Пушкиногорцам – с низким поклоном и неизбывной благодарностью. А. Смердов. Новосибирск. Декабрь 1975».

4. *Хелемский Я.* В пути : стихи. – М. : Сов. писатель, 1948. – 156 с. – 5000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Пушкинскому заповеднику в память о замечательном вечере в Пушкинских Горах, посвящённом великому поэту. Я. Хелемский. 16.II.1957. Пушкинские Горы».

Среди тех, кто стал уже не только гостем, но и другом Пушкинского Заповедника, – авторы, чьё творчество Пушкина заставляет вновь и вновь возвращаться в эти места, подвигает на собственное творчество.

Несколько книг-даров постоянных гостей и друзей Заповедника:

1. *Курбатов В.Я.* Подорожник. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2006. – 415 с. : ил. – 3500 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Библиотеке Пушкинского Заповедника для постоянной выдачи всем, всем, всем, потому что это история позабытой советской литературы, а то кто её, матушку, вспомнит? Ваш Курбатов. С. Михайловское, 28.01.2011».

2. *Курбатов В.Я.* Наше небесное Отечество : Записки православного путешественника. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. – 264 с. : ил. – 2500 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Нашему земному Пушкинскому Отечеству (родной библиотеке) про «Наше небесное Отечество» на благочестивое чтение. Ваш Курбатов. С. Михайловское. 29.01.2011».

3. *Играем Пушкина / Вступ. ст. В.Э. Рецептера, С.А. Фомичёва.* – СПб., 2001. – 512 с. : ил. – 1000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Любимой библиотеке НКЦ от Пушкинского центра и от В. Рецептера. 29 июля 2009 г. Святые Горы».

4. *Притяжение «Скупого рыцаря» / Вступ. ст. В. Рецептера; пер. на англ. яз. А. Вуда.* – СПб. : Гос. Пушкинский театральный центр, 2001. – 93, XX с. : ил. – 4000 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «Обязуюсь пополнить недостающими книгами серии «Пушкинская премьера» любимую библиотеку. В. Рецептер. 29 июля 2009».

5. *Рецептер В., Шемякин М.* Возвращение пушкинской русалки. – СПб. : Пушкинский театральный центр, 1998. – 160 с. : ил. – 10000 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «Библиотека НКЦ – высокая библиотека, её завсегда, благодарный и уважающий. 29 июля 2009. В. Рецептер. Святые Горы».

Необходимо назвать книгу «Пушкиногорье», одну из самых популярных среди туристов 1980–90-х годов, автор которой сам стал легендой. Переиздание этой книги стало возможным благодаря желанию многих, один из которых – Арсений Ларионов – и подарил музею юбилейное (2003 года) издание с дарственной надписью и свою книгу о Семёне Степановиче Гейченко «Заповеди блаженства».

1. *Гейченко С.С.* Пушкиногорье / Переизд. С. Гейченко. Пушкиногорье. – М. : Молодая гвардия, 1983. – М. : Советский писатель, 2003. – 280 с. : ил. – В пер.

Дарственная надпись: «Пушкинскому музею-заповеднику «Михайловское» А. Ларионов. 14 февраля 2003 г.».

2. *Гейченко С.С.* Завет внуку: Новеллы о Михайловском. – М. : Детская литература, 1986. – 288 с. : ил. – 100000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «В библиотеку Пушкинского Заповедника. С. Гейченко. 9.2.87».

3. *Ларионов А.В.* Заповеди блаженства. Михайловские встречи с Семёном Степановичем Гейченко : Документально-художественная повесть. – 2-е изд. – М. : Совр. писатель, 1999. – 384 с. : ил. – В пер.

Дарственная надпись: «Пушкинскому музею-заповеднику – с неизменным чувством веры, надежды и благодарности за память о С.С. Гейченко. 1.VII.99. Арс. Ларионов».

Библиотека музея с благодарностью принимает книги стихов и сборники поэзии. Имена многих авторов уже стали определённой страницей в истории литературы. Практически все книги, подаренные поэтами музею, – с дарственными надписями.

1. *Доризо Н.* России первая любовь. Мой Пушкин. – М. : Современник, 1986. – 50000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Михайловское, Пушкинскому Заповеднику – с низким поклоном. Ник. Доризо. 24/II 87».

2. *Дудин М.* До востребования : лирика. – Л. : Лениздат, 1963. – 260 с. : ил. – 50000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Библиотеке Пушкинского Заповедника благодарно. М. Дудин. 28.2.63. С. Михайловское».

3. *Дудин М.* На краю света. – Л. : Лениздат, 1967. – 80 с. : ил. – 10000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Михайловской библиотеке. М. Дудин. 6.VII.67».

4. *Казакова Р.Ф.* Безответная любовь : книга стихов. – М. : Вагриус, 2000. – 448 с. : ил. – 200 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Пушкинскому музею-заповеднику с любовью к Пушкину, к России, к этой земле, которую Александр Сергеевич считал первым образцом родины. Римма Казакова. 5.VI.2000».

В Пушкинский Заповедник часто приезжают за вдохновением. И это не только писатели и поэты, но и художники. Их работы пополняют коллекции музейных фондов, а книги с их иллюстрациями, равно и книги о них и об их творчестве – книжное собрание музейной библиотеки.

1. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин : Роман в стихах / Худ. Д.А. Белюкин – М. : Фонд Андрея Первозванного, 2002. – 384 с. : ил. – 5000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Библиотеке Музея А.С. Пушкина «Михайловское» от автора иллюстраций. С уважением Д. Белюкин».

2. «...Вновь я посетил» : альбом / Худ. В. Васильев. – Л. : Лениздат, 1982. – 46 с. : ил. – 100000 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «Государственному музею-заповеднику А.С. Пушкина, милому уголку родной России – с искренней преданностью. В. Васильев, член СХ СССР, г. Псков. 22.1.83 г.».

3. *Андерсен Г.Х.* Снежная королева / Пер. с датского; худ. Б. Диодоров. – М. : Арбор, 2004. – 136 с. : ил. – 1000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «В научную библиотеку Пушкинского заповедника. Б. Диодоров. 11 марта 2006».

4. *Звонцов В.М.* Выставка произведений : каталог. – Л. : Художник РСФСР, 1987. – 38 с. : ил. – 1000 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «В библиотеку Пушкинского Заповедника. Звонцов. 9.XII.87».

5. Пушкинский заповедник : набор открыток / Худ. В. Звонцов. – М. : Изогиз, 1958. – 8 откр. ил. – 50000 экз. – В общ. обл.

Дарственная надпись: «В библиотеку Пушкинского Заповедника от автора. Звонцов. 6.4.59».

6. Выставка произведений ленинградских художников В.М. Звонцова (графика), В.В. Пименова (живопись) : каталог – Л. : Лениздат, 1968. – 48 с. : ил. – 500 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «Библиотеке Пушкинского заповедника с признательностью. Звонцов. 9.III.68».

7. Анатолий Зыков. Живопись. Рисунок. Эстамп. Книжная иллюстрация : каталог. – М. : Сов. художник, 1991. – 60 с. : ил. – 700 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «Пушкинскому Заповеднику. А. Зыков. 2002».

8. *Иванова Л.* Мгновения Святой Руси: История в фотографиях. – СПб. : Сатисъ, 2001. – 80 с. : ил. – 3000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Творческому коллективу пушкинского музея-заповедника в день открытия выставки. 7/IV–2005 г. Людмила Иванова».

9. Лукоморье / Худ. Т. Маврина. – М. : Малыш, 1970. – 33 с. : ил. – 150000 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «Пушкинскому музею-заповеднику от художника Т. Мавриной. 13.V.71. Москва».

10. Пётр Оссовский : альбом. – М., 1996. – 64 с. : ил. – В пер., суперобл.

Дарственная надпись: «Библиотеке Пушкинского заповедника. П. Оссовский. 2006.14.10. С. Михайловское».

11. Пётр Фомин : Альбом живописи. Воспоминания современников. – СПб., 2002. – 112 с. : ил. – В пер.

Дарственная надпись: «Библиотеке Заповедника в память об отце. Н. Фомин. 18.10.02».

Сотрудники нашего музея, ставшие авторами книг, также считают своим долгом пополнить музейную библиотеку. Эти издания имеют ещё и практическое значение, так как они позволяют воспитывать и образовывать новые поколения.

1. *Будьлин И.Т.* Золотая точка России. Пушкинский Заповедник: история и современность. – Пушкинские Горы, 2000. – 156 с. : ил. – 999 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «В библиотеку Пушкинского заповедника в дар на добрую память от автора. 30.VI.2000».

2. *Васильев М.Е., Филимонов А.В.* Велье : Исторические очерки. – Пушкинские Горы, 1992. – 67 с. : ил. – 1500 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «В библиотеку музея-заповедника А.С. Пушкина. 5 сентября 1992 года. М. Васильев».

3. *Васильев М.Е.* «Минувшее проходит предо мною...» – М. : МЦНТИ, 1997. 40 с., ил. – 1000 экз. – В обл.

4. *Козмин Б.М.* Из рода Ганнибалов. – М. : Совр. писатель, 1997. – 324 с. : ил. – В обл.

5. Борис Козмин. Живопись и графика хранителя музея-усадьбы Ганнибалов Пушкинского заповедника : альбом. – М. : Сов. писатель, 2000. – 80 с. : ил. – В пер.

Дарственная надпись: «Пушкинскому Заповеднику, его слушателям и многочисленным друзьям моим с благодарностью и благоговением за годы творческого бытия. Борис Козмин. 23 июля 2000 г.».

6. *Козмина Л.В.* Петровское. Пушкин и Ганнибалы. – М. : Сов. писатель, 2003. – 200 с. : ил. – В пер.

7. Вот мельница... Мельницы в русской поэзии / Сост. В.Ю. Козмин. – М. : Знание, 2007. – 112 с. : ил. – В обл.

Дарственная надпись: «В дар библиотеке ПЗ от составителя. Козмин».

8. *Лобанова Э.Ф.* Михайловская библиотека Пушкина: Попытка реконструкции каталога. – М. : МЦНТИ, 1997. – 52 с. – 1000 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «Библиотеке сельца Михайловского от бывшего её библиотекаря и автора сей брошюры. 3 окт. 97 г.».

9. Ганнибалы и Пушкин на Псковщине / Ред. и доп. Г.Н. Дубинина. – М. : Русский путь, 1999. – 144 с. : ил. – 2000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «В дар музею от редактора этой книги. Г. Дубинин (потомок Ганнибала). 16.02.99. Москва».

Преподносят библиотеке свои дары и организации, которые можно назвать очень близкими друзьями, почти родственниками нашего музея: Пушкинский Дом, Всероссийский музей А.С. Пушкина, Государственный музей А.С. Пушкина.

Книги-дары из Пушкинского Дома:

1. Пушкинский Дом : Альбом к 100-летию Пушкинского Дома. – М. : ИЦ «Классика», 2003. – 520 с. : ил. – В пер., футляр.

2. Ахматова без глянца / Сост., авт. проекта П.Е. Фокин. – СПб. : Амфора, 2008. – 474 с. : ил. – (Без глянца). – 5000 экз. В пер.

3. Бунин без глянца / Сост., авт. проекта П.Е. Фокин. – СПб. : Амфора, 2009. – 384 с. : ил. – (Без глянца). – 3000 экз. В пер.

4. Гоголь без глянца / Сост., авт. проекта П.Е. Фокин. – СПб. : Амфора, 2008. – 432 с. : ил. – (Без глянца). – 5000 экз. В пер.

5. Маяковский без глянца / Сост., авт. проекта П.Е. Фокин. – СПб. : Амфора, 2008. – 592 с. : ил. – (Без глянца). – 5000 экз. В пер.

6. Пушкин без глянца / Сост., авт. проекта П.Е. Фокин. – СПб. : Амфора, 2007. – 280 с. : ил. – (Без глянца). – 5000 экз. В пер.

7. Твардовский без глянца / Сост., авт. проекта П.Е. Фокин. – СПб. : Амфора, 2010. – 448 с. : ил. – (Без глянца). – 4000 экз. В пер.

8. Тургенев без глянца / Сост., авт. проекта П.Е. Фокин. – СПб. : Амфора, 2009. – 493 с. : ил. – (Без глянца). – 5000 экз. В пер.

На всех книгах серии «Без глянца» – дарственная надпись составителя: «Библиотеке Пушкинского Заповедника».

Книги-дары из Всесоюзного музея А.С. Пушкина:

1. Пушкин и его время : Исследования и материалы. – Вып. 1. – Л., 1962. – 604 с. : ил. – 5000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Пушкинскому Заповеднику в день 40-летия его основания с самыми лучшими пожеланиями. Директор Всесоюзного Музея А.С. Пушкина М. Калаушин. Зав. библиотекой: подпись. 24.3.62».

2. А.С. Пушкин. Жизнь и лира. 1799–1999 / С.М. Некрасов и др. – СПб. : Абрис, 1999. – 136 с. : ил. – 5000 экз. – В обл.

Дарственная надпись: «В библиотеку Пушкинского Заповедника от авторов из ВМП. Подписи».

3. Преданья русского семейства : альбом / Под общ. ред. С.М. Некрасова. – СПб. : Эко, 1999. – 144 с. : ил. – (Сокровища петербургской пушкинианы). – В пер., суперобл.

Дарственная надпись: «В библиотеку ГМЗ «Михайловское». Подписи».

4. Музей Г.Р. Державина и русской словесности его времени. Русская городская усадьба XVIII века / Авт. текста С.М. Некрасов, Т.Н. Мохова – СПб. : Изд-во А. Зимины, 2008. – 124 с. : ил. – В пер.

Книги-дары из Государственного музея А.С. Пушкина:

1. *Михайлова Н.И.* «Собрание пёстрых глав» : О романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». – М. : ИД «Имидж», 1994. – 192 с. : ил. – В обл.

Дарственная надпись: «Пушкинскому дому в Михайловском – Наталья Михайлова. 2.6.1994».

2. *Михайлова Н.И.* Бумажный амур. – М. : ВК, 2005. – 152 с. : ил. – 500 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Любимому музею-заповеднику «Михайловское» с амуром. Наталья Михайлова. 2007 апреля 18 дня».

3. Московская семья Яньковых-Благово. Три века истории. – М. : ГМП, 2008. – 76 с. : ил. – В обл.

4. А.С. Пушкин в московских архивах : По материалам юбилейной выставки 1999 года. – М. : Московские учебники и Картолитография, 2001. – 176 с. : ил. – 1500 экз. – В обл.

5. Деньги – Пушкин – Деньги: (по материалам выставки 2009 года в Государственном музее А.С. Пушкина). – М. : ГМП, 2009. – 47 с. : ил. – 1500 экз. – В обл.

6. Государственный музей А.С. Пушкина, Москва : альбом – М. : Белый город, 2004. – 64 с. : ил. – 1500 экз. – В пер.

7. Моя родословная. Предки, семья, потомки А.С. Пушкина. – М. : ГМЗ, 2009. – 315 с. : ил. – 700 экз. – В пер.

8. ...Портреты, мысли, имена... Мир Пушкина в гравюрах и литографиях коллекции Я.Г. Зака : альбом / ГМЗ. – М. : Ассоциация «Экост», 2005. – 168 с. : ил. – 1000 экз. – В обл.

9 «Евгений Онегин» ...даль свободного романа... : Альбом по материалам выставки. – М. : Московские учебники и Картолитография, 2004. – 201 с. : ил. – 1600 экз. – В пер.

В книжном собрании музейной библиотеки немало книг, авторы которых связаны с Пушкинским Заповедником постоянным творческим сотрудничеством. Много лет пополняются наши фонды работами Виктора Михайловича Русакова. Вот и в январе этого года им было подарено только что увидевшее свет издание «Избранные рассказы о потомках А.С.Пушкина».

Книги В.М. Русакова (все с дарственными надписями автора):

1. *Русаков В.М.* Потомки Пушкина. – Л. : Лениздат, 1974. – 176 с. : ил. – 50000 экз. – В обл.

2. *Русаков В.М.* Рассказы о потомках А.С. Пушкина. – Л. : Лениздат, 1982. – 368 с. : ил. – 100000 экз. – В пер.

3. *Русаков В.М.* Рассказы о потомках А.С. Пушкина. – СПб. : Лениздат, 1992. – 447 с. : ил. – 100000 экз. – В обл.

4. *Русаков В.М.* А.С. Пушкин и его потомки : Иллюстрированная родословная роспись. – Псков, 1997. – 200 с. : ил. – 5000 экз. – В обл.

5. *Русаков В.М.* Рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. – М. : Информпечать, 1999. – 488 с. – 10000 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «С радостью дарю эту книгу Государственному музею А.С. Пушкина «Михайловское», который и для меня был «приютом, сиянием муз одетым», с пожеланием дальнейшего процветания, а его сотрудникам – творческого счастья и всяческих успехов в благодарном труде во славу поэта. Автор. В. Русаков. 22 августа 1999 г.».

6. *Русаков В.М.* О лжепотомках А.С. Пушкина. – Псков, 2002. – 136 с. : ил. – 500 экз. – В пер.

7. *Русаков В.М.* Избранные рассказы о потомках Александра Сергеевича Пушкина. – Псков, 2010. – 329 с. : ил. – 200 экз. – В пер.

Дарственная надпись: «Государственному музею-заповеднику А.С. Пушкина «Михайловское» с благодарностью за помощь в работе над этой книгой и в память о временах, когда я сам был его живой частицей – научным сотрудником. В. Русаков. 26 янв. 2011».

Из Министерства культуры Российской Федерации в сентябре 2002 года в дар музею передали журнал «Пушкин и его эпоха»:

А.С. Пушкин и его эпоха. Жизнь и творчество. – Париж, 1937. – 148 с. : ил. – (Иллюстрированная Россия).

Дар сопровождался официальным документом – актом передачи от 5 сентября 2002 года комиссией в составе: директора дирекции культурных ценностей Рожковой О.В., главного хранителя Земляковой О.К., зав. архивом-библиотекой РФК Леонидова В.В. – «...для постоянного хранения и экспонирования».

Осенью 2010 года в библиотеке состоялась презентация книги И.Н. Слюньковой «Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи», вышедшей в московском издательстве «Прогресс-Традиция» (2010. – 616 с. : ил. – 1000 экз. – В пер.). По окончании встречи с автором, редактором и сотрудниками издательства фонд библиотеки пополнился рядом книг литературоведческого и искусствоведческого содержания.

Заслуживает внимания большая коллекция книг – личная библиотека Татьяны Михайловны Глушковой, – переданная наследниками в дар музею в 2004 году. Это около 2 тысяч томов поэзии, русской и зарубежной прозы, справочной литературы, литературоведческих исследований (в том числе – о творчестве А.С. Пушкина), книги по истории России. Все книги украшены владельческим экслибрисом.

Из книг Т.М. Глушковой:

1. *Платонов С.Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. : (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). – СПб., 1899. – 665 с. + карта. – В пер.

2. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1738–1995. – Т. 1 / Прил. к «Русской старине» 1870 года. – 3-е изд. – СПб., 1875. – 1015 с. : ил. – В пер.

3. *Лихачёв Д.С.* Поэзия садов : К семантике садово-парковых стилей. – Л. : Наука. 1982. – 344 с. : ил. – 9950 экз. – В пер.

Часто произведения А.С. Пушкина и ставшие библиографической редкостью книги о поэте преподносят библиотеке частные лица. Среди таких даров и «Юбилейный альбом», вышедший к столетию А.С. Пушкина. В библиотеке музея три экземпляра такого альбома во владельческих переплётах, они подарены разными людьми в 1970 и 1990 годах. Таким же ценным даром является годовая подшивка журнала «Нива» за 1899 год, переданная в библиотеку Е.Б. Егоровой, много лет редактировавшей сборники научных работ сотрудников музея.

Произведения Пушкина и другие редкие издания:

1. *Пушкин А.С.* Собр. соч. / Под ред. С.А. Венгерова – Т. IV, полутом 2. – СПб. : Брокгауз и Эфрон, 1910. – 460, LXXIX с. : ил. – В пер.

Дарственная надпись: «Получен во время Пушкинской конференции в г. Харькове 15 мая 1999 года в подарок. Передаём библиотеке НКЦ Пушкинского Заповедника. Н. Телетова, В. Старк. 21 августа 1999 г.»

2. *Пушкин А.С.* Сочинения / Ред. текста и коммент. М.А. Цявловского и С.М. Петрова; вступ. ст. С.М. Петрова. – М. : ОГИЗ, 1948. – 952 с. : ил. – 200000 экз. – В пер.

3. Пушкин. 1799–1899 : Юбилейный альбом в память столетия со дня рождения поэта. – СПб. : Издание А.Ф. Маркса, 1899. – 81 с. : ил. – В обл., владельческий переплёт.

Дарственная надпись: «В дар Государственному музею-заповеднику А.С. Пушкина. Село Михайловское. От долгожителя Лейбович Генриха Ароновича. Ленинград. Сосновая Поляна. 7 мая 1983 г.»

4. Журнал «Нива», годовой комплект за 1899 год во владельческом переплёте.

В дарственной книге запись: «...10-летие моего личного сотрудничества с Заповедником я хочу отметить передачей в его собственность нашей семейной реликвии. Хотя она очень дорога как память о дедах и

прадедах, именно в Пушкинском заповеднике должно быть издание, вышедшее в юбилейный год столетия А.С. Пушкина. Е.Б. Егорова».

Есть в собрании библиотеки небольшая коллекция миниатюрных изданий, в разные годы подаренных художниками, составителями, издателями.

Миниатюрные издания:

1. Дон-Жуанский список Пушкина. – М. : ЯникО, 1996. – 128 с. : ил. – В пер., суперобл.; № 13. – 100 экз. – (2 x 2,5 x 0,9 см). Дар издателя.

2. Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П.Ф. Карабановым. – М. : ЯникО, 1994. – 64 с. : ил. – В пер., № 6. – 130 экз. – (3,3 x 3,3 x 0,5 см). Дар издателя.

3. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин : Роман в стихах. – С. Михайловское; Екатеринбург, 1999. – 442 с. : ил. – В пер. из коры, футляр из бересты; именное издание. – 400 экз. – (5,5 x 5 x 2,8 см). Дар изготовителя В. Костина.

4. *Пушкин А.С.* Лирика. – Минск : Харвест, 2006. – 512 с. : ил. – В пер., закладка, позолоченный обрез. – 700 экз. – (60 x 84 1/64, 8 x 9,2 x 2,8 см). Дар посетителей музея-заповедника.

5. *Пушкин А.С.* Полтава: Поэма. – М. : ЯникО, 1995. – 204 с. : ил. – В пер., суперобл. – 130 экз. – (4,5 x 6 x 1,5 см). Дар издателя.

6. *Пушкин А.С.* Ранняя лирика. 1813–1815 / Ил. А. Машанова. – Омск: ИЦ «Диалог-Сибирь», 1997. – 222 с. : ил. – (Бриллианты мировой литературы). – В пер., суперобл. – 1999 экз. – (5,5 x 7 x 1,5 см). Дар гостей Пушкинского Заповедника.

7. *Прутков Козьма.* Плоды раздумья / Ил. Л. Тишкова. – М. : ЯникО, 1995. – 129 с. : ил. – В пер., № 25. – 250 экз. – (2,2 x 1,8 x 1 см).

Книги, имена... Люди, известные и не очень, ушедшие уже от нас в мир иной и ныне здравствующие... Слова тёплых пожеланий, любви и уважения. Издания, скромно или богато оформленные, вышедшие в веке прошлом, позапрошлом или нынешнем, из домашней коллекции, которую собирали десятилетиями, или специально приобретённые перед поездкой в пушкинские места, вышедшие в большом книжном издательстве или на средства самого автора... Эти книги – целый мир, это биографии не только отдельных людей, но история нашей страны, которую бережно хранит музейная библиотека.

II. Из научных изысканий сотрудников Пушкинского Заповедника

Татьяна Гейченко, Елена Шпинёва

О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СЕЛА МИХАЙЛОВСКОГО В НЕКОТОРЫХ ДОКУМЕНТАХ ПОСЛЕПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Как известно, после гибели на дуэли Александра Сергеевича Пушкина учреждается Опекунство над семьёй его¹. Деятельность Опекунства определяется запиской Николая I В.А. Жуковскому, датированной 30 января 1837 года, где в п. 2 сказано: «Заложенное имение отца очистить от долга»². Николай ошибочно полагал, что имение Михайловское есть родовое отца поэта и это есть имение, где похоронен поэт³. В ответном

¹ В Российском государственном историческом архиве (далее: РГИА) находится письмо Натальи Николаевны Пушкиной к Николаю I от 1 февраля 1837 года.

«Всемилоостивейший Государь.

У меня нет слов, чтобы сказать то, что я чувствую. В моём положении вы для меня видимый Ангел Хранитель, посланник Божий. Да наградит вас Бог, одаривший вас достойным его милосердия.

Принимая на коленах ваши благодеяния, осмеливаюсь просить вас, Государь, ещё об одном необходимом для меня покровительстве. Благоволите назначить опеку бедным моим сиротам. Я бы желала, чтоб опекунами их были со мною граф Строганов, граф Вельгорский и Василий Андреевич Жуковский. Оставляю это на разрешение Вашего Императорского Величества.

Целую отеческую вашу руку, вся моя жизнь будет благодарить молитвою за вас, за Государыню, другого моего Ангела, и за ваших детей, в которых Всевышний пошлёт вам все радости, вас достойные.

Вашего Императорского Величества верноподданная Наталья Пушкина» (РГИА. Ф. 1409, оп. 2, д. 6091. Цит. по: *Дейч Г.М.* Всё ли мы знаем о Пушкине? М., 1989. С. 249–250).

² Летописи Государственного Литературного музея. Книга пятая. Архив Опекунства Пушкина. М., 1939 (далее: Летописи, кн. V). С. 2.

³ Ошибка Николая I объясняется тем, что Жуковский в своей записке царю, написанной сразу после смерти поэта (черновик её приведён в издании: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XXV–XVII. 1916. С.

письме В.А. Жуковский уточняет: «Что касается до заложенного отцовского имения, то по справкам оказалось, что Пушкин не владел, а только некоторое время управлял имением отца (подразумевается Болдино. – *Авт.*), который теперь им владеет сам, и что то имение, которое было благоугодно В.В. выкупить, не отцовское, а материнское, что оно разделено между отцом, двумя сыновьями и дочерью и что оно к выкупу не следовало бы и тогда, когда бы принадлежало Пушкину, ибо те причины, для коих В.В. желали его выкупить, не существуют; Пушкин погребён не в этой деревне, а в Святогорском монастыре, недалеко от оной...»¹.

Фактически в 1837 году семья Пушкина имела право на часть села Михайловского, которое после смерти Надежды Осиповны Пушкиной (Ганнибал) в 1836 году должно было перейти к четырём её наследникам: А.С. Пушкину, Л.С. Пушкину, О.С. Павлицевой (Пушкиной), С.Л. Пушкину и, оставаясь неразделённым², стало принадлежать им.

Как сказано во вступительной части к разделу «Дело по выкупу Михайловского», «инициатива по выкупу Михайловского в собственность семьи поэта принадлежала Н.Н. Пушкиной, которая, проживая после смерти мужа в Полотняном заводе (с семьёй брата Дмитрия. –

86–87), говорит: «Эта деревня (имеется в виду Михайловское. – *Авт.*), сколько я знаю, заложена; её могут продать; вместе с нею и прах Пушкина может сделаться собственностью равнодушного к нему заимодавца и русские могут не знать, где их Пушкин. Не можно ли эту деревню [очистить] очистив от всех долгов на ней лежащих, [купить и] обратиться в майорат для вдовы и семейства, отцу же, которому она принадлежит, дряхлому и больному старику определить пенсией по смерти? Таким распоряжением утверждалось бы на всегда всё будущее осиротевших, в настоящем [был] было бы у них [верный приют] верное пристанище (ибо если не ошибаюсь в деревне есть дом, и вдова, которая не имеет теперь угла чтобы преклонить голову, могла бы там поселиться), а Россия была бы обрадована памятником, достойным и её первого поэта и её великаго Государя...»

¹ Летописи, кн. V. С. 8.

² Вот что по этому поводу сказано в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (т. 51, с. 154–155):

«До окончания судебного Раздела на всё наследственное имущество налагается запрещение; управление им вверяется дворянской опеке или сиротскому суду.

При полюбовном соглашении наследниками составляется у нотариуса раздельный акт или раздельная запись. Если в числе наследников находятся малолетние, интересы которых представляются опекунами, то проект Раздела утверждается судом. <...> Если имущество не может быть без ущерба разделено, то оно подвергается публичной продаже, или, с согласия всех наследников, вольной продаже через нотариуса.

Авт.), чувствовала себя стеснённой¹. «Мне необходим свой угол, мне необходимо быть одной, с своими детьми. Всего более желала бы я поселиться в той деревне, в которой жил несколько лет покойный муж мой, которую любил он особенно, близ которой погребён и прах его. Я говорю о селе Михайловском². <...> Цены ему нет для меня и детей моих. Оно для нас драгоценнее всего на свете <...>».

И так я прошу Попечителей войти немедленно в сношение с прочими владельцами села Михайловского, спросить их об условиях, на коих согласятся они предоставить оное детям своего брата, выплатить им, есть ли возможно, следующие деньги, и довершить таким образом свои благодеяния семейству Пушкина.

Сего 22 Маия 1838 года.

Наталья Пушкина³.

Так пишет вдова графу М.Ю. Виельгорскому, одному из опекунов.

Дело по выкупу Михайловского начинается, таким образом, в 1838 году⁴, а к завершению приходит в 1844 (не в 1842, как значится в издании Архива Опекы)⁵. Об этом мы скажем ниже.

Процедура длилась долго, тому несколько было причин. Так, по поводу процитированного выше письма Натальи Николаевны Виельгорской пишет Жуковскому, также бывшему опекуном, 7 (19) июня 1838 года: «На сих днях получил я письмо от Натальи Николаевны. Она всё требует и просит, чтоб купили мы Михайловское, Псковскую деревню. Я ей отвечал и советовал ей купить оную. <...> Нам же хлопотно и затруднительно покупать»⁶. Одной из причин было мнение близкого знакомого

¹ Летописи, кн. V. С. 267.

² Жизнь сложилась так, что Наталья Николаевна была в Михайловском лишь в 1841 и 1842 году.

³ Летописи, кн. V. С. 287, 288. Док. 6.

⁴ Согласно «Указу Опочецкой Дворянской Опекы» от 18 мая 1838 года за № 37 19 мая 1838 года составляется Опись «...имению, оставшемуся после смерти Опочецкой помещицы 5 класса Надежды Осиповны Пушкиной» (Институт Русской Литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук России (далее: ИРЛИ. Ф. 244, оп. 19, №. 127. Л. 29–40 об.). Описывали: «опочецкий земский исправник Васюков, Член Дворянской опеки Кудашин, уездный стряпчий Пастуховский». Далее: «При сей описи находился опочецкий помещик полковник Глаубич, при сей описи находился опочецкий помещик 10 класса Ганнибал, при сей описи находился и по оной принял всё сполна пятого класса кавалер Сергей Пушкин...» (Л. 40 об.) С этого, собственно, и начинаются действия по выкупу.

⁵ Летописи, кн. V. С. 267.

⁶ Там же. С. 288. Док. 6, прим.

Пушкина С.А. Соболевского, имевшего доверенности от сонаследников и выдвинувшего цену в 500 рублей за ревизскую душу¹ в случае покупки у сонаследников и в 400 рублей при продаже малолетним, с чем не согласна была Опекя. Рассматривается возможность продажи имения с аукциона (предложено Соболевским, хотя это было запрещено законом в отношении имущества опекаемых) или с вольных торгов. Но Опекунство понимает, что продажею с вольных торгов желающим «может допустить во владение села Михайловского постороннее лицо и тем крайне стеснить прочих владельцев»². Опекя предлагает иное решение, о чём сказано в письме к Л.С. Пушкину и О.С. Павлицевой от 26 декабря 1839 года: «...купить у малолетних часть их, заплатив за ревизскую душу по 425 р. ассигнациями, или же продать [опекунству сему] в пользу малолетних Ваши части по сей же самой цене, т. е. по 425 руб. ассигнациями»³.

Наконец, согласно «Донесению Опекунства в С.Петербургскую Дворянскую Опекю от 12 Генваря 1841 г. № 1», «...получено наконец согласие их (сонаследников. – *Авт.*) – уступить части свои в пользу малолетних детей А.С. Пушкина с уплатою им по 425 руб. за душу, по какой цене и вдова А.С. Пушкина согласилась уступить свою часть в пользу детей»⁴. Далее в издании Архива Опекы следует черновая про-

¹ Эта цена была указана самим Пушкиным, по кончине Надежды Осиповны хотевшем купить Михайловское. 3 июня 1836 года Александр Сергеевич пишет брату Льву:

«Вот тебе короткий расчёт нашего предполагаемого раздела:

80 душ и 700 десятин земли в Пск.<овской> губ.<ерн>ии стоят (полагая 500 р. за душу вместо обыкновенной цены 400 р.) – 40,000 р.» (XVI, 123).

Эту же цену указывает Пушкин в письме П.А. Осиповой от 24 декабря 1836 года: «...сначала я предложил взять всё имение на себя одного, обязуясь выплачивать причитающиеся им (брату и сестре. – *Авт.*) части, из расчёта по 500 р. за душу. Павлицев (муж Ольги Сергеевны. – *Авт.*) оценил Михайловское в 800 р. за душу – я с ним и не спорю, но в таком случае принуждён был отказаться и предоставил имение продать. ...писал он ко мне, что он имение уступает мне за 500 р. душу, *потому что ему деньги нужны*. Я послал его к чорту, заявив, что, если имение стоит вдвое дороже, я не хочу наживаться за счёт брата и сестры. На этом дело остановилось. Хотите знать чего бы я хотел? Я желал бы, чтобы вы были владелицей Михайловского, а я – я оставил бы за собой усадьбу с садом и десятком дворовых» (XVI, 204–205, 403; оригинал частью на фр. яз.).

² Летописи, кн. V. С. 298. Док. 20.

³ Там же.

⁴ Летописи, кн. V. С. 306. Док. 33.

Домик няни со стороны усадьбы. Фото 1914 года из собрания П.Н. Евстигнеевой. Из архива С.С. Гейченко

дажная запись, датированная 1842 годом. В РГИА находится юридически оформленная, датированная 1844 годом, купчая, которую приводим здесь полностью:

[Купчая]
Копия

Лета 1844 Ноября в 8 день Чиновник 5 класса Сергей Львов сын Пушкин и дети его Штабс Капитан Лев Сергеев сын Пушкин, жена Коллежского Советника Ольга Сергеева Павлищева, и вдова Камер Юнкера Александра Сергеевича Пушкина Наталья Николаева дочь продали мы с согласия СПетербургской Дворянской Опекы и разрешения Департамента Гражданской Палаты малолетним детям умершего Камер Юнкера Коллежского Ассесора Александра Сергеевича Пушкина, Александру, Григорию, Марии и Наталии, недвижимое имение доставшееся мне Сергею на указную седьмую часть после жены, а нам Льву и Ольге по наследству после родительницы Надежды Осиповны Пушкиной, а мне Наталии на седьмую часть после покойного мужа мо-

его Александра Сергеевича Пушкина, состоящее Псковской Губернии Опочецкого уезда село Михайловское в коем писанных по 8 ревизии 80 душ мужеска пола а за исключением из них для меня Сергея Пушкина целого семейства дворовых людей а именно: Михайла Иванова с сыном Гаврилою Михайловым холостым Калашниковым, и Александра Арбеньева холостого же с матерью Ненилою и того трех мужеска и одна женска пола душа для меня Наталии Пушкиной Ивана Михайлова Калашникова холостого отпущенного мною вечно на волю и причитающихся на часть детей Александра Сергеевича Пушкина 27 ми душ остальные затем 49 душ мужеска пола поступают в продажу с их женами вдовами девками и рожденными после ревизии обоего пола детьми, их крестьянским имуществом, строением со скотом и птицами с пашенною и непашенною землею лесами санными покосами и со всеми угодьями словом все без остатка, что в том имении находится кроме исключенных из сей продажи для меня Сергея Пушкина вышеупомянутых трех мужеска и одной женска пола душ, которых обязуюсь перечислить к собственному населенному недвижимому имению Нижегородской губернии Лукояновского уезда в село Болдино, а для меня Наталии Пушкиной отпущенного на волю Ивана Калашникова которого для платежа за него податей и повинностей обязуюсь перечислить к собственному своему населенному имению состоящему Калужской Губернии Медынского уезда в село Никулино. А взяли же мы Сергей Лев Наталья Пушкина и Ольга Павлищева у них малолетних детей Александра, Григория, Марии и Наталии Александровых Пушкиных денег за поступивших в продажу сорок девять душ полагая по сто двадцати одному рублю 42 $\frac{6}{7}$ коп. за каждую пять тысяч девятьсот пятьдесят рублей серебром, с тем, что бы все лежащие на этом имении рекрутские долговые доли и прочие повинности приняли они покупщики на свою ответственность. Наперед же сей купчей оное имение никому не продано не заложено и ни у кого ни в чем не укреплено и если кто в оное почему либо станет вступаться то нам продавцам и наследникам нашим их покупщиков и наследников их от тех вступщиков отказать во всем по законам и убытка в том никакого не доставить. О написании же всей договорной цены без утайки Св. Зак. 111 5 го устава о пошлинах ст. 360 при сем объявлено. К той купчей чиновник 5 класса и Кавалер Сергей Львов сын Пушкин в том, что вышеозначенное имение общеупомянутыми наследниками продал за деньги 5950 руб. сереб. взял руку приложил. К той купчей Коллежская Ассесорша вдова Наталия Николаевна дочь

Пушкина в том, что я вышеозначенное имение общеупомянутыми наследниками продала и деньги причитающиеся на мою часть из показанной суммы 5950 руб. сереб. получила руку приложила к той купчей Майор Лев Сергеев Пушкин в том, что вышеозначенное имение общеупомянутыми наследниками продал и деньги причитающиеся на мою часть из показанной суммы 5950 руб. сереб. получил руку приложил. К той купчей Статская Советница Ольга Сергеева дочь Павлищева, в том, что я вышеозначенное имение общеупомянутыми наследниками продала и деньги, причитающиеся на мою часть из показанной суммы 5950 руб. сереб. получила руку приложила. У той купчей свидетелями были и руки приложили Двора Его Императорского Величества Камер Юнкер Статский Советник Наркиз Иванов Атрешков¹ Коллежский Советник Павел Иванов Атрешков и Коллежский Секретарь Любим Иванов Атрешков ту купчую писал и записал писец Мандель по определению Палаты Скрепил Секретарь Полонский. Писана на 12 рублевом листу пошлин 238 рублей за записку 3 руб. на пропечатание 3 руб. 2 коп. за бумагу 3 руб. принято, совершил Надсмотрщик Давидов Ноября в 8 день. К сей записке Наркиз Иванов Атрешков по доверенности Статской Советницы Ольги Сергеевны Павлищевой засвидетельствованной в правлении Варшавского Военного Губернатора Июня 18/30 дня 1844 г. руку приложил и купчую получил того же числа. К сей записке бывшая вдова Камер Юнкера Александра Сергеева Пушкина а ныне жена Генерал Майора Наталья Николаевна Ланская руку приложила и купчую получила того же числа. К сей записке чиновник 5 класса и Кавалер Сергей Львов Пушкин руку приложил и купчую получил того же числа. Верно Атрешков Наркиз.

С запискою в коей [одно слово неразборчиво: Дворянин?] Столоначальник [неразборчиво] СПетербургской палаты Гражданского суда из 2 го Департамента выдана эта копия Отставному Полковнику Александру Пушкину, в следствие поданного им прошения и состоявшейся резолюции, за утратою подлинника на основании 827 ст. 1 ч. X т. Законов Марта 2 дня 1851.

Сии надписи 2 го Д. СПб, Гражданской палаты печать. [Печать]
Заседатель [неразборчиво]
Секретарь [неразборчиво]
Столоначальник [неразборчиво].

¹ Н.И. Отрешков (Тарасенко-Отрешков) – опекун семьи Пушкина.

Интересна подробность из относящегося к марту – началу мая 1899 года письма А.А. Пушкина к Г.А. Пушкину: «Дорогой Гриша! Твои письма я получил и в ответ на них начну с купчей на Михайловское. Перерыл все свои бумаги, но купчей не нашёл. У меня находятся на лицо все документы, касающиеся Нижегородских имений и отдельный акт с сёстрами, но в нём не упоминается о Михайловском, из чего я заключаю, что оно было выкуплено у сонаследников на имя братьев. Она должна находиться у тебя. Если же она затерялась, то достать копию нетрудно, раз ты знаешь время, когда купчая состоялась»¹.

В 1848 году умирает Сергей Львович Пушкин. А 22 октября 1850 года Пётр Петрович Ланской пишет в 3-е отделение Департамента Министерства Юстиции, вице-директору М.М. Топильскому:

«Милостивый Государь Михаил Иванович. По званию Опекуна над малолетними детьми покойного Надворного Советника Александра Сергеевича Пушкина, составив с сонаследниками умершего 5 класса Сергея Львовича Пушкина оставшемся имению раздел², запись сему разделу при рапорте Опеки от 26 мая 1850 г. представлена по принадлежности в Опочецкую Дворянскую Опеку с просьбою по утверждении оной согласно 1100 ст., т. XIII. Св. Зак. Гражд., внести на тот же предмет в Псковскую Гражданскую Палату с тем что бы Палата, по изъявлении на этот раздел согласия, сообщила во 2-й Департамент таковой же С-Петербургской, в котором предположено совершить формальную разделную запись. А как разделяемое имение состоя в залоге С-Петербургского Опекунского Совета, оным, по случаю просрочки займа, сделано распоряжение об описи и продаже онаго имения, то я обращался к властям Города Пскова о содействии к скорейшему утверждению помянутого раздела, однако о получении сего дела до сего времени отзвыва не получено.

Не имея лично случая в г. Пскове, а между тем окончание описи помянутого имения и назначение в продажу угрожает лишения малолетних достояния их деда, – поставляют меня в необходимость покорнейше просить Ваше превосходительство оказать Ваше содействие к скорейшему утверждению вышеписанного раздела имения и сообщении о том С-Петербургской Палаты Гражданского Суда 2-му Департаменту.

Исполнением сей просьбы Ваше Превосходительство премного обязать изволите имеющего честь быть с совершенным почтением и

¹ ИРЛИ. Архив «Маркутье». Ф. 246, № 72, л. 9–10 об.

² См. сноску 2 на с. 165.

преданностью Вашего Превосходительства покорнейший слуга Пётр Ланской»¹.

Топильский 29 октября 1850 года отвечает: «... По докладе сего письма г. Управляющему Министерством Юстиции, Его Превосходительство приказать изволил предписать исправляющему должность Псковского Губернского Прокурора наобли, где следует, за скорейшим утверждением означенной раздельной записи и о последующем донести. Распоряжение сие приведено в исполнение»².

Раздельный акт находится в ИРЛИ в деле о возвращении опекунке Н.Н. Ланской из Псковской Гражданской Палаты раздельного акта³.

4 сентября 1851 года издаётся Указ Его Императорского Величества о разделе имения, оставшегося после смерти Сергея Львовича Пушкина. Это Нижегородской губернии в Лукояновском и Сергачском⁴ уездах село Кистенёво и деревня Львовка⁵.

Другой важный документ, опубликованный в Архиве Опекы, – это второй проект раздела между детьми Пушкина⁶. Он датирован августом 1856 года. Прочитируем часть текста, которая даёт представление о содержании документа:

«...Мы, нижеподписавшиеся: жена генерал-адъютанта, генерал лейтенанта Наталья Николаевна Ланская, по первому браку Пушкина, и совершеннолетние её дети от брака с покойным камер-юнкером, коллежским асессором Александром Сергеевичем Пушкиным, сыновья: поручик лейб-гвардии конного полка Александр, корнет того же полка Григорий Александровичи Пушкины и дочери – фрейлина двора её императорского величества девица Мария Александровна Пушкина и супруга полковника Наталья Александровна Дубельт, урождённая Пушкина, приступая к разделу имений, дошедших к нам по праву наследства после смерти Александра Сергеевича Пушкина, находим, что имения сии заключаются в следующем составе и положении: 1) Нижегородской губернии Сергачского уезда в сельце Кистенёве дворовых людей и крестьян 559 душ, с их семействами, крестьянскими строениями и землёю, всего 1552 десятины 1037 саж.; 2) Нижегородской же

¹ РГИА. Ф. 1405, оп. 48, д. 4302, л. 3, 3 об.

² РГИА. Ф. 1405, оп. 48, д. 4302, л. 4–5.

³ ИРЛИ. Ф. 244, оп. 22, № 252.

⁴ Город Сергач. Название уезда в документах дано по-разному.

⁵ Летописи, кн. V. С. 318–319. Док. 50.

⁶ Там же. С. 323–325. Док. 54.

губернии Лукояновского уезда в деревне Львовке 168 душ крестьян мужского пола, с семействами, строениями и землею, всего 915 десят. 884 саж.; 3) Псковской губернии Опочского уезда в селе Михайловском с деревнями 31 и ½ душа мужского пола. Все эти имения принадлежали умершему нашему деду, чиновнику 5 класса, Сергею Львовичу Пушкину и достались нам, детям Пушкиным, по праву представления нашего родителя, по разделу дедовских имений в 1841 году¹. <...> Рассмотрев и оценив выгоды со всех, доставшихся нам по наследству имений, мы, наследники, по взаимному между нами миролюбивому соглашению, положились ныне в том, чтобы все недвижимые населенные наследственные имения, – равно рукописи и сочинения, в отношении права издания оных, оставить из нас, сонаследников, двум братьям Александру и Григорию Пушкиным, а нам, сёстрам, – фрейлине Марии Александровне Пушкиной и полковнице Наталье Александровне Дубельт, взамен законных частей, следующих (им) из всего состава... имений, получить от братьев единовременно деньгами, каждой по двадцати восьми тысяч пятьсот семьдесят одному рублю, пятидесяти копеек серебром. – В сих соображениях мы – Ланская и наследники, дети Пушкина, составили эту раздельную запись в следующем. Первое: я, Ланская, отказавшись уже от выдела мне законных частей из всех имений покойного первого мужа моего Александра Сергеевича Пушкина, – ныне окончательно отказываюсь и от пожизненного пользования доходами с Михайловского имения...»

Как видим, юридические установления сложны, отнюдь не всегда понятны, витиеват их язык.

В 1866 году Григорий Пушкин оставляет службу в Петербурге и поселяется в Михайловском². Он весьма заботится об усадьбе, сохраняет домик няни, на месте обветшавшего ганнибаловского дома строит другой, возводит несколько новых построек.

Следующий документ по владению – раздельная запись, датированная 5 февраля 1870 года³. Приведём её полностью:

¹ Кроме того, в ИРЛИ находятся следующие документы (ф. 244, оп. 22): дело о совершении купчей на имения наследников Пушкина, 1841 (№ 249); дело о совершении раздела имений Пушкина (№ 253); дело о покупке с. Михайловского в собственность малолетних детей Пушкина (№ 263).

² Служил в лейб-гвардии конном полку, затем в чине подполковника переведён был в распоряжение министра внутренних дел.

³ РГИА. Ф. 577, оп. 31, д. 778, л. 12 об.

[Раздельная запись]

Совершение раздельной, заключенной братьями Пушкиными по актовой бумаге ценою в шестьдесят пять рублей лист, писанной лета тысяча восемьсот семьдесят второго Февраля пятого дня. Помещики Псковской, Симбирской и Нижегородской губерний Коллежский Советник Григорий и родной брат Полковник Александр Александровичи Пушкины заключили между собою полюбовно настоящую раздельную запись в том, [что] по купчей крепости 8 Ноября 1844 года в С.Петербургской Гражданской Палате совершенной, приобретено нами вместе с родными сестрами Мариено и Наталиено Пушкиными недвижимое имение Михайловское, состоящее Псковской Губернии в Опочецком уезде по таковой же купчей крепости 23 Июня 1854 года в той же Палате совершенной приобретено одними нами Григорием и Александром Пушкинами имение, называемое Александровки Моревская дача тож Воротище тож Симбирской Губернии в Ардатовском Уезде¹ а также достались нам по наследству после отца нашего Камер Юнкера Двора Его Императорского Величества Александра Сергеевича Пушкина имения состоящие Нижегородской Губернии в Уездах Сергаченом Сельцо Кистенёво и Лукояновском деревня Львовка в каковых имениях заключается всего разной почвы земли за исключением крестьянского надела две тысячи девять сот двадцать десяти тысяч сто семь десять две сажени означенные нами по совести с выкупною ссудою в имении Михайловском в тридцать тысяч рублей серебром. Таковыми нашими приобретёнными и наследственными имениями за удовлетворением родных сестер Марии Александровы Пушкиной и Наталии Александровы по мужу Дубельт, мы оба братья разделились добровольно следующим образом: Я коллежский Советник принимаю на свою долю имение Михайловское состоящее Псковской Губернии в Опочецком Уезде заключающее одна тысяча пять сот десяти, из коих триста двадцать десяти составляют крестьянский надел и Моревская дача Воротище тож Симбирской губернии в Ардатовском уезде пятьсот семьдесят одна десятина одна тысяча восемь сот сажени а

¹ В «Первом проекте раздела между детьми Пушкина» сказано: «...23-го Июня 1854 года... мы, братья, Александр и Григорий Пушкины, во время продолжавшегося над нашими имениями попечительства, приобрели на наше имя от помещицы Суковниной 669-ть дес. в Моревской даче Ардатовского уезда Симбирской губернии, с устройством там новой деревни под названием Александровки и с переселением в оную 128-ми душ с семействами из общего нераздельного с нашими сестрами имения, сельца Кистенёва Сергачского уезда Нижегородской Губернии» (Летописи, кн. V. С. 321. Док. 53).

всего две тысячи семьдесят одна десятина одна тысяча восемьсот сот сажени. Я же Полковник Александр Александрович Пушкин принимаю на свою долю имения Сельцо Кистенёво, состоящее Нижегородской губернии в Сергаченом уезде заключающее в себе земли четыреста пятьдесят четыре десятины одна тысяча семьсот семдесят две сажени и составляющее из деревни и Мызы Львовно (Львовка. – *Авт.*) той же губернии в Лукояновском уезде триста девяносто четыре десятины а всего восемьсот сорок восемь десяти тысяч семьсот семьдесят две сажени. Выкупная ссуда по Нижегородским имениям за крестьянский надел должна оставаться на покрытие долга числящегося на этих имениях Сохранной Казне и в случае если за удовлетворением этого долга, какая либо сумма от сказанной ссуды останется, должна принадлежать нам делящемуся поровну. Раздел учинен нами полюбовно и уравниательно, сообразно качеству и достоинству земли без малейшей друг другу обиды и достающиеся каждому из нас имения переходят к нам 1е. Со всеми землями лесами водами и всякого рода угодиями по дачам переписным и отказным книгам и по всяком крепостям к тем имениям принадлежащим как бесспорными так и спорными но под запрещением не состоящими. 2е. С господскими домами и со всеми другими строениями к имениям принадлежащими, а также со всеми оброчными статьями и заведениями. 3е. Со всеми, по сим имениям обязательствами а равно законными исками, какие по тем имениям ныне состоят или впредь открыться могут и 4е. Что мы этим разделом должны довольствоваться и о переделе не просить равно претензии не иметь. На третьей странице сего листа под седьмою строкою надписано слово «открытия» тому верить. К сей раздельной записи Полковник Александр Александрович Пушкин руку приложил к сей раздельной записи Коллежский Советник Григорий Александров сын Пушкин руку приложил, у сей раздельной записи Коллежский Секретарь Виктор Игнатъев Милевич свидетелем был и руку приложил и сей раздельной записи Губернский Секретарь Леопольд Михайлов Лещинский свидетелем был и руку приложил, у сей раздельной записи состоящий по корпусу лесничих Прапорщик Феодор Фердинандович Шульц свидетелем был и руку приложил. Совершить по законам. Секретарь Палаты Смирнов. Деньги за письмо акта три рубля и на объявления три рубля принял и совершил по законам Февраля пятого дня Тысяча восемь сот семьдесят второго года Исправляющий должность Надсмотрщика крепостных дел Коллежский Секретарь Свержевский, что под двадцатою строкою сей страницы дописаны слова «У сей раз-

дельной записи состоящий по корпусу лесничих Прапорщик Федор Фердинандов Шульц свидетелем был и руку приложил» что должно быть тому верить. К совершению на деле и подлинную раздельную запись принял Полковник Александр Александрович Пушкин. К совершению на деле и подлинную раздельную запись приняли Коллежский Советник Григорий Александрович Пушкин. Подлинную за надлежащим подписал¹.

М.П.

Верно:

Заведующий делом производством

[неразборчиво]

Время идёт, близится 100-летний юбилей А.С. Пушкина. Всё больше людей посещает Михайловское, желая поклониться поэту, посетить его могилу в Святых Горах. В обществе зреет мысль сделать усадьбу общенародным достоянием. Как видим из переписки Г.А. Пушкина, приведённой в статье А.В. Буковского «Выкуп сельца Михайловского в 1899 году (по переписке родственников поэта)»², тема продажи усадьбы возникает не позднее чем в начале 1895 года (см. письмо Г.А. Пушкина к сестре А.П. Араповой). А в ответном письме члену Пушкинского комитета уездному предводителю дворянства барону Г.В. Розену от 16 октября 1898 года Григорий Александрович пишет: «...в принципе я согласен продать село Михайловское целиком... просил бы назначить комиссию для определения на месте стоимости...»³.

5 октября 1898 года по повелению императора Александра III учреждён особый Комитет для празднования столетней годовщины А.С. Пушкина под председательством Н.Н. Новосильцева, псковского губернского предводителя дворянства. Почётным членом комитета назна-

¹ Отметим одно несоответствие. В ответном письме великому князю К.К. Романову от 17 декабря 1898 года по поводу передачи в государственную собственность могилы А.С. Пушкина и села Михайловского Александр Александрович пишет: «Что же касается до села Михайловского, то имение это, хотя и числится за мной и за братом моим Григорием...» Цит. по: *Буковский А.В. Выкуп сельца Михайловского в 1899 году: По переписке родственников поэта // Михайловская пушкиниана. Вып. 3. М., 1999. С. 20.*

² Большинство опубликованных документов находится в ИРЛИ, в архиве «Маркутье», ф. 246, №. 72.

³ *Буковский А.В. Выкуп сельца Михайловского... С. 16.*

чен Г.А. Пушкин. 12 декабря Григорию Александровичу пишет великий князь К.К. Романов, президент Академии Наук: «...Высочайше утвержденная Комиссия по празднованию столетия со дня рождения родителя Вашего имеет в виду ходатайствовать о приобретении в государственную собственность могилы поэта, а если представится возможным, то и всего села Михайловского. Ввиду этого я прошу Вас уведомить меня, согласны ли Вы будете на возбуждение такого ходатайства...»¹. Судя по всему, такое уведомление было сделано, и «Правительственный вестник» № 22 от 28 января 1899 года печатает «Высочайше утверждённую 20 января 1899 года, по докладу Августейшего Президента Императорской Академии Наук программу предполагаемого чествования памяти А.С. Пушкина», где в п. 11 сказано: «Положено ходатайствовать перед Его Императорским Величеством: а) О принятии Правительством на себя забот по охранению навсегда в приличном виде могилы А.С. Пушкина в Святогорском монастыре; б) О приобретении в казну усадьбы и, если возможно, всей земли имения Пушкиных села Михайловского, Опочецкого уезда, Псковской губернии с предоставлением Псковскому дворянству устроить в этой усадьбе *помещения для нуждающихся престарелых писателей* (курсив наш. – *Авт.*)». Далее, 1 апреля 1899 года Н.И. Новосильцев пишет Г.А. Пушкину: «Милостивый государь Григорий Александрович! Управляющий Дворянским (Земельным. – *Авт.*) Банком князь Ливен мне передал, что 3 апреля с. г. Министром финансов будет сделан Всеподданнейший доклад о приобретении в казну с. Михайловского, причём г. Министр нашёл возможным назначить цену до 145 т. Сегодня я еду в Петербург и на днях буду Вам телеграфировать, лишь только узнаю резолюцию Его Величества...»².

Затем следует официальное согласие в форме прошения Г.А. Пушкина на совершение купчей крепости³:

Его Высокопревосходительству Господину Министру Финансов (С.Ю. Витте. – *Авт.*)

Прощение

Вследствие письма от 25 сего Июня за № 3944 имею честь заявить Вашему Высокопревосходительству что я согласен на совершение купчей крепости на принадлежащее мне имение Михайловское,

¹ Там же. С. 19.

² Там же. С. 27.

³ РГИА. Ф. 593, оп.1, д. 386, л. 6, 6 об.

приобретаемое в собственность казны по оценке стоимости определенной Дворянским Банком в сумме 144600 рублей *без инвентаря и прочего движимого имущества не вошедшего в означенную оценку, которое оставляю за собою* (курсив наш. – Авт.¹). Причём все расходы, относящиеся к совершению купчей крепости я на себя не принимаю.

Имение же это ни где не состоит в залоге и под запрещениями, а также никаких недоимок за ним не числится.

При этом имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство сообщить мне о дальнейших Ваших распоряжениях.

Статский Советник Григорий Александрович Пушкин.

29 июня 1899.

г. Вильно

В приложенной к документу справке² сказано:

¹ Многие вещи были увезены Григорием Александровичем в Маркутье, или Маркучай, расположенное недалеко от Вильнюса имение жены его Варвары Алексеевны Мельниковой, куда Пушкин уехал на жительство. В 1951 году экспедиция сотрудников Заповедника, при участии С.С. Гейченко и В.Я. Шпинёва, привезла из Маркучая в Михайловское несколько вещей. Вот что пишет об этой поездке В.Я. Шпинёв, бывший главным хранителем в Пушкинском Заповеднике: «В 1951 г. сотрудники совершили небольшую поездку в Вильнюс. Заставило туда поехать следующее обстоятельство. Известно, что сын Пушкина Григорий Александрович навсегда покинул Михайловское и доживал свой век в имении жены... Ехал Григорий Александрович, конечно, не налегке, а с большим обозом мебели, посуды, холстов и других предметов, среди которых были вещи старые, времен отца, а может быть, и деда. Был даже слух, что после смерти Григория Александровича его жена, Варвара Алексеевна, предлагала якобы Советскому правительству через польское посольство приобрести у неё подлинные вещи Пушкина. Всё это подогревало интерес к Вильнюсу, и поездка была совершена. Сенсационной она не оказалась. Там рассказали, что ещё в 1939 году некто Шмаков увёз из Вильнюса часть пушкинской мебели, оставив музею на память расписку на листке из школьной тетради.

Но приехали из Вильнюса не с пустыми руками. Совершенно случайно на чердаке старого дома была найдена этажерка для книг. Её местонахождение и обстоятельства находки дают нам основание полагать, что эта полочка из Михайловского. Сейчас она стоит в кабинете Пушкина. Порывшись в вещах Вильнюсского музея, мы нашли там очень старую подставку для биллиардных киев, фаянсовое блюдо и чайное блюдце, два высоких бокала. Вывезли мы тогда из Вильнюса и кусочки холста с вышитыми на них цветочками. Это работа крепостных мастериц XVIII в. Таким холстом были обиты стены Михайловского дома Пушкина» (архив Е.В. Шпинёвой).

² РГИА. Ф. 593, оп. 1, д. 386, л. 7.

«Имение потомственного дворянина Г.А. Пушкина... при селе Михайловском с пустошами Кривцов, Горки, Локтевой, Махневой и Толстеевой с отрезами, заключающее в себе по трём представленным в банк планам 1162 дес. 800 саж., в том числе одной удобной 1074 дес. 2075 саж. оценено Советом Государственного Дворянского Земельного Банка в сто сорок четыре тысячи шестьсот руб. В эту оценку не вошли находящиеся в имении движимое имущество и инвентарь.

Расходы по совершению купчей крепости по приблизительному подсчёту могут быть определены в сумме около 6400 руб., то общий итог расходов по приобретению названного имения в казну составит 151 000 руб.».

Наконец, указом министра финансов статс-секретаря Витте № 4312 от 9 июля 1899 года до Государственного Дворянского Земельного Банка доводится:

«Государь Император по всеподданнейшему докладу моему в 9 день сего Июля ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил: 1). приобрести в казну имение Пушкиных, село Михайловское, Опочецкого уезда, Псковской губернии в ведение Государственного Дворянского Земельного Банка, с отнесением вызываемых сим расходов, в сумме 151 000 руб., на счёт 12 миллионов рублей, назначенных по действующей государственной росписи на непредусмотренные сметами, экстренные надобности и 2). предоставить Псковскому дворянству устроить в усадьбе этого имения, по соглашению с Академиею Наук, какое либо благотворительное учреждение, связанное с именем Пушкина...»¹.

[Купчая крепость]

Цена 519 р. – 1887.

Актовая бумага свыше 120 000 до 150 000 руб.

Четыреста пятнадцать рублей.

Означенное в сей выписи имение находится в дачах Опочецкого уезда, генерального межевания под названием: 1) сельцо Зуёво, что ныне Михайловское Лит. 3–64 генер. № 1778 с количеством земли 677 дес. 154 саж. 2) «под назв. Нивы Распопинской Лит. Р-48 генер. № 1779 с количеств. земли 2372 кв. саж. и № 3) под названием Нивы Распопинской Лит. Р-46 генер. № 1780 с количеством земли 1321 саж. Всего в 3-х означенных участках генер. межевания земли 678 дес. 1447 сажень.

И.д. Старшего Нотариуса Псковского Окружного Суда [подп.] Сквицов.

¹ РГИА. Ф. 565, оп. 8, д. 29398, л. 10, 10 об.

По реестру выписям № 1241.
Выпись из крепостной Псковского Нотариального Архива книги по Опочецкому уезду за 1899 год.

По книге стр. 132, 133 и 134 № 93.

По реестру часть 22 стр. 657 и 659

№ 1326 отд.1 и 11 № 2.

Псковское Отделение Госуд. Двор. Зем. Банка

17 Авг. 1899

№ 1017

Тысяча восемьсот девяносто девятого года Августа четвертого дня, явились к Александру Егоровичу Шолпо, Псковскому Нотариусу, в конторе его, по Великолуцкой улице в доме № 27, лично ему известные и к совершению актов законную правоспособность имеющие Статский Советник Григорий Александрович Пушкин, жительствующий в городе Вильне и управляющий Псковским Отделением Государственного Дворянского Земельного Банка Александр Иванович Филиппев, жительствующий в городе Пскове, действующий по уполномочиям Государственного Дворянского Земельного Банка от 20 и 23 Июля сего года за №№ 32222 и 32466 в подлинниках ему предъявленных, в сопровождении лично ему известных свидетелей: дворянина Генриха Ивановича Пацевича, Губернского Секретаря Василия Гавриловича Григорьева и дворянина Павла Петровича Богушевича, жительствующих в городе Пскове, с объявлением, что они, Пушкин и Филиппев, совершают купчую крепость на следующих условиях: из них Григорий Александрович Пушкин продал Казне, в ведение Государственного Дворянского Земельного Банка, своё собственное недвижимое имение «село Михайловское», состоящее Псковской губернии Опочецкого уезда, доставшееся ему по раздельному акту, учинённому с братом его Александром Александровичем Пушкиным, совершённом в Ковенской Палате Гражданского Суда 5 февраля 1870 года за № 10. Продажа эта учинена: 1) со всеми землями, лесами, водами, всякого рода угодьями по дачам, переписным и отказным книгам, по планам и межевым книгам и по всяким крепостям, к тому имению принадлежащим: мерою всей земли в трёх отдельных участках свободной от крестьянского надела удобной и неудобной, как видно из вышеозначенного раздельного акта, одна тысяча сто восемьдесят десятин, а по планам одна тысяча сто шестьдесят две десятины во-

семьсот сажень, не оставляя ничего за собою; 2) с домами и другими строениями и 3) с тем, что арендная плата, сколько таковой по расчёту будет следовать по разным письменным договорам, заключённым по этому имению, с первого Августа по первое Ноября сего года, поступает в пользу Казны; всё же подлежащее уплате арендаторами с первого Ноября тысяча восемьсот девяносто восьмого года по первое Августа текущего года, поступает в пользу продавца Пушкина. Так как означенное имение продается без инвентаря и прочего движимого имущества, то Пушкин обязан таковое убрать по первое Сентября сего года. Недвижимое имение это Пушкин должен сдать в том положении, в котором оно находилось во время осмотра его оценщиком Псковского Отделения Дворянского Банка Беляевым, произведённого с пятого по девятое Февраля текущего года. А взял Пушкин за то недвижимое имение сто сорок четыре тысячи шестьсот рублей, при чём все расходы по совершению и утверждению сего акта относятся на счет Казны. На предь же сего оно недвижимое имение никому не продано, не заложено, никому по закону не передано и не отписано; если же кто в оно почему либо будет вступаться, продавец и наследники его Казну от тех вступщиков и от убытков, могущих быть от того обязаны очищать как следует по законам. Все недоимки Государственных, Дворянских, земских и других повинностей и сборов, причитающихся за имение Михайловское по первое Августа обязан уплатить продавец Пушкин. Ст. 205, т. V уст. о пошл. сторонам объявлена. Выпись вышеозначенного раздельного акта была ему Нотариусу, представлена.

Акт сей совершённый Псковским Нотариусам Шолпо, утверждён исправляющим должность Старшего Нотариуса Псковского Окружного Суда тысяча восемьсот девяносто девятого года Августа пятого дня; при чём взыскано пошлин актовых три рубля, крепостных пять тысяч семьсот восемьдесят четыре рубля, канцелярских шестьдесят копеек и на публикацию три рубля и определено выдать главную выпись на листе гербовой бумаги пятисот девятнадцати рублевой цены управляющему Псковским Отделением Государственного Дворянского Земельного Банка Александру Ивановичу Филиппеву.

Выпись эта, слово в слово сходная с актом, внесённым в крепостную книгу и записана в реестр 1899 года под № 1241 и выдана управляющему Псковским Отделением Государственного Дворянского Земельного Банка Александру Ивановичу Филиппеву. Августа четырнадцатого дня

тысяча восемьсот девяносто девятого года. Подписал: И.д. Старшего Нотариуса Скворцов¹.

Далее, освещая деловые бумаги, определяющие продажу в казну имения Михайловское, приведём следующее письмо:

Господину Земскому Начальнику 1 го участка Опочецкого уезда
Павлу Фёдоровичу Карпову

На основании доверенности, выданной мне Псковским Губернским Предводителем Дворянства Новосильцевым, уполномочиваю Вас принять от Государственного Дворянского Банка усадьбу Михайловское и имущество к ней принадлежащее, купленное от Григория Александровича Пушкина и поступающую в собственность Дворянства Псковской Губернии доверяю Вам вести всякого рода дела, касающиеся управления означенной усадьбы... Всеми, что по сей доверенности законно учинено будет я верю, спорить и прекословить не буду.

Опочецкий Уездный Предводитель граф П. Гейден.

Августа 16 го дня 1899².

Вводный лист³

Копия

1899 года Сентября 8-го дня, во исполнение определения Псковского Окружного Суда, состоявшегося двадцатого Августа 1899 года, изложенного в исполнительном листе онаго Суда, от 23 Августа 1899 года, за № 7330, мною Земским Начальником 1 участка Опочецкого уезда Павлом Фёдоровичем Карповым введена сего числа во владение при нижеподписавшихся свидетелях. Казна в лице Государственного Земельного Банка недвижимым имением селом Михайловским, состоящим Псковской губернии, Опочецкого уезда, и заключающимся в земле мерою Одна тысяча сто восемьдесят десятин, а по планам Одна тысяча сто шестьдесят две десятины восемьсот сажень, доставшееся Казне по купчей крепости, совершённой у Псковского Нотариуса Шолпо 4-го Августа 1899 года за № ⁹³/₂.

¹ РГИА. Ф. 593, оп. 1, д. 386, л. 30–31. Документ опубликован В.Г. Никифоровым в кн.: *Никифоров В.Г. Земли родной минувшая судьба // Михайловская пушкиниана*. Вып. 17. М., 2001. С. 62–64.

² РГИА. Ф. 593, оп. 17, д. 208, л. 3, 3 об.

³ Опубликован В.Г. Никифоровым в кн.: *Никифоров В.Г. Земли родной минувшая судьба*. С. 64–65.

При вводе во владение спора от присутствующих свидетелей заявлено не было. При сем вводе во владение свидетелями были смежные владельцы крестьяне Воронежской волости дер. Лопатино Николай Гаврилов и дер. Козаны Василий Фёдоров Громов, а за них неграмотных по просьбе и за себя расписался крестьянин той же волости слободы Тоболенца Иван Иванович Бакусов. Помещик с. Петровского Александр Осипович Княжевич.

При сем вводе во владение присутствовал Сельский Староста Воронежской волости Снеговского Общества Павел Емельянов а по безграмотству приложил печать [печать]

При вводе во владение присутствовал представитель Казны Уполномоченный Псковским Отделением Государственного Дворянского Земельного Банка, Непременный Член Псковского Отделения Крестьянского Банка Б. Фосс.

Ввод во владение совершил и копию сего листа выдал Земский Начальник Карпов.

У сего [печать]

С подлинным верно

Земский Начальник Карпов

У сего [печать]¹

Расставание с Михайловским не было для Григория Александровича лёгким делом. Сердце его, конечно же, болело. Об этом говорит тон письма, адресованного, видимо, министру финансов С.Ю. Витте:

Ваше Высокопревосходительство.

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой сообщить мне, должен ли я считать имение моё Михайловское окончательно приобретённым в Государственную собственность, и если оно куплено, то я желал бы узнать, когда и кому я должен его передать, так как намерен уехать за границу лечиться. Прошу извинить за беспокойство и почтить меня ответом.

С глубоким почтением, совершенной преданностью имею честь быть готовым к услугам Вашим.

Григорий Пушкин

14-го Июля 1899 г. Вильно. Маркутье².

¹ РГИА. Ф. 593, оп. 1, д. 386. л. 32, 32 об.

² РГИА. Ф. 565, оп. 8, д. 29398, л. 1. У А.В. Буковского (Выкуп Михайловского... С. 25, 26) приведён черновик письма, немного отличающийся от этого.

Настроение тех дней хорошо передано в воспоминаниях внука А.П. Керн, известного учёного-географа Ю.М. Шокальского: «Михайловское он (Г.А. Пушкин. – *Авт.*) глубоко любил; весной 1899 года случилось мне быть в деревне (в Голубово. – *Авт.*) и заехать к Григорию Александровичу. <...> Грустно было подъезжать к селу через многолетний бор, зная, что это в последний раз. <...> Весь этот день какая-то невольная грусть царил среди нас; нередко наступало невольное молчание, чувствовалось, что думы каждого шли в унисон, – и воспоминания былого давили нас. Прогулка вокруг села со знакомыми, милыми видами нас не развлекла, а напротив навеяла грустные мысли, сквозившие в нашем постороннем разговоре»¹.

Последний же документ, связывающий Григория Александровича с Михайловским, такой:

В Государственный Дворянский Земельный Банк
Статского Советника Григория Александровича Пушкина

Заявление

При продаже моего имения Михайловского, срок для ликвидации моих дел был назначен 1-го Сентября сего года, но в виду физической невозможности к этому времени свезти с лугов сено и собрать яровое, а также обмолотить его, – имею честь покорнейше просить дозволить мне окончить эти дела до 1-го Января, конечно, рассчитывая на благоприятную зиму, которая позволит мне свезти сено санным путем, без чего нельзя убрать его. Сено крестьянское кошенное исполу находится вместе с моим. Надеюсь, что также не найдётся препятствия в том, чтобы собрать яровое, обмолотить его и оставить до продажи, само собой разумеется, что в своём личном интересе буду торопиться как можно скорее всё убрать из Михайловского.

Позволяю себе беспокоить этой просьбой, так как интересы казны не пострадают в эту пору года.

Статский Советник Григорий Александрович Пушкин.
27 Августа 1899. г. Вильно. Им. Маркутье².

До 1907 года, пока Михайловское находилось в ведении Государственного Земельного Дворянского Банка, осуществлялся контроль

¹ Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. III–IV. СПб., 1905–1906. С. 194.

² РГИА. Ф. 593, оп. 1, д. 386, л. 33–34.

за имением, ежегодно составлялись сметы расходов и доходов от земли и леса, осуществлялся ремонт зданий. Кроме того, в 1903 году была сделана опись предметов, имеющихся в имении, названная инвентарной книгой. В ней упомянуты: диван мягкий, окрашенный масляной краской, по образцу мебели А.С. Пушкина, конторка времён А.С. Пушкина, кушетка времени А.С. Пушкина, скамейка времён А.С. Пушкина, кушетка по образцу времён А.С. Пушкина¹. Также в расходах за 1902 год указано: «на исправление биллиарда покойного А.С. Пушкина» – 25 руб.²; в 1899 году делается инвентарная опись (таксационное описание) Лесной дачи сельца Михайловское³. Но поставленная Советом Министров задача: «предоставить Псковскому дворянству устроить в усадьбе этого имения, по соглашению с Академией Наук, какое либо благотворительное учреждение, связанное с именем Пушкина» – будет выполнена только после фактической передачи Михайловского Псковскому дворянству. А передача эта произошла лишь в 1907 году. Этому предшествовало несколько обстоятельств.

Первоначально среди некоторых лиц возникает мысль устроить в Михайловском четырёхклассное училище – на деньги от продажи крестьянам земли от состава имения. Об этом идёт речь в переписке Управляющего Государственным Дворянским Земельным Банком В.В. Мусина-Пушкина и Директора Департамента Государственного Казначейства М.Д. Дмитриева в апреле 1902 года⁴.

В 1901 году Михайловское посещает управляющий Псковским отделением Дворянского Банка А.А. Коропчевский; 3 декабря того же года он составляет «Доклад... по казённому имению с. Михайловское», в котором пишет: «Цель моей поездки... была ознакомиться с этим имением, как с его оценочной стороны, так и с экономическим положением, в смысле его стоимости и доходности»⁵. Коропчевский подробно описывает земли, их финансовый потенциал, леса, их состояние, указывает на необходимость соединения с телефонной станцией в Святых Горах и итожит: «Этим, казалось бы, и следовало закончить мой отчёт по по-

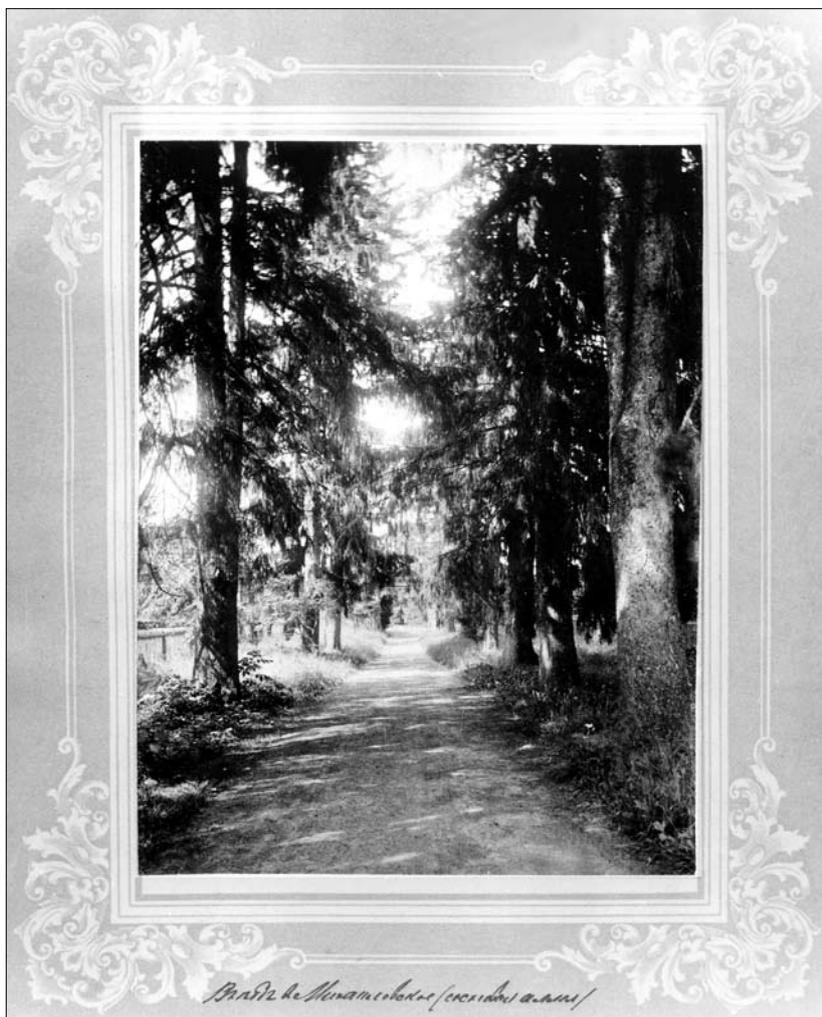
¹ РГИА. Ф. 593, оп. 17, д. 208, л. 166.

² Там же, л. 66.

³ РГИА. Ф. 593, оп. 1, д. 386, л. 73–88 об.

⁴ РГИА. Ф. 565, оп. 8, д. 29398, л. 23–24 об. В свою очередь Витте 24 апреля 1902 года пишет Президенту Академии Наук о сложностях продажи земли крестьянам для открытия 4-классного училища. Ф. 593, оп. 1, д. 386, л. 48.

⁵ Опубликован полностью в кн.: *Никифоров В.Г.* Земли родной минувшая судьба. С. 66–69.

*Въезд в усадьбу Михайловское со стороны «Еловой аллеи».
Подпись на фото – «сосновая аллея» – ошибочна. Снимок 1900-х
или 1910-х годов из фонда Государственного музея А.С. Пушкина (Москва)*

ездке, но быть в Михайловском и сознавать, что такое содержание этого исторического памятника вполне удовлетворительно, нельзя, невольно является по отношению меня, как стоящего во главе Отделения, которому поручено ближайшее заведывание имением, нравственная обязанность сказать и с своей стороны правдивое слово в массу различных проектов учреждений, которые должны иметь место в Михайловском. Так или иначе, но Михайловское не может долго оставаться в таком состоянии как бы летаргии, принося только известный % на затраченный капитал на его покупку, недостаточно также и того, что так тщательно оберегается лес и усадьба с своими постройками, – нужно оживить это чудное по воспоминаниям и природе имение, населить его юношеством, чтоб по окончании курса тех заведений, которые там создадутся, оно далеко разнесло бы славу своей alma mater и вместе с тем и тот умственный и нравственный памятник, создавшийся в бывшем уголке великого поэта и носящем его имя.

Из всех учреждений, о которых мне приходилось слышать за последнее время, предполагавшихся в с. Михайловском – более всего следует остановиться на 2-классной школе с параллельными классами по сельскому хозяйству и ремёслам. Данная местность в такой школе весьма нуждается, устройство её и оборудование судя по имеющемуся примеру такой же школы близ г. Пскова составит сумму до 40 000 рублей». И далее Коропчевский делает денежный расчёт по продаже земли и леса, показывая финансовую возможность «удовлетворить всем требованиям по содержанию основанного заведения»¹.

К тому же 1901 году среди общественности укрепляется мысль о создании в селе Михайловском так называемой колонии литераторов – благотворительного учреждения в память А.С. Пушкина с предварительной передачей имения в собственность Псковскому Дворянству. Эта идея, так сказать, имеет будущность. К её осуществлению много сил приложил Владимир Владимирович Философов, Псковский Губернский Предводитель Дворянства в 1903–1907 годы, Председатель Псковского Пушкинского комитета, ставший Председателем Комиссии по устройству колонии литераторов

15 января 1906 года Философов письменно обращается к министру финансов И.П. Шипову, прилагая к письму Историческую записку, в которой излагает весь ход дела, предшествующий созданию колонии литераторов. Приводим эти документы.

¹ РГИА. Ф. 593, оп. 17, д. 208, л. 80–83.

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь
Иван Павлович.

Исполняя постановление Псковского Дворянского Собрания, имею честь обратиться к Вам с ходатайством об испрошении ВЫСОЧАЙШЕГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволения на передачу принадлежавшего поэту Пушкину и находящегося в настоящее время в заведывании Дворянского Банка имени Михайловского, Опочецкого уезда, Псковской губернии, в полном его составе в собственность Псковскому Дворянству, с предоставлением Дворянству права продать отдельно лежащую пустошь, с тем чтобы доход с имения и с капитала, вырученного от продажи пустоши, шёл бы на устройство и содержание колонии для вдов и сирот литераторов и учёных и для писателей впавших в неизлечимую болезнь, а также для престарелых народных учителей и учительниц.

Указанное в Высочайшем повелении 9 июля 1899 г. соглашение Дворянства с Академиею Наук состоялось 15 декабря минувшего 1905 года и вероятно в непродолжительном времени АВГУСТЕЙШИЙ Президент Академии обратится к Вам по этому вопросу с особым Рескриптом.

Препровождая при сём краткую историческую записку по этому делу, я лицу себя надеждою, что Ваше Высокопревосходительство отнесётся с особым благосклонным вниманием к ходатайству Псковского Дворянства и Академии Наук.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моём уважении и искренней преданности.

В. Философов¹.

**Историческая записка
Об учреждении колонии в память поэта А.С. Пушкина
в селе Михайловском Псковской губернии**

Ещё в июле 1898 года у Псковского Дворянства возникла мысль о приобретении принадлежащего сыну поэта Пушкина – Григорию Александровичу Пушкину – села Михайловского с целью устройства в нём колонии для вдов и сирот литераторов, а также для писателей, впавших в неизлечимую болезнь, лишаящую их возможности заниматься

¹ РГИА. Ф. 593, оп. 1, д. 386, л. 89, 89 об.

литературным трудом¹. 5 октября 1898 года состоялось ВЫСОЧАЙШЕЕ повеление о разрешении всероссийской подписки для приобретения от наследников поэта Пушкина имения Михайловского и на постройку дома в г. Пскове для устройства в этом имении и доме общепользных учреждений имени поэта. Пока шёл сбор пожертвований, 9 июля 1899 года, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР по всеподданнейшему докладу бывшего Министра Финансов Статс-Секретаря Витте повелеть соизволил: 1. приобрести в казну имение Пушкиных село Михайловское... 2. предоставить Псковскому Дворянству устроить в усадьбе... какое-либо благотворительное учреждение, связанное с именем Пушкина.

Губернское Дворянское Собрание 31 января 1901 года, подробно обсудив вопрос, постановило: устроить в селе Михайловском колонию для вдов и сирот литераторов и учёных и для писателей, впавших в неизлечимую болезнь. В то время проект Псковского Дворянства встретил полное сочувствие в среде наиболее выдающихся современных писателей: члены Академии Наук по отделу изящной словесности А.С. Кони, В.Г. Короленко – письменно, а А.Н. Пипин (А.Н. Пыпин. – *Авт.*), Д.Ф. Кобеко, В.А. Крылов и многие другие устно выразили одобрение проекту. Однако Комиссия при Академии Наук 12 марта 1902 года, вероятно соглашаясь с личным мнением бывшего Губернского Предводителя Дворянства Новосильцева, выработала проект устройства в усадьбе села Михайловского сельскохозяйственной школы имени Пушкина. В чрезвычайном Собрании 29 мая 1902 года Псковское Дворянство отвергло предложение об устройстве школы, как несоответствующее великому значению и славе поэта и чувствам поклонения и уважения Псковского Дворянства к памяти великого и прославленного земляка, и вновь постановило устроить в селе Михайловском вышеупомянутую колонию. Приняв же во внимание, что на переданные Дворянству из Комитета для сбора пожертвований 31 000 руб. не представляется возможным осуществить предположение об устройстве колонии, Дворянство поручило Губернскому Предводителю Дворянства войти к Министру Финансов с просьбою оказать содействие к предоставлению Псковскому Дворянству села Михайловского под устройство проектируемой колонии, с тем чтобы отдельная лесная при имении пустошь могла бы быть продана для увеличения капитала, обеспечивающего содержание колонии.

¹ Псковский Губернский Предводитель Дворянства Н.И. Новосильцев 30 марта 1900 года пишет Витте, высказывая мысль об устройстве колонии в Пскове (ввиду дальности Михайловского), усматривая в Михайловском возможность летнего, дачного проживания (РГИА. Ф. 593, оп. 1, д. 386, л. 38–39). – *Авт.*

Настоящее постановление Псковского Дворянства и было исполнено Губернским Предводителем Дворянства 22 июня 1902 года за № 187, с приложением проекта основных положений учреждения колонии. На что и получен ответ от Государственного Дворянского Банка 9 июля 1902 года за № 23313 следующего содержания: «Г. Министр Финансов уведомляет Губернского Предводителя, что при покупке в казну имения Михайловского, имелось в виду оказать содействие сыну поэта А.С. Пушкина в устройстве его имущественных дел¹. Вместе с тем, согласно ВЫСОЧАЙШЕГО повеления от 9 июля 1899, Псковскому Дворянству было предоставлено устроить в усадьбе этого имения, по соглашению с Академиею Наук, какое-либо благотворительное учреждение, связанное с именем Пушкина, но упомянутым ВЫСОЧАЙШИМ повелением не предусматривалось дальнейшего вспомоществования от казны в каком-либо другом виде. Ввиду сего и принимая во внимание, что размер затрат казны обуславливался покупкою Михайловского имения в целом составе, с принадлежащими к нему отдельными участками, не находящимися в связи с усадьбою, и потому он не признал возможным обращение на содержание проектируемой колонии тех сумм, которые впоследствии могли бы быть выручены казной в случае продажи означенных отдельных частей из Михайловского имения».

В заседании 29 января 1904 года особая избранная Дворянством Комиссия рассмотрев ответ Государственного Дворянского Земельного Банка от 9 июля 1902 года за № 21313 (так в документе. – *Авт.*), постановила: не настаивать на передаче отдельной пустоши и просить и. д. Губернского Предводителя Дворянства ходатайствовать пред Управляющим Министерством Финансов о немедленном предоставлении Псковскому Дворянству села Михайловского для устройства колонии.

Государственный Дворянский Земельный Банк по поручению Г. Министра Финансов от 15 декабря 1904 года за № 36792 уведомил, что так как со времени первоначального ходатайства Псковского Дворянства никаких перемен в обстоятельствах дела не произошло и требуемого ВЫСОЧАЙШИМ повелением 9 июля 1899 года согласия между Академиею Наук и Псковским Дворянством о способах пользо-

¹ Нельзя не указать на ошибку в сообщении г-на министра финансов – имение Михайловское не было заложено, а, со строевым лесом на корню, находилось в прекрасном порядке; Григорий Александрович Пушкин кроме земли имел и капитал и совершенно не имел нужды продавать имение, а продал его, лишь уступая личному желанию Государя Императора. – *Авт.*

вания усадьбою села Михайловского до настоящего времени не последовало, – удовлетворение означенного ходатайства в настоящее время не представляется возможным.

В таком положении дело оставалось до января прошлого 1905 года, т. е. до чрезвычайного Дворянского Собрания 22 января, которому и была доложена историческая записка по сему делу с подробною справкою об имении Михайловском¹. Всесторонне обсудив вопрос и приняв во внимание, что устройство и содержание на надлежащей высоте колонии возможно для Дворянства лишь в том случае, если имение Михайловское в полном составе будет передано Дворянству, – чрезвычайное Дворянское Собрание постановило: поручить Губернскому Предводителю Дворянства войти немедленно в соглашение с Академиею Наук об устройстве в селе Михайловском, согласно многократно выраженного Дворянством желания предполагаемой колонии, с тем, чтобы, в случае если это будет признано более целесообразным и осуществимым, в колонию были помещены и те скромные труженики на ниве народного просвещения, которые в должностях учителей и учительниц низших народных школ, потеряют своё здоровье или достигнут преклонных лет, и просить Академию Наук ходатайствовать, совместно с Псковским Дворянством, пред ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ о передаче села Михайловского во всё его составе Псковскому Дворянству для устройства и содержания предполагаемой колонии.

Исполняя означенное постановление Дворянского Собрания, Губернский Предводитель о вышеизложенном сообщил Академии Наук и просил вновь войти в обсуждение последнего предложения Псковского Дворянства, высказав надежду, что на этот раз Академия согласится со взглядами Дворянства и признает возможным присоединиться к ходатайству Дворянства перед ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ...

¹ Кроме указанного, Псковское Чрезвычайное Губернское Дворянское Собрание постановило ходатайствовать перед Императором о разрешении внести в родословные книги губернии дворянский род Пушкиных – потомков Александра Сергеевича Пушкина по мужской линии, дабы «почтить память великого поэта», с предоставлением старшему в этом роде права участвовать, независимо от земельного ценза, «в изъятие из общих правил», в губернских дворянских собраниях. С таким ходатайством выступает 7 февраля 1906 года Министр Внутренних дел П. Дурново. Он же делает на полях документа пометку: «Высочайшее соизволение последовало в Царском Селе 8 Февраля 1906 г.» (РГИА. Ф. 1284, оп. 241, д. 135, л. 159, 159 об.). Братья Пушкины, конечно же, письменно благодарили В.В. Философова. – *Авт.*

Особая при Академии Наук Комиссия, под председательством ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА Великого Князя Константина Константиновича в заседании 15 декабря 1905 года признала желательным устройство указанной колонии и постановила Рескриптом АВГУСТЕЙШЕГО Председателя Комиссии Министру Финансов поддерживать ходатайство Псковского Дворянства.

Псковский Губернский Предводитель Дворянства В. Философов¹.

15 апреля 1906 года И.П. Шипов даёт согласие «представить на ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕИВ благовоззрение заявленное... ходатайство о передаче Псковскому Дворянству означенного имения в полном его составе»².

Комиссия по устройству колонии под руководством Философова на заседании 7 мая 1906 года рассматривает и принимает следующий документ:

**Выписка
из журнала Комиссии по устройству колонии
в селе Михайловском**

В заседание прибыли: Председатель Псковский Губернский Предводитель Дворянства В.В. Философов, члены: А.Н. Бренчанинов, Н.В. Ивашевский и приглашённые на это заседание Председатель Псковской Губернской Земской управы С.И. Зубчанинов, Директор Народных училищ И.А. Красов и и. д. Управляющего Псковским Отделением Дворянского Земельного Банка С.А. Данибек.

Председатель доложил проект положения об имении Михайловском и о колонии в селе Михайловском имени поэта А.С. Пушкина, средства колонии и смету.

Комиссия, рассмотрев проекты, положения и сметы и внеся некоторые поправки, единогласно приняла следующую редакцию:

**Проект
Положения об имении Михайловском и о колонии в селе
Михайловском имени поэта А.С. Пушкина**

1. В принадлежащем Псковскому Дворянству селе Михайловском, Опочецкого уезда, учреждается колония, имени поэта А.С. Пушкина, для приюта вдов писателей и писателей престарелых и неизлечимо

¹ РГИА. Ф. 593, оп. 1, д. 386, л. 90–91 об.

² Там же. Л. 103–104.

больных, а также для постоянного или временного проживания писателей, учителей и учительниц народных школ сельских и городских, больных или переутомлённых работою.

2. Общее заведывание как имением Михайловским, так и устроенных в нём учреждений принадлежит Псковскому Дворянству.

3. Главное Управление имением и колонию предоставляется Особому Главному Комитету, состоящему под Председательством Псковского Губернского Предводителя Дворянства, из 11 членов: представителя от Академии Наук (отд. русск. слов.), Попечителя колонии, его заместителя, Опочецкого и Новоржевского уездных Предводителей Дворянства, Председателя Губернской Земской Управы, Председателя Опочецкой уездной Земской Управы, Директора Народных училищ и 3 членов, выбранных Дворянством.

4. Для ближайшего заведывания колонию и имением Псковское Дворянство избирает Попечителя колонии и его заместителя из числа дворян, которые выразят желание принять на себя эти обязанности безвозмездно в память Пушкина.

5. Попечитель приглашает, а Главный Комитет утверждает Директора колонии и имения, из лиц, хорошо знакомых с сельским хозяйством.

6. Хозяйство и счетоводство имения и колонии ведутся совершенно отдельно.

7. Собственно колония управляется на месте Комитетом, состоящим под председательством Директора из 4 членов, выбранных на один год проживающими в колонии.

8. На обязанности Директора лежит и управление всем имением под руководством Попечителя.

9. Число проживающих в колонии определяется Главным Комитетом в зависимости от средств, которыми он может располагать.

10. Каждый проживающий помещается по возможности в отдельной комнате. Вдовы с детьми помещаются в двух или трёх комнатах и по возможности в отдельных домиках по одной или две семьи.

11. Все проживающие в колонии пользуются полным пансионом бесплатно.

12. Для общего пользования в колонии имеется библиотека, читальня, рабочая комната, приёмная-гостиная, столовая, лазарет, баня, купальня, лодка, цветник, парк для гулянья, а также обеспечивается возможно удобное сообщение с Святыми Горами (6 вёрст), где имеется церковь, почта, телеграф, доктор и пр.

13. Находящийся в имении старый барский дом (не считая новейшей пристройки), принадлежавший А.С. Пушкину¹, а также стоящий с ним рядом небольшой флигель (баня), где поэт жил с нянею в первые годы ссылки², – сохраняются как святыня, и в трёх комнатах дома устраивается гостиная и библиотека-читальня для проживающих в колонии, а в кабинете поэта устраивается маленький музей.

14. В имении должно быть устроено помещение и платный пансион для лиц, пожелавших посетить Михайловское.

15. Средства на содержание колонии образуются: 1) из %% с капиталов; 2) доходов с имения и 3) пожертвования, дохода от концертов, лекций и пр.

16. Полный отчёт по просмотре его ревизионною комиссиею из трёх выбранных дворянами членов представляется ежегодно Собранию Предводителей и Депутатов, а за три года Дворянскому Собранию и печатается в газетах.

17. Устав может быть дополнен или изменен Дворянским Собранием при участии членов Главного Комитета. Вопросы разрешаются в Очередном Собрании абсолютным большинством голосов, а в экстренном Собрании не менее $\frac{2}{3}$ участвующих в Собрании.

Средства колонии и смета

Имеющийся в настоящее время в распоряжении Дворянства капитал равняется 31 000 рублей, из этого капитала необходимо будет сейчас же истратить до 16 тысяч рублей на постройку, перестройку и обзаведение.

От продажи отдельно лежащих лесных дач и пустошей можно рассчитывать получить капитал в 100 000 руб.

Чистый доход с имения (приняв во внимание, что все продукты будут продаваться тут же на месте и что, оставив как необходимый парк 30 десятин лесу, остаток леса можно будет, устроив правильное лесное хозяйство, продавать) можно считать до 4 000 рублей.

Надо надеяться, что Земства, Дворянские Общества, Академия Наук и некоторые частные лица и общества не откажут в посильной помощи

¹ Старый барский дом за ветхостью был разобран, вероятно, полностью; Г.А. Пушкин на месте его построил новый. – *Авт.*

² Довольно распространённая легенда. Вряд ли Пушкин жил в баньке. – *Авт.*

учреждению в память поэта Пушкина и что в общем можно рассчитывать получать ещё до 1 400 руб. в год частных пожертвований и доход от спектаклей, концертов, лекций и пр.

Таким образом, доход колонии выразится в следующих цифрах:

1. с капитала в 15 тысяч	600 р.
2. с капитала 100 000 тысяч	4 000 р.
3. чистый доход имения	4 000 р.
4. частные пожертвования	1 400 р.
Расходная смета предполагается следующая:	
По 50 коп. в день на 20 проживающих	3 600 р.
Содержание администрации и прислуги	
Директор колонии	1 200 р.
Заведывающая хозяйством	360 р.
Кухарка	180 р.
5 прислуг	300 р. 2040 р.
Отопление и вода	1000 р.
Освещение	360 р.
Содержание лошадей и кучера	400 р.
Библиотека и читальня	200 р.
Доктору за проезд из Святых Гор	100 р.
Устройство увеселений	100 р.
Ремонт и страховка	1 000 р.
Канцелярские расходы	200 р.
10% в запасной капитал	1 000 р.

На 16 тысяч предположено сделать следующий расход:

На постройку (пока) трёх отдельных маленьких домиков в 4 жилых комнаты каждый (или одного большого)	8 000 р.
На ремонт 5 комнат в пристройке старого дома (по окраске полов, обои и пр.)	200 р.
То же в 5 комнатах большого флигеля	400 р.
Устройство помещения для посетителей колонии	300 р.
Покупка экипажей и лошадей	1 100 р.
На обзаведение мебелью и посудой	4 000 р.
Устройство парка, провод телефона, починка дорог	500 р.
Библиотека (предполагается, что много книг, даже целые библиотеки будут пожертвованы)	500 р.

На приведение по возможности 3 комнат в доме в тот вид, как они были при поэте Пушкине 600 р.
Непредвиденные расходы 400 р. 16000 р.

Председатель
Псковский Губернский Предводитель Дворянства В. Философов.

Именно здесь впервые заходит речь о музеефикации имения. Те же слова о создании музея есть в докладе министра финансов В. Коковцева Совету Министров: «О передаче дворянству имения бывшего Пушкина при с. Михайловском, Опочецкого уезда Псковской губернии» от 22 января 1907 года¹.

Наконец, следует Высочайшее утверждение Особым журналом Совета Министров от 23 января 1907 года рескрипта: «О передаче Псковскому дворянству имения, принадлежавшего Пушкину, при селе Михайловском, Опочецкого уезда, Псковской губернии». Вверху журнала надпись: «На подлинном ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было Собственноручно начертать: «Согласен», в Царском Селе, 27 января 1907 г.»

Приведём документ полностью, несмотря на то что он частично повторяет другие документы.

[Рескрипт]

Согласно ВЫСОЧАЙШЕМУ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА повелению, последовавшему в 9-й день Июля 1899 г., имение, принадлежавшее поэту А.С. Пушкину при селе Михайловском, Опочецкого уезда, Псковской губернии (площадью всего в 1 162 дес. 800 кв. саж.), было приобретено в казну, с передачею в ведение Государственного Дворянского Земельного Банка, за сумму 151 000 р., причём Псковскому дворянству предоставлено было устроить в усадьбе этого имения, по соглашению с Академиею Наук, благотворительное учреждение, связанное с именем Пушкина. Вопрос о выполнении означенного ВЫСОЧАЙШЕГО повеления был передан в состоящую при Академии Наук ВЫСОЧАЙШЕ учреждённую комиссию по постройке памятника Пушкину в С.-Петербурге, которая, заслушав решение Псковского дворянства об устройстве в селе Михайловском колонии для вдов и сирот литераторов и учёных и для писателей, вставших

¹ РГИА. Ф. 1283, оп. 1, д. 13, л. 3–5.

в неизлечимые болезни, а также для престарелых народных учителей и учительниц, одобрила это предложение. С тем вместе Императорская Академия Наук не встретила препятствий к продаже, согласно ходатайству Псковского дворянства, для увеличения имеющегося в его распоряжении на вышеуказанный предмет капитала, принадлежащих к имению пустошей «Горки» и «Кривцы», состоящих в отдельной меже и находящихся в нескольких верстах от усадьбы. В виду сего Псковский Губернский Предводитель Дворянства, в Январе 1906 г., исполняя постановление Псковского дворянского собрания, обратился к бывшему Министру Финансов, Тайному Советнику Шипову, с ходатайством об испрошении ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения на передачу в собственность Псковского дворянства принадлежавшего Пушкину имения, в полном его составе, с предоставлением дворянству права продать отдельно лежащие пустоши, с тем, чтобы доход с имения и с капитала, вырученного от означенной продажи, обращён был на устройство и содержание вышеозначенной колонии. При этом Псковским Губернским Предводителем Дворянства был представлен проект «Положения об имении Михайловском и о колонии в селе Михайловском имени поэта А.С. Пушкина». Согласно этому проекту главное управление имением и колонию возлагается на особый Комитет, под председательством Псковского Губернского Предводителя Дворянства, а для непосредственного заведывания колонию и имением Псковское дворянство избирает попечителя колонии, который, в свою очередь, приглашает директора из лиц, хорошо знакомых с сельским хозяйством. Ближайшее управление колонию возлагается на Комитет, состоящий, под председательством директора, из четырёх членов, выбранных приживающимися в колонии пенсионерами. Что касается средств колонии, то в распоряжении Псковского дворянства имеется капитал в 31 000 р., из коего необходимо будет предназначить до 16 000 р. на постройки и обзаведение. От продажи отдельно лежащих пустошей предполагается выручить 100 000 р., доход от которых, по присоединении к ним остающихся от вышеуказанного капитала дворянства 15 000 р. составит 4 600 р. Чистый доход остальной части имения, при устройстве правильного лесного хозяйства, может быть исчислен в 4 000 р.; кроме того ожидается ежегодно до 1 400 р. от разных пожертвований; а всего составит чистого дохода до 10 000 р. В такой же сумме ожидается и ежегодный расход. По отдельному счёту имения в Дворянском Земельном Банке числится свободного остатка доходов 9 839 р. 50 коп., каковая сумма, в случае

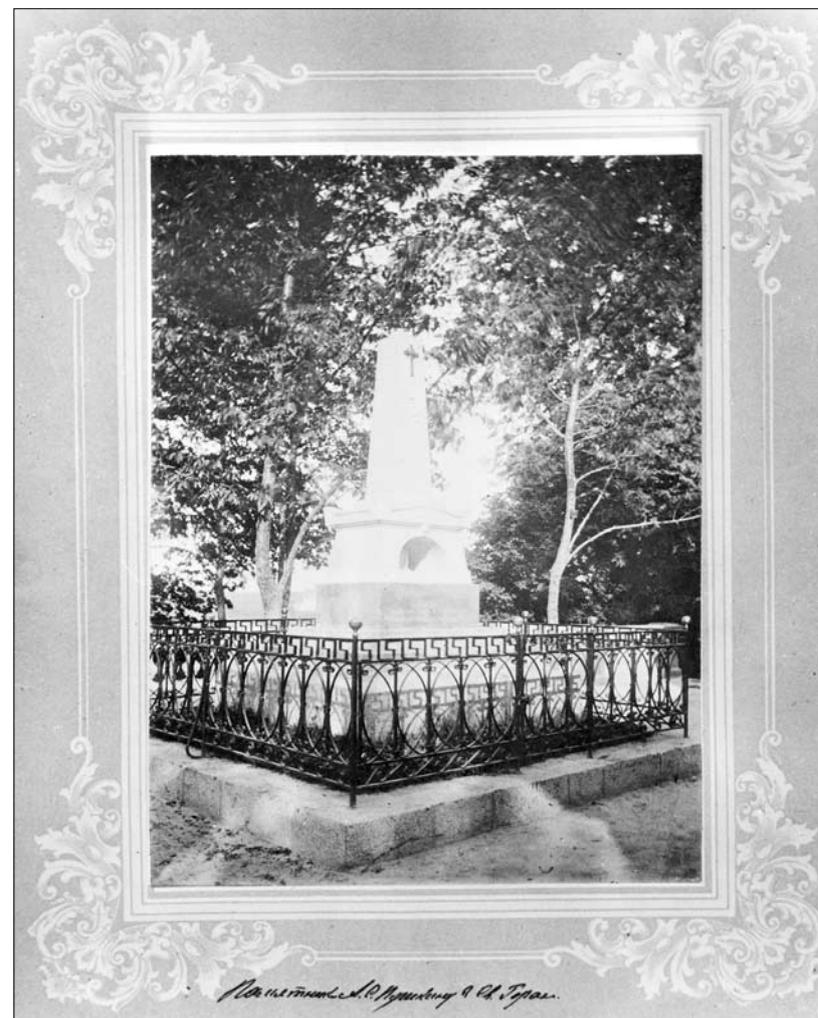
удовлетворения ходатайства Псковского дворянства, могла бы быть обращена, прежде всего, на покрытие расходов по укреплению имения за дворянством, а в остальной части – передана ему вместе с имением, в качестве его принадлежности. С формальной стороны, передача права собственности на имение Псковскому дворянству, в виду её безвозмездности, могла бы быть осуществлена возложением на Дворянский Земельный Банк выдачи данной на имя названного дворянства, применительно к порядку, предусмотренному в статье 57 приложения к статье 78 устава Банка, согласно которой по имению, проданному на произведённых Банком торгах, Совет Банка делает постановление об укреплении имения за покупщиком и сообщает подлежащему установлению о совершении и выдаче покупщику данной на оное.

Ныне Министр Финансов внёс на уважение Совета Министров представление по вопросу о дальнейшем направлении дела, признавая, с своей стороны, удовлетворение вышеуказанного ходатайства Псковского дворянства по существу дела желательным.

Совет Министров, рассмотрев настоящее представление и вполне одобряя вышеприведенные предложения Министра Финансов, принял во внимание, что имение Пушкина «село Михайловское» было приобретено в силу ВЫСОЧАЙШЕГО повеления 9 Июля 1899 г. не для извлечения из него доходов, а для специальной цели – почтить память поэта Пушкина устройством в усадьбе этого имения благотворительного учреждения его имени. В точном соответствии с указанным МОНАРШИМ предначертанием, надлежит ныне передать означенное имение Псковскому дворянству, причём по мнению Совета Министров, означенная передача, необходимая для исполнения ВЫСОЧАЙШЕГО повеления 9 Июля 1899 г., должна последовать в порядке Верховного управления, на основании статьи 11 свода основных государственных законов, издания 1906 г. С тем вместе Совет счёл нужным оговорить в заключении по настоящему делу, что, за продажою двух отдельных пустошей, остальная часть имения, то есть усадебный участок (собственно с. Михайловское), площадью в 638 дес. 2.150 саж., отнюдь не может быть отчуждаема каким бы то ни было способом, ни в целом, ни в частях.

Руководствуясь изложенным, Совет Министров полагает:

I. Передать в собственность Псковскому дворянству состоящее в ведении Государственного Дворянского Земельного Банка недвижимое имение «с. Михайловское», Опочецкого уезда, Псковской губернии, воз-

Могила Пушкина. Снимок 1900-х или 1910-х годов из фонда Государственного музея А.С. Пушкина (Москва). Пересъёмка с фото, хранящихся ныне в ГМП, имеется в архиве С.С. Гейченко, и, судя по комплектации документов дела, фотография «Могила Пушкина» была передана ему Натальей Павловной Вревской, женой внука Е.Н. Вульф-Вревской Михаила Степановича, в 1956 году

ложив на Дворянский Банк выдачу на это имение соответствующей от имени казны на имя Псковского дворянства данной, применительно к порядку, предусмотренному статьею 57 приложения к статье 78 устава сего Банка, и предоставив названному дворянству, по передаче ему означенного имения, продать отдельно лежащие пустоши «Горки» (445 дес. 2.300 саж.) и «Кривцы» (77 дес. 1.150 саж.), с тем, чтобы остальная часть имения не могла быть отчуждаема ни безвозмездно, ни через продажу, ни посредством иного какого бы то ни было акта или сделки.

II. Образовать из суммы, вырученной от продажи отдельных пустошей «села Михайловского» (отдел I), а равно из имеющихся на этот предмет у Псковского дворянства Средств (около 15 000 р.), – неприкосновенный капитал, который должен храниться в Государственном Банке, проценты же с него и доходы с неотчуждаемой части имения могут быть употребляемы исключительно для целей, указанных в ВЫСОЧАЙШЕМ повелении 9 Июля 1899 года.

III. Предоставить Министру Внутренних Дел, по соглашению с Императорскою Академиею Наук, утвердить проект «Положения об имении Михайловском и о колонии в селе Михайловском имени поэта Пушкина» и о порядке заведывания и пользования указанным в отделе II капиталом.

Такое своё заключение Совет Министров всеподданнейшим долгом почитает представить на ВЫСОЧАЙШЕЕ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благовоззрение.

Подлинный журнал подписан гг. Председателем и Членами Совета Министров и скреплён Помощником Управляющего делами Совета¹.

Передача происходила обычным порядком, т. е. через купчую крепость № 22/1865 от 1907 года марта 15 дня, составленную санкт-петербургским нотариусом Мелетием Фёдоровичем Барабановым². В документе помимо прочего сказано: «...согласно... журналу Совета Министров, расходы по укреплению упомянутого имения за дворянством надлежит произвести за счёт числящегося в распоряжении Дворянского Банка остатка от доходов по имению, остальная часть коего, за производством указанного расхода, должна быть передана дворянству вместе с имением в качестве его принадлежности. Посему

¹ РГИА. Ф. 1283, оп. 1, д. 13, л. 6–8.

² «Выпись из актовой книги для актов на недвижимые имущества Конторы С.Петербургского Нотариуса Мелетия Фёдоровича БАРАБАНОВА на 1907 год ч. 1 стр. 18 и 19 № 22». РГИА. Ф. 593, оп. 17, д. 208, л. 336–338.

Совет Государственного Дворянского Земельного Банка в заседании тринадцатого февраля тысяча девятьсот седьмого года, между прочим, постановил, что означенное имение подлежит укреплению по данной за Псковским дворянством в сумме ста сорока четырёх тысяч шестисот рублей в полном составе сего имения, со всеми находящимися в нём оброчными статьями, лесами, садами, постройками и всякого рода скотом, сельскохозяйственными орудиями и *со всеми вообще предметами* (курсив наш. – Авт.), составляющими принадлежность имения или его хозяйства...»¹.

11 августа 1907 года Управляющий Псковским отделением Государственного Дворянского Земельного Банка Александр Андреевич Коропчевский и уполномоченный Псковского Дворянства Георгий Владимирович Розен, ввиду передачи Псковскому Дворянству имения с. Михайловское, составили Акт передачи², в связи с чем был составлен «Инвентарь недвижимого и движимого живого и мёртвого имущества, а именно: построек, скота, мебели и других вещей, находящихся в имении с. Михайловском, принадлежащих Псковскому Дворянству» с указанием того, что оставалось на 25 июля 1907-го и к 1908 году³. В нём указана, в частности, «Мебель по заказу А.А. Коропчевского по образцу из с. Тригорского»⁴, что свидетельствует о желании уже и в эти годы придать интерьерам господского дома «пушкинский» вид.

Барон Розен, который 5 мая 1907 года Чрезвычайным Губернским Дворянским Собранием был избран попечителем колонии имени Пушкина⁵, и Философов, председатель Псковского Пушкинского комитета и почётный попечитель имения и колонии, много сделали для вверенного их заботам учреждения. В «Докладе попечителя по заведыванию имением сельцом Михайловским и колониею имени А.С. Пушкина Барона Георгия Владимировича Розена Псковскому Чрезвычайному Дворянскому 20 сентября 1908 года»⁶ подробнейшим образом описано имение, пахотные земли, аренда, леса, постройки, история пожара (о нём ниже), сметные данные, возможности продажи земель, планы устройства колонии, вся проведённая работа. Особенно интересны для

¹ Там же. Л. 337.

² Там же. Л. 306.

³ Государственный Архив Псковской области (далее ГАПО). Ф. 110, оп. 1, д. 1547, л. 1–12.

⁴ Там же. Л. 2 об.

⁵ Его заместителем тогда стал П.Ф. Карпов.

⁶ ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 1548, л. 1–10 об.

нас слова о музеефикации дома Пушкина. Первоначально предполагалось поступить следующим образом: «...приспособить часть господского дома и рядом находящегося флигеля под помещение колонии, оставив неприкосновенными 3 комнаты: кабинет, комнату для библиотеки и большую балконную в память прежнего дома поэта. Из остальных комнат предполагалось устроить пять отдельных жилых помещений, общую столовую и гостиную...»¹. В дальнейшем (после пожара) намерения изменились: «Весьма желательно построить дом в память А.С. Пушкина, по имеющемуся у меня рисунку того дома, в котором действительно жил и писал некоторые из своих лучших произведений наш великий поэт. Дом следует поставить на том самом месте, где находился дом, разобранный за ветхостью, сохранив в точности его размеры и снабдив по возможности такой же обстановкой, которая существовала при жизни поэта. Характер этой обстановки можно восстановить по некоторым вещам и мебели, сохранившимся у родственников поэта, а также собранными в Императорском Александровском Лицее. Для удешевления этой постройки можно употребить на рубку стен хорошие брёвна из большого амбара, имеющегося в Михайловском, совершенно излишнего для хозяйства, так как в усадьбе имеется ещё другой каменный амбар. Стоимость этой постройки обойдётся, вероятно, не дороже трёх или четырёх тысяч рублей, а может быть, и гораздо менее. Едва ли можно остановиться перед этой сравнительно небольшой затратой на постройку дома, который будет напоминать всем посетителям Михайловского условия, при которых жил и писал Пушкин»². По смерти Розена в 1908 году Философов издаёт брошюру «Краткая справка о Михайловском и о Колонии имени А.С. Пушкина. Посвящается памяти Барона Георгия Владимировича Розена». В ней он приводит краткую историю вопроса, излагает структуру колонии, основные положения её устава, приводит уточнённую (сравнительно с документом 1906 года) смету, разъясняет финансовую часть, говорит о предполагаемом здании. Несколько раз ссылается на доклад Розена. Цитирование брошюры полностью займёт много места, к тому же в ней отчасти повторяются тезисы из уже приведённых документов, но обратим внимание на п. 13 устава: «Находящийся в имении барский дом (не считая новейшей постройки), принадлежавший А.С. Пушкину, а также стоящий с ним рядом небольшой флигель (баня), где поэт жил

¹ ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 1548, л. 3 об.

² Там же. Л. 9, 9 об.

с нянею в первые годы ссылки, – сохраняются как святыня, и в трёх комнатах дома устраиваются гостиная, библиотека-читальня для проживающих в колонии и маленький музей (в кабинете поэта)»¹.

23 июля 1908 года в Михайловском случился пожар и господский дом – напомним, построенный на месте обветшавшего подлинного пушкинского дома – сгорел².

Как всегда, были слухи и домыслы. Но жизнь шла своим чередом. Газета «Речь» в № 151 от 5 июня 1909 года пишет: «В селе Михайловском 26 мая совершено [освящение] вновь возводимого дома Пушкина на месте сгоревшего в прошлом году. «Псковская жизнь» сообщает, что новый дом будет представлять собой точную копию с того дома, в котором жил поэт. В Академии художеств найдены планы и рисунки старого дома поэта, по которым вполне возможно восстановить дом. Вся внутренняя обстановка будет тоже восстановлена по имеющимся остаткам мебели и рисункам. Бывший кабинет Пушкина будет превращён в маленький музей, а остальные комнаты (4) будут служить гостиной, читальной и библикарной для колонистов. Единственное оставшееся в Михайловском со времён поэта здание – маленький флигелёк, где одно время поэт жил со своей няней Ариной Родионовной, будет покрыто чехлом (наподобие домика Петра Великого).

После молебна и освящения места постройки состоялось заседание комитета, на котором было решено, ввиду ограниченности средств, отказать пока от постройки большого каменного здания для колонии, проект сметы которого любезно составил проф. Н.А. Косяков; для начала же дела воспользоваться двумя существующими в имении небольшими деревянными зданиями, а также построить ещё одно деревянное же здание с тем расчётом, чтобы можно было с весны будущего года принять в колонию от 15–20 человек...».

¹ Философов В.В. Краткая справка о Михайловском и о Колонии имени А.С. Пушкина. Посвящается памяти Барона Георгия Владимировича Розена. Псков, 1909. С. 6. См. также сноски 1, 2 на с. 194.

² Возникает вопрос: что стало с некоторыми вещами, с мебелью преимущественно? В 1908 году, когда случился пожар, в доме делали ремонт, так что часть предметов обстановки могла находиться вне дома (сохранился, например, старинный бильярд). К тому же вся мебель, включая заказанную А.А. Коропчевским «по образцу из с. Тригорского», была вынесена из дому, когда он загорелся (см. «Доклад Попечителя по заведыванию имением сельцом Михайловским и колонию имени А.С. Пушкина барона Георгия Владимировича Розена Псковскому Чрезвычайному Дворянскому Собранию 20 сентября 1908 года». ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 1548, л. 5).

Господский дом и флигели для колонистов построены были по проектам архитекторов В.А. Шуко и, вероятно, В.А. Косякова¹ и освящены – в 1910-м флигели², а 26 мая 1911 года – Пушкинская колония и новый дом поэта. В этот день Епископ Псковский Алексей произнёс речь, завершил которую словами: «Да утешит и подкрепит Господь всех тех, кто будет жить и отдыхать здесь. Пусть, наконец, никогда здесь не забывается имя того человека, который в селе Михайловском вырос и сложился в великого поэта земли русской, который здесь же потом отдыхал и вдохновлялся. Пусть насельники Пушкинской колонии, литераторы и учителя народные, не забывают близкой к ним могилы Александра Сергеевича, пусть чаще приходят сюда *по тропе народной* – для молитвы за упокой души раба Божия Александра»³.

Журналистка Гаррис в заметке «Пушкинский уголок» довольно нелицеприятно пишет о доме в Михайловском: «Дом-музей» – неудачная имитация старины. <...> Со стороны усадьбы это почти казарма, нечто вроде хорошо выстроенного дома, какие встречаются на станциях железных дорог и служат помещением для кого-нибудь из администрации, но со стороны реки, закрытый зеленью, он красиво выглядит с горы своими белыми колоннами и даёт иллюзию помещичьего жилья. Внутри подделка чувствуется особенно сильно: гладкие белые стены

¹ В докладе барона Розена читаем: «Когда настоящий доклад был уже закончен, я получил ответ от директора Института Гражданских инженеров Императора Николая I, профессора Василия Антоновича Косякова, к которому я обращался с просьбою принять проект построек помещения для колонии имени А.С. Пушкина в Михайловском, как тему для студентов Института; он нашёл, что эта постройка едва ли будет подходящей как учебная задача для студентов последнего курса, а потому моя мысль, по его мнению, неосуществима. При этом Василий Антонович Косяков обрадовал меня сообщением, что он охотно поможет мне в этом деле лично. Просит прислать подробную программу проекта с кратким описанием условий местности, где предположено его осуществление; тогда он сделает эскиз, а по его одобрении комиссией и Комитетом разработает его подробно, то есть он будет приведён в такой вид, чтобы по нему можно было составить к нему смету, приняв в соображение местные условия и цены. Доводя об этом до сведения собрания, полагаю, что нам остаётся только выразить признательность профессору Косякову за обещанное содействие, которое весьма облегчит удачное осуществление предположений Дворянства» (ГАПО. Ф. 110, оп. 1, д. 1548. л. 10–10 об.). См. также: Пушкинская энциклопедия «Михайловское». С. Михайловское; М., 2003. С. 61.

² См.: Никифоров В.Г. Земли родной минувшая судьба. С. 89.

³ Псковские Епархиальные Ведомости. 1911. № 11.

аккуратно выбелены, двери и окна почти современного вида, в особенности обстановка, являющаяся неудавшейся копией старины. Вся мебель для «Дома музея» делали на заказ по образцу обстановки дома в Тригорском. Ещё первая комната, изображающая собой гостиную, с белыми креслами и диваном стиля empire обставлена более удачно, хотя блеск стен, полов, мебели слишком бьёт в глаза.

В бильярдной комнате – безобразный громоздкий бильярд, покрытый ярко-зелёным канцелярским сукном, а подлинный пушкинский бильярд, случайно уцелевший от обстановки прежнего дома, хранится, говорят, где-то в сарае... <...>

В комнате, изображающей кабинет поэта, большой письменный стол, диван, несколько кресел и стульев, сделанных тоже «под старину». Комната производит впечатление совершенно необитаемое: это не то официальный кабинет какой-нибудь конторы, обставленный с претензией на стиль, не то помещение в доме, «сдающемся с мебелью». Конечно, трудно восстановить все детали обстановки времён Пушкина, но все же нельзя не пожалеть о том, что при устройстве этого кабинета, как и вообще всего остального помещения, было приложено слишком мало художественного чутья и искренней любви к прошлому»¹.

Это не вполне справедливые слова, надо думать.

¹ См.: Гаррис М. Пушкинский уголок // Баян. М. 1914. № 7–8. С. 10–35. Ещё более резкие слова находит Ф.А. Васильев-Ушкуйник. В книге «Пушкинские уголки Псковской губернии» (М., 1924) он едко пишет о «музее Пушкина», устроенном «просвещёнными дворянами» (с. 47). Правда, автор, который посещал Михайловское «в 15–16 лет», явно пишет не по живому впечатлению (господский дом сгорел в 1918 году), а скорее по предвзятому мнению.

**Краткие сведения об авторах сборника
«Михайловская пушкиниана»**

Беляева Людмила Николаевна – начальник отдела музейной библиотеки Пушкинского Заповедника.

Бобылёва Валерия Борисовна – кандидат культурологических наук, председатель Пушкинского общества в Эстонии (Таллин).

Бурченков Константин Петрович – хранитель музея-усадьбы «Тригорское» Пушкинского Заповедника.

Бутрина Валентина Филипповна – старший научный сотрудник отдела просветительской и педагогической работы Пушкинского Заповедника.

Вершинина Наталья Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы ПГПУ имени С.М. Кирова (Псков).

Видякина Светлана Александровна – ведущая духовной передачи «Диалог», Латвийское радио (Рига).

Гейченко Татьяна Семёновна – старший научный сотрудник музейных фондов Пушкинского Заповедника с 1993 до 2005 года.

Козмин Вячеслав Юрьевич – кандидат филологических наук, хранитель музея «Пушкинская деревня» Пушкинского Заповедника.

Лагуни Игорь Иванович – искусствовед-архитектор, член-корреспондент Академии архитектурного наследия, член бюро Российского национального комитета ИКОМОС, эксперт международных проектов (Псков).

Старк Вадим Петрович – доктор филологических наук, профессор Государственной художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица (Санкт-Петербург).

Тихонова Людмила Павловна – начальник службы музейной экскурсионной и методической работы Пушкинского Заповедника.

Цветкова Нина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы факультета русского языка и литературы Псковского государственного педагогического университета имени С.М. Кирова (Псков).

Шпинёва Елена Васильевна – смотритель, экскурсовод, научный сотрудник, заведующая музейными фондами, заместитель директора Пушкинского Заповедника по фондовой работе с 1968 до 2006 года.

Содержание

Предисловие. <i>Елена Ступина</i>	3
I. Материалы XIV Февральских научно-музейных чтений памяти С.С. Гейченко «МУЗЕЙ В ИСТОРИИ. К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОГО МУЗЕЯ В СЕЛЬЦЕ МИХАЙЛОВСКОМ»	
<i>Константин Бурченков</i> . ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК В КАНУН СМУТНОГО ВРЕМЕНИ (1911–1917).....	4
<i>Людмила Тихонова</i> . ПИСАТЕЛЬНИЦА В.В. ТИМОФЕЕВА-ПОЧИНКОВСКАЯ – ПЕРВЫЙ ХРАНИТЕЛЬ СЕЛЬЦА МИХАЙЛОВСКОГО	18
<i>Вячеслав Козмин</i> . ГЕРОЙ СВОЕГО ВРЕМЕНИ: МЕЛЬНИК ОЛЬХИН.....	36
<i>Валентина Бутрина</i> . «ВСЁ МОНАСТЫРЬ... МОЖЕТ БЫТЬ ВОССТАНОВЛЕН». О чём рассказали документы научного архива музея	72
<i>Наталья Вершинина</i> . МИХАЙЛОВСКОЕ В МЕМОРИАЛЬНОМ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА (Ф.В. Булгарин, А.Н. Яхонтов, А. Дюма и другие) ...	86
<i>Игорь Лагуни</i> . ПУШКИНСКИЙ КРАЙ В ПОЧТОВЫХ ОТКРЫТКАХ (1899–1928)	96
<i>Нина Цветкова</i> . КОНЦЕПЦИЯ МУЗЕЯ-ЛИЦЕЯ И «ВОСПОМИНАНИЯ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕИСТА» А.Н. ЯХОНТОВА	112
<i>Светлана Видякина</i> . РИЖАНЕ – К 100-ЛЕТИЮ А.С. ПУШКИНА	122
<i>Валерия Бобылёва</i> . РОДОВОЕ ПОМЕСТЬЕ ЛИПХАРТОВ RAADI – ПРЕДШЕСТВЕННИК ЭСТОНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ	128
<i>Вадим Старк</i> . КОРРЕКТИВЫ ВНУТРЕННЕЙ ХРОНОЛОГИИ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА» В СВЯЗИ С ДЕРЕВЕНСКИМИ ГЛАВАМИ РОМАНА	136
<i>Людмила Беляева</i> . КНИЖНЫЕ ДАРЫ БИБЛИОТЕКЕ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА	150
II. Из научных изысканий сотрудников Пушкинского Заповедника	
<i>Татьяна Гейченко, Елена Шпинёва</i> . О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ СЕЛА МИХАЙЛОВСКОГО В НЕКОТОРЫХ ДОКУМЕНТАХ ПОСЛЕПУШКИНСКОЙ ПОРЫ	164
Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»	206

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 53

МАТЕРИАЛЫ

**XIV Февральских научно-музейных чтений
памяти С.С. Гейченко «Музей в истории.
К столетию первого музея в селе Михайловском»
(17–19 февраля 2011 года)**

Редактор Л.А. Токарева
Технический редактор В.В. Николаева
Корректор Т.П. Николаева
Компьютерная верстка: И.Г. Александрова

На первой странице обложки: мельница в «Пушкинской деревне».
Фото: Н.А. Алексеев

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)
181370, Псковская область, пос. Пушкинские Горы, село Михайловское.

Подписано в печать 01.02.2012. Формат 60x88 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Объем 13 печ. л. Заказ № 17. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ГППО «Псковская областная типография».
180004, Псков, ул. Ротная, 34